

Луи Эриье

**ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 года
И ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Выпуск I

1814 – 1848

перевод с французского А.Гинзбурга

Москва-Петроград: государственное издательство, 1923

Веб-публикация (скан, pdf): электронная библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Копии или другие форматы могут разместить у себя коллеги редакторы сайта «Политазбука», сообщество ЖЖ «Знание – власть».

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-го ВЫПУСКА

ВВЕДЕНИЕ. Народ и буржуазия при реставрации и буржуазном королевстве. 1814-1848 г.г.

I. Буржуазия и феодальное королевство. 1814—1830 г.г.

Классовые противоречия между буржуазией и народом Развитие крупной буржуазии при империи. Ее корыстолюбие при падении Наполеона. Мероприятия сената. Талейран и Людовик XVIII. Конституция 1814 г. Ханжество Людовика XVIII. Первый Парижский мир и Венский конгресс. Военная революция Ста дней. Вступление союзников в Париж. Суровые условия мира. Париж обогащается за счет обобранной страны. Мстительность роялистов. Политические процессы. Казнь маршала Нея. Белый террор в южной Франции. Убийство маршала Брюна. Казнь братьев Фоше. Бедственное положение народа из-за дороговизны 1817 г., хлебные бунты и сословные суды. Парламентская борьба с 1817 по 1820 г. Убийство герцога Беррийского. Ультра-реакционное законодательство. Конгрегация и миссии. Неудавшийся военный заговор. М-те дю Кэйля. «Рыцари свободы» и союз карбонариев. Неудачные попытки к восстанию 1821 и 1822 г.г. Казнь четырех сержантов из Ла-Рошели. Выборы 1824 г. Смерть Людовика XVIII. Закон против святотатства. Миллиарды эмигрантов. Коронование Карла X. Злоупотребления конгрегации. Распускание палаты депутатов. Новые выборы, победа конституционной оппозиции. Беспорядки в Париже. Частая смена министерств. Призвание кн. Полиньяка в августе 1829 г. Тронная речь 2-го марта 1830 г. Ответный адрес палаты депутатов. Ордонансы 28-го июля 1830 г.

II. Июльская революция

Классовые противоречия и положение буржуазии Лаффит. Политический индифферентизм народа. Биржевики и г-н Талейран. Влияние ордонансов. Нерешительность депутатов. Казимир Перье. Буржуазия подстрекает народ. Маршал Мармон.

27 июля. Наборщики и печатники кладут начало революции. Пример законного сопротивления. Бесцельные собрания депутатов. Стычка между войсками и народом. Развертывается трехцветное знамя. Политехническая школа готовится к бою. Организация восстания в ночь с 27-го на 28-е июля

28 июля. Политехническая школа вооружается. Диктатура маршала Мармона. Араго и делегация от депутатов у Мармона Депутация сообщает о неудачном исходе их посреднической попытки. План действий маршала. Марширование войск через бульвары по направлению к Бастильской площади Сражения на улице С.-Антуана. Войска оказались запертыми на улице С.-Дени, их освобождают швейцарские наемники. Новые

собрания депутатов. Войска очищают в полночь ратушу. Слепая самонадеянность Карла X.

29-е июля. Прокламация маршала Мармона. Мнимый генерал Дюбур. Битвы на левом берегу Сены. Взятие Лувра и Тюльери. Отпадение двух линейных полков. Разумная предусмотрительность Талейрана. Дюпен-старший воодушевляется. Париж под господством мнимой власти. Паника в доме Лаффита. Лафайет в ратуше. Учреждение муниципальной комиссии. Эксплоатация народной победы буржуазией. Орлеанские прокламации и агитация в народе. Победоносные орлеанисты организуют народное движение протест республиканцев. Урок для народа.

III. Интриги из-за вакантного престола

Карл X спохватывается слишком поздно. Пэры д'Аргу, граф Семонвиль и барон Витроль в качестве посредников в С.-Клу. Назначение герцога Монтмартского премьер-министром. Переговоры насчет избрания короля. Прокламация герцога Орлеанского. Поездка герцога Орлеанского в ратушу. Герцог Орлеанский — генерал-наместник. Тьер и живописец Ари Шеффер в качестве посредников в Нейли. Отъезд королевской фамилии из С.-Клу в Рамбулье. Презрительное обращение герцога Орлеанского с послом Карла X. Шествие парижан в Рамбулье. Карл X уезжает, и королевская чета садится на корабль в Шербурге. Парижане привозят королевские бриллианты обратно в Париж в государственных каретах. Избрание Герцога Орлеанского королем Франции. Луи-Филипп присягает в верности конституции. Достопамятные факты из истории Орлеанской фамилии и нового французского короля.

Ссылка для скачивания: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-1.pdf

Дополнительные материалы:

М.Ковальская. Движение карбонариев в Италии 1808-1821 гг.	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carbonnari.pdf
Луи Дезире Верон. Воспоминания парижского буржуа (фрагмент)	http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm#veron
Луи Станислав Ксавье (граф Прованский, Людовик XVIII)	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#louis_xviii
Наполеон Бонапарт	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#bonp
Гийом Мари Эн Брюн (биографическая справка, портреты)	http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#brune
Мишель Ней (биографическая справка)	http://vive-liberta.narod.ru/ref/curriculumvitae.htm#ney
Шарль-Морис Талейран	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#Tlr
Луи Жозеф II Филипп, герцог Орлеанский (Филипп Эгалите)	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#egalite

IV. Буржуазный король и его правление

Бедственное положение народа. Реорганизация национальной гвардии. Убийство принца Конде. Ненасытная жадность буржуазного короля. Процесс министров Карла X. Устранение Лафайета. Происки легитимистов; опустошение церкви St.Germain l'Auxerrois и архиепископского дворца. Роспуск палаты, отставка Лаффита. Казимир Перье объявляет революции беспощадную войну. Судебная победа республиканской оппозиции. «Порядок господствует в Варшаве». «Политика золотой середины». Восстание в Лионе 1831 г. Похороны ген. Ламарка; сражение на улицах Парижа в 1832 г. Процесс и распуск «Общества друзей народа». Заговор герцогини Беррийской. «Общество прав человека». Закон о союзах 25-го марта 1834 г. Второе восстание в Лионе в 1834 г. Восстание в Париже; бойня на улице Транснотен. Процессы о государственной измене 1835 в 1836 г. Покушение Фьески. Сентябрьские законы. Реакционное министерство и его законодательная деятельность. Тайные союзы. «Семейство» и «Времена года». Барбес и Бланки. Восстание 12-го мая 1839 г. Бедственное положение трудящихся классов. Экономический быт Франции в эпоху буржуазной монархии. Расцвет промышленности и коммерческих предприятий. Спекуляционная горячка в области железнодорожного строительства. Смерть герцога Орлеанского, наследника престола.

Кризис и голод 1847 г. Подкуп и продажность в «Правовом государстве». Хищение в военном и морском министерствах. Процесс Тест-Кюбьера. Убийство герцогини Шуазель-Праслен.

V. Социализм в эпоху буржуазной монархии

Проекты преобразования существующего общественного порядка. Бабеф и «заговор равных». Буонаротти и демократические карбонарии. С.-Симон к с.-симонисты. Социальная рабочая поэзия. Фурье и фурьеристы. Виктор Консидеран. Кабе и «Путешествие в Икарию». Переселение икарийцев. Луи Блан и организация труда. Прудон и его учение. Социальная теория философа Пьера Леру. Ламеннэ и религиозный коммунизм. Бюше и его христианско-социальное мировоззрение. Рюде и идея рабочих ассоциаций, «Atelier», первая рабочая газета. Отражение социалистических течений в художественной литературе. Жорж Занд, Евгений Сю, Беранже, Альфред де Мюссе, Феликс Пиа. Компетентное мнение об утопическом социализме.

Ссылка для скачивания: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-2.pdf.

Дополнительные материалы:

<i>В.Волгин.</i> Французский утопический коммунизм (Буонаротти, Бабеф, Леру, Кабе, Ламеннэ, Бланки, Фурье, Консидеран, Сен-Симон и др.)	http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html	
<i>О.Орлик.</i> Передовая Россия и революционная Франция	http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#orlic	
<i>Е.Кожокин.</i> Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf
<i>Ж.-П.Тома.</i> Барер в последние годы жизни	http://vive-liberta.narod.ru/journal/bb_tal.htm#thomas19	
<i>Луи Огюст Бланки.</i> Биографические очерки:		
<i>М.Доманже</i>	http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommang.pdf.html	
<i>В.Бонч.-Бруевич</i>	http://www.diary.ru/~vive-liberta/p66419947.htm	
<i>Г.Черткова.</i> От Бабефа к Буонаротти: движение во имя равенства или Заговор равных?	http://vive-liberta.narod.ru/journal/chert_egalite.pdf	
<i>П.Щеголев.</i> Заговор Бабефа	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/babeuf_shcheg.pdf	
<i>Ю.Данилин.</i> Очерк французской политической поэзии XIX в.	http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html	
<i>Филипп Жозеф Бюше</i>	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#buchez	
<i>Франсуа Нозль (Грах) Бабеф</i>	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf	
<i>Мари Жозеф Поль Ив Рок Жильбер Мотье, маркиз де Лафайет</i>	http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lf	
<i>Арман Каррель</i>	http://vive-liberta.narod.ru/biblio/carrel.pdf	

I. Революция и учреждение республики 1848 г.

Глава 1. Повременная пресса. Партии. Парламентская оппозиция. Решение оппозиции соединиться с народом. Законопроект Дювержье-де-Оран. Банкетная кампания. Ламартин в Маконе, Делеклюз и Ледрю-Роллен в Лилле. Народные движения в Польше, Италии и Швейцарии

Глава 2. Король открывает заседание палаты. Вызов, брошенный оппозиции. Методы борьбы оппозиции. Дебаты по поводу адреса. Подкуп, покрываемый правительством. Токвиль предсказывает социальную революцию. Отмена права собраний. Запрещение собрания в 2-м парижском округе. Вечер накануне боя.

Глава 3. 22-го февраля. Народ на площади Согласия. Участники из студенчества. Вторжение в палату. Парламентская оппозиция. Баррикады. Париж наводнен войсками. События 23-го февраля. Утренний бой. Падение Гизо и его министерства. Кажущийся мир. Драма на бульваре Капуцинов. Дочь с 23-го на 24-е февраля.

Глава 4. 24-го февраля. Бюжо, главнокомандующий армией. Один день управления Тьера. План нападения. Выполнение. Победа народа и деморализация войска. Попытка внести успокоения. Взятие ратуша. Король в Тюльери. Битва на площади Пале-Рояля. Отказ от престола. Республика в ратуше. Бегство Луи-Филиппа.

Глава 5. Впечатление, произведенное отречением короля в республиканских кругах. В «Nationale» В палате депутатов. Герцогиня Орлеанская. Народ проникает в палату Временное правительство. В «Reforme». Грозный вид Гревской площади. В ратуше. Народ требует республики. Провозглашение республики. Ночь с 24-го на 25-е февраля.

Ссылка для скачивания: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-3.pdf.

Дополнительные материалы:

Альфонс Ламартин

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblank>

Алексис Шарль Анри Морис Клерель

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#altqv>

де Токвиль

Б.Резюэ. Гизо, или доктрина

http://enlightment2005.narod.ru/arc/reisov_guizot.pdf

Глава 6. Республика и социализм. Мнение К.Маркса. Гревская площадь утром 25-го февраля. Право на труд. Красное знамя. Национальные мастерские и социальные мастерские Луи Блана. Министерство прогресса и труда.

Глава 7. Бланки. Франция временного правительства и их партии. Двусмысленное поведение правительства; Рабочие в Люксембурге. Закон о труде. Клубы. Пресса. Выборы. Буржуазия и народная республика. Финансовый затруднения временного правительства. Надбавка в 45% к прямым налогам. Манифестация буржуазии и манифестация рабочих 16-го и 17-го марта.

Глава 8. Революция и социальные, реформы. Кооперативное движение. Проект рабочих жилищ. Люксембургская комиссия и стачки. Законопроект комиссии. Национальные мастерские и реакции; заговор в недрах самого правительства. Иноземные рабочие.

Глава 9. Революция и Европа. Восстание в Вене и Берлине. Волнение в Германии. Италия: Милан, Венеция. Роль Карла-Альберта. Политика временного правительства и европейская революция. Французский народ и иностранные демократы. Попытки к восстанию вольных дружин. Жалкая тактика правительства.

Ссылка для скачивания: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_lheritier-4.pdf.

Дополнительные материалы:

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

Адольф Луи Тьер

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#thiers>

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

ВВЕДЕНИЕ. Народ и буржуазия при реставрации и буржуазном королевстве. 1814—1848 г.г.

I.

Буржуазия и феодальное королевство. 1814—1830 г.г.

Классовые противоречия между буржуазией и народом. Развитие крупной буржуазии при империи. Ве корыстолюбие при падении Наполеона. Мероприятия сената. Талейран и Людовик XVIII. Конституция 1814 г. Ханжество Людовика XVIII. Первый Парижский мир и Венский конгресс. Военная революция ста дней. Вступление союзников в Париж. Суровые условия мира. Париж обогащается на счет обобранной страны. Метительность роялистов. Политические процессы. Казнь маршала Нея. Белый террор в южной Франции. Убийство маршала Брюна. Казнь братьев Фоме. Бедственное положение народа из-за дороговизны 1817 г., хлебные бунты и сословные суды. Парламентская борьба с 1817 по 1820 г. Убийство герцога Беррийского. Ультра-реакционное законодательство. Конгрегация и миссии. Неудавшийся военный заговор. М-те дю Кэйля. „Рыцари свободы“ и союз карбонариев. Неудачные попытки к восстанию 1821 и 1822 г.г. Казнь четырех сержантов из Ла-Рошели. Выборы 1824 г. Смерть Людовика XVIII. Закон против святотатства. Миллиарды эмигрантов. Коронование Карла X. Злоупотребления конгрегации. Распущение палаты депутатов. Новые выборы, победа конституционной оппозиции. Беспорядки в Париже. Частая смена министерств. Призвание кн. Полиньяка в августе 1829 г. Тронная речь 2-го марта 1830 г. Ответный адрес палаты депутатов. Ординанс 26-го июля 1830 г.

Революции, хотя бы только политического характера, не делаются в один день. Если считать революцию со дня первого насильственного взрыва, то не будут понятны не только ее исторические основания и идейное содержание, но и весь величественный ход ее. Восстание есть нечто иное, как разряд долго сдерживаемого, вызванного вопиющими злоупотреблениями, народ-

ного гнева. Прорвавшееся наружу народное возмущение доходит до открытого сопротивления нередко лишь после сотни лет страданий и гнета. Кто хочет понять революцию, тот должен исследовать ее причины; лишь имея пред собой исторические события в целом и картину хозяйственной жизни, можно открыть естественный ход ее развития.

Это тем более необходимо при изучении февральской революции 1848 г., так как здесь в первый раз в истории нового времени сознательной целью борющегося пролетариата было политическое и социальное равенство имущих и неимущих классов. Между тем во всех прежних восстаниях широкая масса рабочих действовала под влиянием смутных, бессознательных побуждений, которые только затемняли ее собственные цели. Поэтому после достигнутой победы она доверчиво и добровольно выпрягалась в триумфальную колесницу буржуазии, ее естественного врага и временного союзника.

В революционном движении Франции следует различать два параллельных течения, у которых общего было только то, что оба они восставали против принципа абсолютной и феодальной власти. Одно было в интересах буржуазии и ее принципа свободной конкуренции с 1789 по 1830 год. Другое—борьба пролетариата, народа в истинном смысле этого слова, с девизом равенства и братства,—до 1848 г. ограничивалось лишь одними попытками к восстанию. В февральские дни оба класса сражались рядом, но после достигнутой победы самостоятельные требования пролетариата настолько опять обострили естественные классовые противоречия, что классовая борьба стала неизбежной ¹⁾.

¹⁾ Быть может, излишним будет здесь напомнить о том, что выражения „пролетариат“ и „пролетарии“ относятся исключительно к классу наемных рабочих, тогда как под „народом“, в противоположность буржуазии, нужно понимать всю массу некапиталистических и непривileгированных классов. Таким образом, к народу в этом смысле принадлежат, кроме наемных рабочих, также мелкие ремесленники, мелкие промышленники и мелкие крестьяне, а также масса лиц без определенных профессий, которых нельзя причислить ни к одной из этих категорий, хотя они ведут почти такой же образ жизни и переносят такие же страдания. „Буржуазия“—это класс современных владеющих капиталом предпринимателей в промышленном, торговом и финансовом

Историю февральской революции можно проследить с 1791 года, когда победоносная буржуазия в лице своего представителя, национального собрания, издала декрет, запрещающий всякого рода рабочие ассоциации. Это было чувствительным ударом для рабочего класса, который к этому времени начал организовываться, поняв, наконец, что причина его слабости кроется в его разрозненности. Непосредственно за этим декретом последовал целый ряд других мероприятий, направленных к тому, чтобы на долгое время удержать народ в зависимости от буржуазии. В мае 1795 г. спекулянты и хлебные ростовщики искусственно вызвали голод в стране. Несчастный, доведенный до отчаяния, народ поднялся, но восстание было подавлено силой. Для жестокой расправы с бунтовщиками были учреждены военные комиссии, которые дали возможность буржуазии насытить свою жажду мести: были осуждены «последние монтаньяры» ¹⁾, народные вожди, еще уцелевшие после прежних кровавых судов.

С этих пор трудящиеся массы впали в состояние летаргии, от которой проснулись лишь спустя 35 лет. Равнодушно смотрели они на все перемены в государственной жизни страны, которые произвело правительство за этот промежуток времени. Идеал свободы, за который в революционные 1789—1793 годы народ проливал свою кровь, должен был ступеньваться перед обманчивым призраком славы. Французский народ, который во время революции дал Европе свободные учреждения, при империи стал бичом народов.

Однако, буржуазия недогадливо насмалдалась своей самодержавной властью. На первый план, в связи с проведенной при

мире. Исторически он является носителем либеральных идей. Это выражение нередко употребляется и в более узком смысле, чем здесь приведено, именно для обозначения небольшого слоя крупных промышленников и финансовой аристократии. В этой книге это будет встречаться в обоих указанных смыслах, на что следует обратить особенное внимание, потому что политические интересы денежной аристократии не всегда совпадают с интересами широкой массы буржуазии. То же самое относится и к словам „народ“, „пролетариат“, которые во всей литературе, относящейся к рассматриваемой эпохе, совершенно произвольно смешивались друг с другом.

¹⁾ Члены партии Горы.

империи централизацией власти, выдвинулась парижская крупная буржуазия. Помимо сравнительно небольшого круга столичных крупных промышленников и финансовой аристократии, ей пришлось разделить свою власть с новой общественной силой, которая с падением римского преторианства исчезла из истории Западной Европы, но опять была выведена на всемирно-историческую сцену усилиями корсиканца-завоевателя, Наполеона Бонапарта. Эта новая общественная сила—милитаризм, ужасная социальная болезнь XIX столетия. Непосредственным результатом было то, что с падением военного деспотизма Наполеона и восстановлением «законного» королевства Бурбонов, снова возгорелась давнишняя борьба генеральных штатов и парламентов с короной, только в иной плоскости, по другим причинам и с другой оценкой достигнутых успехов. Власть буржуазии коренилась в условиях существующего общественного строя. Чтобы укрепить свое влияние в стране, буржуазия старалась захватить в свои руки власть в парламенте. Когда же она добилась этого, то она стремилась сделать парламент суверенным (полновластным), не уничтожая однако короны, которая нужна была ей лишь, как простая декорация. Но для этого необходимо было подавить во всех его проявлениях укоренившийся в старой монархии принцип наследственной монархии (власти «божьей милостью»).

Парижская буржуазия, благодаря росту промышленности, начиная с 1791 г., значительно изменилась по социальному составу. Из рабочего класса вышло бесчисленное множество мелких мастеров, из которых многие превратились в фабрикантов. Некоторым из них, как, например, поселившимся во Франции швабу Оберкампу—особенно повезло, они стали очень крупными предпринимателями. По мере того, как увеличивалось значение и влияние Парижа, естественно росло и его торговое сословие. Непрерывные наполеоновские войны требовали колоссальных денежных средств; увеличить подати и налоги было невозможно и приходилось прибегать к чрезвычайным сборам. Ввиду того, что военная контрибуция с побежденных народов поступала в казначейство только по окончании войны, то правительство могло покрывать свои дефициты только путем займов у банкиров, крупных торговцев и поставщиков армии, сло-

вом—при помощи крупных капиталистов. Само собой разумеется, что непосредственным результатом этой финансовой системы, при которой буржуазия могла диктовать свои условия правительству, было большое накопление крупных капиталов в руках отдельных лиц и рост безумных спекуляций и разных дутых предприятий. Жажда наживы, эта характерная черта капитализма, овладела всей буржуазией, и погоня за богатством поглотила все ее помыслы. Золотому тельцу она принесла в жертву все лучшие идеалы человечества, все нематериальные завоевания революции.

Но и тогда кое-кем овладевало боязливое предчувствие, что грандиозное здание, воздвигнутое ненасытным, мятущимся от одного предприятия к другому, императором, покоится на шатком основании, что подобное господство, идущее вразрез с внутренней логикой событий, есть не что иное, как случайный, скоропреходящий мираж. Наполеон сам говаривал неоднократно, что он раб своей судьбы. Он полагал, что его власть покоится на вере народов в его несокрушимую мощь, в его «престиж». Так и случилось. Как только поколебалась вера в его непобедимость, безнадежно рухнуло все воздвигнутое им величественное здание. Оказалось, что нигде, даже среди преторианцев своей армии, не воспитал он чувства крепкой, истинной преданности к себе, и первые, покинувшие его, были его генералы и маршалы. Рабочие были бессильны и ничего не могли сделать для спасения его трона. Для Наполеона они были простыми механическими орудиями, единственное предназначение которых состояло в том, чтобы увеличивать пресловутое национальное богатство, т.-е. богатство буржуазии. А пользовавшаяся его покровительством могущественная буржуазия, которая могла сделать все, выразила ему свою благодарность так, как и подобает буржуазии. Когда он взывал к ее патриотизму и, по примеру 1792 г., хотел организовать героическое сопротивление против вторжения европейских войск, буржуазия сохранила ледяное спокойствие и почти без выстрела сдала союзникам Париж в тот момент, когда Наполеон был только на расстоянии двух переходов от столицы. Напрасно население предместий, считавшее это оскорблением своей национальной чести, громко призывало к оружию. Напрасно за деспота, чья

звезда так неожиданно закатилась, готовились бороться и умереть люди, которым даже нечего было защищать, они готовы были бороться за того, кто от всей души презирал и боялся их. В совете финансовой аристократии, рантье, домовладельцев, крупных торговцев и адвокатов было решено иное. Какое дело влиятельной буржуазии до унижения страны, если это сулило ей продолжительный мир, открытие запертых гаваней, расширение торговли, расцвет промышленности. Для капиталистов достаточным удовлетворением за временное унижение была надежда на барыши при заключении государственных займов. И вот банкиры, мануфактуристы, крупные коммерсанты, землевладельцы и домовладельцы раскрыли свои объятия союзникам при вступлении их в Париж 31-го марта 1814 года.

Ярко рисует тогдашнее положение вещей поведение сената. Учрежденный конституцией VIII г (1800 г.), послушный и раболепный при Наполеоне, он нашел этот момент подходящим для того, чтобы захватить в свои руки власть. 1-го апреля он постановил назначить из своей среды временное правительство с хитрым Талейраном во главе. На следующий день он низложил Наполеона, а 6-го апреля от имени французского народа и якобы по его свободному выбору призвал во Францию Бурбонов. Одновременно он опубликовал составленную Талейраном конституцию, которой буржуазии предоставлены были очень ограниченные права; за сенаторами же не только сохранялись пожизненно их должности и жалованье, но они должны были переходить по наследству. Король должен был присягнуть в верности конституции, иначе он не мог сесть на престол.

Будущий король Людовик XVIII, старший из братьев казненного Людовика XVI, отказался признать выработанную сенатом конституцию и принять из его рук корону. Он считал себя королем по праву рождения, а не в силу постановления сената. Только угроза солидарного с Талейраном русского императора Александра, господствовавшего тогда над Европой, не впустить его в Париж сломала его упрямство. Таким образом, 4-го июня 1814 г. талейрановский проект конституции был провозглашен в торжественном заседании палаты, как дарованная королем основа французского законодательства. Присутствующие сенаторы, отныне уже пэры и уполномоченные

от палаты депутатов принесли присягу новой конституции, несмотря на то, что большинство едва успело бегло прочесть ее.

Эта конституция, так называемая «хартия», заключала в себе все элементы для будущей 15-тилетней борьбы между монархией и буржуазией. Широкие массы народа равнодушно смотрели на эту борьбу, о них эта конституция позаботилась так же мало, как и предыдущие; они остались политически совершенно бесправными. Королю было предоставлено право назначать пожизненных и наследственных пэров в каком угодно количестве и по личному усмотрению. Правом быть избранным обладали лица, платившие минимум 1000 франков в год прямых налогов; избирательное право распространялось на лиц, плативших не менее 300 франков. Особой статьей депутатам запрещалось вносить какие-либо поправки в правительственные законопроекты, если на то не было предварительного согласия короля. Это означало не что иное, как восстановление абсолютной монархии под конституционными формами.

Вскоре обнаружилась еще одна причина, вызвавшая буржуазию на борьбу с монархией. Один из первых законов, который был предложен палатам, касался находившихся еще в руках государства имуществ эмигрантов (стоимостью около 200 миллионов франков), конфискованных согласно постановлению законодательного собрания 1791 г. При этом речь шла, главным образом, об оставшихся непроданными крупных имениях королевских принцев, главным образом, *принца Конде и Луи-Филиппа, герцога Орлеанского*. Возвращение этих «национальных имуществ» их первоначальным владельцам не встретило в палатах никакого сопротивления. Это очень обеспокоило буржуазию, особенно мотивировка закона в редакции представителя правительства. В ней были подчеркнуты обязанности нации и желание короля, *поскольку позволят обстоятельства*, исправить это несправедливо причиненное эмигрантам повреждение их имуществ. Это заявление привело в крайнее замешательство как лиц, купивших национальные имуществы, так и их детей и вообще законных наследников. Многие буржуазные семьи почувствовали, что их долголетнему

владению угрожает опасность, и это, конечно, сильно вооружило их против новой монархии.

Правительство делало одну ошибку за другой. Его попытка восстановить первоначальное могущество католической церкви вызвала презрительные насмешки со стороны свободомыслящего поколения, выросшего при республике и империи¹⁾.

В своем обращении к епископам Людовик XVIII указывает, что случившиеся в последнее время «благодеяния» объясняются особой милостью божьей матери и что дева Мария возвращает Франции свое традиционное покровительство. С удивлением однажды увидел Париж торжественную процессию, в центре которой находилась фигура реставрированной покровительницы, окруженная двором и высшими сановниками, с зажженными свечами в руках. В народе постепенно возрастало недовольство правлением Людовика XVIII, образовалось несколько тайных заговоров с некоторыми генералами и высшими сановниками во главе. Цели заговорщиков были различны, но они все сознавали необходимость изменить правительственную систему. Одни ограничивались тем, что хотели заставить Людовика XVIII согласиться на либеральную политику; другие уже тогда имели в виду возвести на престол герцога Луи-Филиппа Орлеанского; третьи, наконец, намеревались призвать опять Наполеона, как регента или императора.

30-го мая 1814 г. был заключен между Францией и «союзниками» мирный договор, согласно которому Франция была введена в границы, существовавшие до 1-го января 1792 г. В остальном условия были довольно мягкие, так что после подписания договора Талейран считал нужным вручить из средств государственного казначейства представителям держав: Австрии—Меттерниху, Пруссии—Гарденбергу, Англии—Кэстльри, России—Нессельроде, каждому по миллиону франков, остальным уполномоченным по 500.000—600.000 франков.

¹⁾ Первые шаги в этом направлении были сделаны еще Наполеоном, который уже в 1801 г. заключил конкордат с папой. Но борьба за господство государства над церковью и противодействие папы стремлениям Наполеона превратить церковь в орудие правительственной политики помешали расцвету католицизма при империи. Для Бурбонов церковь была спасением, для Наполеона же она была простым орудием его власти.

В сентябре того же года собрался в Вене конгресс, состоявший из представителей Франции и 4 союзных великих держав, а также из уполномоченных тех государств, которые участвовали в войне против Наполеона: Швеции, Испании, Португалии и др. Конгресс должен был окончательно вырешить некоторые спорные и невыясненные пункты, главным образом, требования России и Пруссии относительно расширения их территорий. Пруссия требовала для себя все Саксонское королевство, Россия—великое герцогство Варшавское; Австрия была против такого расширения владений своих соседей и она нашла себе поддержку в Англии и Франции. Эти разногласия настолько обострились, что грозили овести на-нет все дело конгресса. Только благодаря ловкости Талейрана и Кэстльри удалось в конце февраля 1815 г. путем взаимных уступок восстановить трогательное согласие. Пруссия удовлетворилась большей частью Саксонии; Россия также отказалась от некоторых своих притязаний. В благодарность за оказанные услуги Талейран получил миллион от саксонского короля.

Сосланный на остров Эльбу Наполеон был хорошо осведомлен обо всем, происходившем в Париже и Вене, о возрастающем недовольстве правлением Людовика XVIII и о расколе между великими державами. Это возбудило в нем надежду найти союзников, если ему удастся при помощи своих приверженцев в войске и в народе захватить в свои руки власть. 26-го февраля, еще раньше, чем до него дошло известие о состоявшемся в Вене соглашении, он отплыл в Порто-Феррайо на 4 маленьких судах с оставшимися ему верными генералами Камброном, Бертраном, Друо и отрядом в 900 чел. 1-го марта он высадился на французском берегу в Каннах. Посланные против него войска перешли на его сторону, и уже вечером 20-го мая он завладел Тюльерийским дворцом, из которого накануне едва успел выехать Людовик XVIII. Переворот носил чисто военный характер. Простые солдаты, унтер-офицеры и подпоручики помогли возвращению Наполеона в Париж. Прием же, оказанный Наполеону столь обязанной ему французской буржуазией, был настолько холодный, что он был вынужден искать опоры в низших слоях населения. Он посещал предместья, заходил в мастерские и добился того, что

рабочее население окраин, которое большей частью страдало от безработицы, массами стало предлагать ему свои услуги. Вместе с тем он призвал к себе Карно, который всегда с недоверием относился к рабочим массам. Последний реорганизовал национальную гвардию, поставив под знамена всех граждан от 20 до 60 лет, способных носить оружие. Карно полагал, что он будет в состоянии, считая и войска, преобразованные самим Наполеоном, через несколько времени выставить против врагов Франции армию в 900.000 чел. Поэтому Наполеон отказался от помощи, предложенной ему воинственно настроенными рабочими предместьев. Но все-таки он сделал им смотр на Марсовом поле и обещал выдать им оружие. На смотр явилось от 30 до 40 тысяч одетых в лохмотья пролетариев, что живо напомнило Наполеону о временах великой революции. По возвращении в Тюльери, он сказал графу Моле: «Если б я знал, что мне придется так унижаться, я бы остался на острове Эльбе». Обещанного же оружия предместья не получили.

Союзники выступили в поход гораздо скорее, чем это предполагали Наполеон и Карно. Наполеон мог выставить только армию в 120.000 челов. против быстро наступавших сил союзников: пруссаков под начальством Блюхера, англичан под начальством Веллингтона и нидерландцев. 16-го июня он разбил Блюхера при Линьи, но не мог помешать соединению пруссаков с англичанами при Ватерлоо. 18-го июня вечером он там был разбит наголову. Поражение было настолько полное, что привело к беспорядочному бегству. Да и сам Наполеон был вынужден искать спасения за стенами Парижа.

Через 3 дня в Париже распространился темный слух о поражении при Ватерлоо, который немедленно подтвердился появлением в столице самого императора. Тотчас же собралась палата депутатов, представительница интересов буржуазии. Ее руководитель, известный «герон старого и нового света», Лафайет, уцелевший благодаря австрийскому плену от бурь революции и от ножа гильотины, взошел на трибуну и внес следующее предложение: «1) Палата объявляет, что независимость французского народа находится в опасности, 2) Палата объявляет себя постоянной и несменяемой. Всякая попытка распустить ее будет считаться серьезным государственным преступле-

нием. Всякий, кто решится на это, будет объявлен изменником отечества». Он предложил немедленно созвать национальную гвардию «для защиты свободы, собственности, общественного порядка и неприкосновенности народных представителей». Это предложение было принято палатой почти без дебатов и возражений.

На следующий день палата сделала еще один шаг. Она потребовала добровольного отречения императора и дала ему 1 час на размышление. Перед Елисейским дворцом Бурбонов, где поселился Наполеон, с раннего утра толпились тысячи пролетариев и требовали оружия. Он мог бы опереться на народ, но у него не хватило решимости на этот шаг. Он подчинился требованиям буржуазии и отрекся в пользу своего сына, получившего титул Наполеона II, императора французов. Назначенное палатами временное правительство с пресловутым Фуше во главе, под названием «исполнительной комиссии», заняло его место и 24-го потребовало, чтобы Наполеон удалился из Парижа. Он покинул не только Париж, но и Францию. 16-го июля он сдался при Ропфоре на великодушные англичан, которые, по соглашению с другими державами, отвезли его на остров св. Елены.

3-го июля была подписана в С.-Клу капитуляция, согласно которой Париж сдавался без всяких условий на милость союзников. Парламент и парижская буржуазия приняли ее с большой радостью, так как она спасала Париж от опасностей осады и бомбардировки. Но радикальные элементы предместьев были крайне возмущены тем, что Париж сдался без боя, и сделали попытку восстать против капитуляции. Эта попытка была решительно подавлена национальной гвардией, вышедшей из среды буржуазии.

Таким образом, 7-го июля 1815 г. Блюхер во главе 50-ти тысячной армии вторично вступил в столицу без боя и без кровопролития. При этом разыгрывались позорные сцены. Тогда как более радикальные элементы народа и старые солдаты разражались проклятиями и криками негодования на бульварах, где проходили английские и прусские войска, элегантные буржуазные дамы, как бы в знак своей радости, махали им из окон шарфами и платками. Богатые домовладельцы и коммер-

санты приводили в надлежащий вид свои роскошные палаты для приема английских и прусских офицеров; ювелиры и продавцы предметов роскоши уже предвкушали крупные барыши и спешили выставить напоказ свои драгоценные товары.

Людовик XVIII, после битвы при Ватерлоо педший по следам союзных войск, без всяких колебаний вторично принял свою корону из рук неприятельских полководцев. Он спохватился, что в предыдущем году слишком резко обошелся с буржуазией, чем он сильно повредил себе. Поэтому он присягнул честно охранять конституцию. Он назначил министром иностранных дел ненавистного ему Талейрана и министром полиции—Фуше, которого боялся. Оба, особенно последний, были совершенно по душе буржуазии. Она требовала их назначения, как гарантии. Наученный горьким опытом, Людовик XVIII был настолько умен, чтобы удовлетворить это требование. К тому же он мог во всякое время отделаться от этих неприятных ему людей. Случилось это очень скоро. При заключении мира, 20-го ноября 1815 г., министром иностранных дел был уже не Талейран, а герцог Ришелье. Фуше, как убийца короля, был осужден на изгнание и умер в Триесте в 1820 г. Вместо него министром полиции был назначен Деказ.

Горько каялась Франция за свое похмелье в этот непродолжительный период господства Наполеона, известный в истории под названием «ста дней». Общее число неприятельских войск вместе с подоспевшими резервами и новыми отрядами превышало миллион человек. Они наводнили Францию, до отдаленнейших ее провинций, и содержались за счет местных жителей. Франция должна была заплатить союзникам 700 миллионов франков контрибуции и почти такую же сумму старых долгов государствам и частным лицам за границей. Она принуждена была принять в свои северные и восточные крепости на 5 лет чужеземные гарнизоны, содержать их все это время и, наконец, вернуть все завоевания, сделанные после 1790 г.

В то время, как истощались провинции, разорялось бесчисленное множество мелких буржуа и превращалось в нищих.—для Парижа открылась золотая эра крупных барышей. Здесь разыгрался последний акт драмы парижской капитуляции. К побежденным перешло все золото победителей. Куп-

цы удесятерили свою ежедневную выручку, все молодые офицеры завели дорогих метресс, абонировались на лучшие ложи в театрах, устраивали роскошные кутежи у Вери. Большая часть составленных крупных состояний парижских купцов относится к 1815 г. О мотовстве представителей союзных войск можно себе составить некоторое представление по следующему примеру: Блюхер, получивший от французского правительства 3 миллиона, был вынужден еще заложить свои имения и уехать из Франции окончательно разоренный игорными домами Пале-Рояля.—Нашествие было тем более выгодно парижским торговцам, что им удалось обуть свои залежавшиеся старомодные товары, выдавая их иностранным офицерам за новейшие прихоти парижской моды. Французы радовались, что хоть таким путем удалось отомстить казакам и «бараньим башкам» (têtes carrées), как называли во Франции немцев. По этим рассказам современников можно судить о том, что тогда творилось в Париже.

В то время, как столица обогащалась за счет ограбленной провинции, небольшая кучка счастливых капиталистов накопляла громадные богатства ценой разорения мелкой буржуазии. Содержание размещенных на французской территории неприятельских войск, безжалостно собираемые реквизиции, все повышающиеся повинности всякого рода, принудительные займы, сотни миллионов, которые приходилось выплачивать, чтобы очистить страну от этих войск,—все эти тяготы большей частью ложились на бедноту. Правительство прибегло к внутренним займам; кроме того оно заключило 5 % заем по очень выгодному для займодавцев курсу 78—80 % в лондонском торговом доме Бэринга и в амстердамском—Гопа. Но крупные парижские капиталисты и из этих займов извлекли выгоду, так как иностранные банкиры купили им часть своей добычи. Однако 1/8 часть, которую получили парижские капиталисты, совершенно не удовлетворила их аппетитов. Их вождь Казимир Перье в одной из своих брошюр нападает на финансовую политику правительства, указывая, что она была бы более «национальной», если б оно обращалось за деньгами исключительно к французским банкирам.

Еще не успела буржуазия развернуть все свои силы, как стали проявляться признаки ее разложения. Описанные события, разыгравшиеся в короткий промежуток времени, характеризуют в зародыше все социальное развитие буржуазии: банки и банкиры благодаря нужде в деньгах подчиняют себе промышленность и торговлю; свободная конкуренция убивает мелкие и средние производства как бы для того, чтобы богатства сконцентрировались в руках немногих капиталистов, чтобы создать олигархию небольшого кружка банкиров.

Происходившие летом 1815 г. под непосредственным впечатлением неприятельского нашествия выборы в палату окончились полной победой духовенства и ультра-роялистских фанатиков, большей частью вернувшихся из изгнания эмигрантов, которые считали либерализм уничтоженным во Франции. Эта палата хотела ни больше, ни меньше, как вернуть французское общество в положение до 1789 г. Все конституционные гарантии были уничтожены, прессе зажат рот. Пантеон был опять отдан под покровительство св. Женевиевы, храм славы—св. Магдалины, на улице д'Анжу была построена исповедальня, а 21-ое января, годовщина казни Людовика XVI, было объявлено днем национального траура. Это ультра-роялистское усердие палаты так понравилось королю, что он ее называл „chambre introuvable“ (бесподобной палатой).

Однако жажда мести роялистов не удовлетворилась одними реакционными законами, они требовали крови. Во всех департаментах были учреждены комиссии, присвоив им древне-французское название „Cours Prévôtales“ (верховные суды), которые должны были разбирать политические дела; приговоры немедленно приводились в исполнение, так как апелляция была отменена.

Еще в министерство Талейрана—Фуше был составлен прокрипционный лист, в который записались все те, кто в период «ста дней» занимал видное положение на гражданской или военной службе. Против одних выдвигали обвинение в государственной измене, другие изгонялись из Франции. Королевская семья принимала деятельное участие в составлении этих списков, на это указывают разбиравшиеся в Париже процессы, которые закончились еще раньше, чем начали функционировать

так называемые верховные суды. Обычные суды, суды присяжных, военные суды и в одном случае палата пэров соперничали друг с другом суровостью своих приговоров. Между тем при капитуляции Парижа было объявлено, что никто из находившихся в столице лиц не будет привлечен к ответственности ни за официальное положение, которое кто-либо занимал во время «ста дней», ни за свою деятельность, ни за политические убеждения. Три случая были особенно характерны.

Граф Лавалетт, бывший раньше почт-директором, после бегства Людовика XVIII завладел почтовым ведомством и послал курьера к прибывшему уже в Фонтенебло императору, чтобы известить его о событиях в Париже. Он был предан суду, и прокурор настаивал на смертной казни, присяжные вынесли ему смертный приговор, но ему удалось накануне казни убежать из тюрьмы, переодевшись в платье своей жены. Генерал Лабедойер 7-го марта 1814 г. был послан из Гренобля взять в плен Наполеона, но он вместе со своим полком перешел на его сторону. Его судили военным судом и расстреляли.

Та же участь постигла маршала Нея, который вместе со своей восточной армией примкнул к Наполеону 18-го марта 1814 г. в Оксере. Он был предан военному суду, состоявшему из 7 генералов, из которых 4—Журдан, Массена, Ожеро и Мартье—были его товарищами по оружию. Они сражались рука об руку при Наполеоне и никогда не осудили бы его на смерть. Но его защитники очень не к стати подняли вопрос о неподсудности его военному суду и требовали, чтобы его, как пэра Франции, судила палата пэров. Последняя признала его виновным 159 голосами из 161 и 139 голосами против 22 приговорила к смерти. Его не решились расстрелять на Гренельской площади, где обыкновенно приводились в исполнение военные приговоры, но повезли в наемной карете из Люксембургской тюрьмы через Люксембургский сад на Avenue d'Observatoire (там теперь воздвигнут ему памятник). Его там ожидал взвод ветеранов. Когда карета остановилась, маршал быстро вышел, остановился в 8 шагах от стены обсерватории и спросил офицера: «Это здесь, сударь?»—«Да, г. маршал». Ней взял в левую руку шпильку, а правую положил на грудь, и сказал солдатам: «Госда-

рищи! Стреляйте!» Грянул залп, и Ней пал неподвижный, не издав ни звука.

Еще более, чем в Париже, свирепствовал «белый террор» в южной Франции, где интересы значительной части населения были тесно переплетены с интересами Бурбонов. Вследствие непрерывных наполеоновских войн южные гавани были закрыты и местная торговля от этого сильно пострадала. Естественно, что южане были враждебно настроены против наполеоновского режима. В Марселе при одном известии о поражении при Ватерлоо начался разгром и убийство известных богатых приверженцев императора; в одном из беднейших кварталов города народная ярость обратилась против колонии мамелюков, которые последовали за французскими войсками из Сирии и Египта и в течение 15 лет проживали в Марселе. Эти несчастные были убиты с их женами и детьми. Из Марселя «белый террор» распространился в Авиньон, Ним, Юзе. 17-го июля сдается в Ниме небольшой гарнизон из 200 человек на милость дружин «королевских добровольцев». Едва они успели сложить оружие, как они были тут же все до единого перебиты. Тогда роялистские фанатики, поддерживаемые частью католического населения, бросились в дома богатых протестантов для грабежа и убийства. В Юзе суб-префект выдал произвольно восемь арестованных бонапартистов громилам, которые еще раньше умертвили много жителей в их собственных домах. Целые месяцы продолжались убийства, грабежи и разрушение домов и виноградников в департаменте Гард, королевские чиновники смотрели безучастно на эту бойню, а то и сами принимали в ней участие.

В числе огромной массы безымянных жертв «белого террора» обратило на себя внимание убийство маршала Брюна, одного из наиболее замечательных представителей генералитета республики и империи. Наполеон не дал ему выдвинуться, потому что он хотел оказать вооруженное сопротивление насилию 18-го брюмера, но в эпоху «ста дней» согласился, уступая настояниям Наполеона, стать во главе небольшой армии для защиты Варской границы против вторжения пьемонтцев. После возвращения Людовика XVIII он распустил свой отряд, признал Людовика законным королем и направился в Париж, что-

бы держать ответ за свое поведение. Вместо того, чтобы сделать крюк через Дофинэ, где он был очень популярен, он направился напрямик вдоль берегов Роны. Брюн считал себя там в безопасности, так как не имел в Провансе личных врагов. Но в одном роялистском памфлете его обвиняли в том, что 2-го сентября 1791 г. он будто бы нес по улицам Парижа на пике голову принцессы Ламбаль. Когда 2-го августа в Авиньоне стало известно о прибытии маршала, фанатически настроенная масса взволновалась и потребовала его казни. Осадили гостиницу, в которой он остановился, но так как двери охранялись отрядом национальной гвардии, то в течение многих часов толпа не могла проникнуть внутрь. Наконец, некоторые пробрались через крыши соседних домов в его комнату и 2 пулями уложили его на месте. В то время, как озверевшая толпа тащила его труп в Рону, королевские чиновники имели наглость, опираясь на показания двух лжесвидетелей, составить протокол, что маршал покончил самоубийством. Только спустя 6 лет удалось его вдове настоять на судебном расследовании, чтобы спасти честь своего мужа. Последнее установило факт убийства, узанный убийца был приговорен к смертной казни, но благодаря своим ультра-роялистским покровителям, которые его тщательно скрывали, он избежал карающей десницы правосудия. Судебные издержки процесса были возложены на вдову Брюна.

Генерал Рамель, сосланный при директории и империи и потом назначенный Людовиком XVIII комендантом Тулузы, хотел рассеять разбойничьи банды королевских добровольцев. Он был ранен в бою, его дом разграблен, и он сам был убит, когда он лежал в постели, изнемогая от рап! Назначенное для виду судебное расследование закончилось освобождением обвиняемых «за недостатком улик».

Яркой иллюстрацией для только что описанных событий может служить происходивший в Бордо процесс братьев Фоше, близнецов из Ла-Реоля. Они оба были против казни Людовика XVI, после его смерти отказались от своих должностей и с трудом избежали гильотины. При консульте они опять вступили на государственную службу, но, когда была провозглашена империя, они вторично подали в отставку. В 1814 г. они боро-

лись с роялистским движением, главари которого хотели оставить Бордо на произвол англичанам. Вместе со своим другом, генералом Кюзель, они организовали в Жиронде сопротивление вражескому нашествию. Когда 21-го июля 1815 г. Кюзель подчинился новому режиму, то генерал Фоше, командовавший отрядом в Ла-Рооле, велел поднять белое знамя. Последнее было на следующий день сорвано и сожжено проходившим через город отрядом солдат, которые еще носили трехцветные значки. Хотя после их ухода оно было опять водружено, но явившийся из Бордо отряд королевских добровольцев завладел городом и арестовал братьев Фоше. Они были преданы военному суду в Бордо, пред которым они и предстали после того, как целыми неделями томились в сырой камере, без света и кроватей, при дурном питании. Никакой адвокат не решился взять на себя их защиту, и, несмотря на то, что их невинность была очевидна, они по гнуснейшим побуждениям были осуждены и 27-го сентября 1815 г. под конвоем сильного отряда их повели на казнь. Рука об руку они прошли весь город; на пути их следования к смерти с балконов и окон выглядывали любопытные роялисты и роялистки. Эта трогательная сцена представляла приятное зрелище для буржуазии Бордо. И огураченный народ оглаждал им их последние минуты враждебными криками: «да здравствует король!» Под огнем взвода солдат они пали вместе, как и явились на свет, и память о них долго жила среди французского народа, как редкий пример трогательной братской любви.

Но ультра-роялисты не удовлетворились казнью отдельных лиц, убийством, грабежом и другими проявлениями «белого террора». Требовали отставки всех должностных лиц подозрительных политических воззрений до почтальонов и полевых сторожей включительно, привлечения к судебной ответственности всех приверженцев Наполеона и изгнания «парубков» и революционеров, против которых ничего нельзя предпринять судебным путем. Доносы, судебные преследования, удаление с должностей, изгнание и полицейская высылка—все это достигло невероятных размеров. Вычислено, что за период в 10 месяцев за политические воззрения были заключены в тюрьму 70 000 человек, а 100 000 чиновников смещены с должностей.

В кабинете короля «белый террор» нашел своего представителя в лице министра полиции Деказа, который циркулярными предписаниями отдавал на произвол низших полицейских чинов всех «врагов государства», то есть, всех тех, которые не проявили себя горячими приверженцами существующего порядка вещей.

В этот период дикой, разнузданной реакции буржуазия, представленная в палате сорока либеральными депутатами была политически совершенно бессильна. Как общественный класс, она, напротив, к этому времени сделала довольно большие успехи.

Торговля и промышленность очень быстро развивались со времени падения Наполеона. 700 000 солдат были вынуждены посвятить себя земледелию и промышленности. Появились новые фабрики, заброшенные отрасли промышленности опять возобновили производство, банки и банкиры старались поместить свои капиталы в торговые и промышленные предприятия, были введены новые, более усовершенствованные машины, важные научные открытия нашли себе практическое применение, образовались страховые общества и крупные акционерные предприятия, пока промышленный и торговый кризис 1825 г. не положил предела чересчур смелым замыслам предприимчивой буржуазии.

Для народных масс уже 1817 г. был критическим годом. Вследствие плохого урожая предыдущего года и препятствий, которые ставили местному населению во многих местах неприятельские войска, жизненные продукты сильно вздорожали, что вызвало голод в беднейших слоях населения. В Париже было ассигновано около 24 мил. фр. в качестве приплаты столичным пекарям, вследствие чего в Париже цены не поднялись выше 1 фр. 25 сант. за 4 ф. ковригу хлеба, но во многих провинциях, где общественные учреждения не хотели и не могли притти на помощь голодающим, эти цены удваивались или даже утраивались.

Несчастные крестьяне пострадавших от голода местностей, не будучи в состоянии обрабатывать свои поля и не имея ни денег, ни хлеба, целыми толпами, мужчины, женщины и дети, двинулись в города, чтобы спастись от голодной смерти, при-

бегнув к состраданию городских жителей. Городские власти, хотя и сами страдали от вражеского нашествия и дороговизны, все-таки собирали жизненные припасы и раздавали их на улицах и дворах голодающим крестьянам. В тех местностях, где город не приходил на помощь деревне, доведенный до отчаяния городской и сельский пролетариат силой добывал себе хлеб.

Хотя эти голодные бунты не имели политического характера, все-таки верховные суды воспользовались этим, чтобы свести свои счеты с бонапартистами. Во многих местах народ сделал из этого практический вывод, что правительство реставрации, как и правительство деспотизма, лечит социальные болезни по одному и тому же рецепту: порохом и свинцом.

Парламентская хроника после 1817 г. отмечает непрерывную борьбу между буржуазным либерализмом и ультра-роялистским феодализмом, при чем обе партии боролись за свои насущные материальные интересы, в основе которых лежал еще неразрешенный вопрос о возмещении убытков и возвращении конфискованных имуществ дворянству и духовенству. Правительство же находилось в весьма затруднительном положении. Один министр за другим выходил в отставку, но никому не удавалось удовлетворить претензии ультра-роялистов, пользовавшихся неизменным покровительством графа Артуа, тогдашнего наследника престола, и королю едва удалось удержать министерское кресло за своим любимцем Деказом, который, несмотря на свои роялистские заигрывания, был проникнут интересами своего класса. Озлобление ультра-роялистов против этого «плебея», который, по их мнению, толкал Францию прямо к революции, достигло крайних пределов, когда неожиданный случай привел к его падению.

13-го февраля 1820 г. герцог Беррийский, второй по возрасту племянник короля, при выходе из оперного театра был смертельно ранен кинжалом подмастерьем по имени Лувель. Политический фанатизм привел последнего к мысли истребить весь род Бурбонов и, как он сам заявил судебному следователю, он решил начать с принца, который является будущим главой рода Бурбонов (герцог Ангулемский, старший сын графа Артуа, позже короля Карла X, женатый на дочери Людовика XVII, не имел детей, герцог же Беррийский имел от своей

жены, принцессы из ветви неаполитанских Бурбонов, двух дочерей). Удар Лувеля был направлен верной рукой, и герцог Беррийский умер утром следующего дня.

Ультра-роялисты использовали это дело экзальтированного человека в своих интересах и прежде всего постарались вырвать власть из рук Деказа, ненавистного им представителя буржуазии. «Принц,—раздавались голоса,—убит либеральными идеями». Утром 14-го февраля при открытии заседания палаты Кюзель де-Куосерг, депутат крайней правой, внес предложение о предании Деказа суду, как соучастника Лувеля.

Среди подавляющего большинства палаты это предложение вызвало такую бурю негодования, что Куосерг не был поддержан даже своей собственной партией. Деказ, чтобы отпарировать направленный против него удар, внес 15-го февраля три ультра-реакционных законопроекта, а именно: 1) избирательный закон, согласно которому число депутатов должно быть увеличено с 257 до 430; из них 258 избираются прямо, за остальных 172 могут вотировать только те избиратели, которые платят минимум 1.000 франков государственных налогов. Таким образом, при тогдашней избирательной системе крупная буржуазия, владеющая движимым имуществом, лишилась половины своих избирательных прав в пользу землевладельцев-дворян; 2) закон против подозрительных, который давал возможность правительству арестовать и заключить в тюрьму всякого, заподозренного в покушении на лиц королевской фамилии, не будучи обязанным представить его суду; 3) закон о печати, который восстанавливал предварительную цензуру для газет и журналов. Первый из законопроектов был с значительными поправками после горячих дебатов принят палатой депутатов и санкционирован палатой пэров. Эти поправки сводились к тому, что 172 депутата избирались самыми богатыми плательщиками налогов, $\frac{1}{4}$ всех избирателей, которые таким образом получили двойное избирательное право. Эта победа роялистов в парламенте вызвала такое сильное возмущение, продолжавшееся все лето 1820 г. и не только среди парижской, но вообще всей французской буржуазии, что дело дошло бы до революции, если бы руководителям движения удалось привлечь на свою сторону широкие народные массы. Но народ, ли-

шенный избирательных прав, политически бесправный и вынужденный держаться вдали от участия в общественной жизни, относился совершенно равнодушно к борьбе между либерализмом и феодализмом. Эта борьба затрагивала интересы высших слоев общества, народ не мог ожидать ничего хорошего для себя ни от той, ни от другой стороны. ①

Но отказ министра Деказа от защиты интересов буржуазии и согласие на требования ультра-роялистов все-таки не спасли его. Последний удар нанесло ему влияние женского элемента при дворе. Герцогиня Беррийская, которой выставили Деказа, как ярого врага ее покойного мужа, заявила, что ее нога не переступит порога Тюльерийского дворца до тех пор, пока туда имеет доступ королевский любимец. Уже 18-го февраля, спустя несколько дней после смерти герцога Беррийского, герцогиня Ангулемская, «единственный мужчина в Бурбонском дворце ¹⁾», в сопровождении своего дяди и тестя гр. Артуа, пала к ногам короля и умоляла его удалить Деказа, чтобы, как она выразилась, предупредить новое преступление. Эта театральная выходка подействовала на короля, и он уступил. Со слезами на глазах он сообщил своему любимцу о необходимости разлуки с ним. Чтобы позолотить пилюлю, он ему даровал герцогский титул и назначил его посланником в Лондоне.

Во время парламентской борьбы между феодализмом и буржуазным либерализмом агитация в стране велась внепарламентскими организациями, что оказывало громадное влияние на дальнейший ход развития французского народа. Духовным центром и руководящим органом роялистской партии сделалась т. н. «конгрегация», союз, который тайно возник во время великой революции под руководством одного иезуита. Первоначально он служил исключительно делам благочиния и спасению душ заблуждавшихся христиан, но с возвращением Бурбонов он стал преследовать, главным образом, политические цели и сделался притягательным центром для наиболее богатых и влия-

¹⁾ Выражение Наполеона, когда 15-го марта 1815 г. герцогиня с большой энергией и настойчивостью возбуждала население Бордо, войска и чиновников оказать сопротивление восстановлению империи.

тельных светских и духовных фанатиков. На ряду с этим светским союзом образовалось религиозное братство, которое ставило себе задачей вернуть французский народ к церковному и политическому благомыслию. Его странствующие проповедники рассеялись по всей стране и проповедывали с такою страстностью и таким пламенным языком, который напоминал времена католической лиги XVI столет. На площадях городов, куда к ним стекался народ большими массами, чтобы наслаждаться их божественным вдохновением, они водружали большие кресты, пред которыми они с ужасными проклятиями сжигали произведения Вольтера, Руссо и др. философов. Администрация покровительствовала этим «спектаклям» и запрещала на это время всякие другие зрелища, которые могли составить конкуренцию миссионерам.

Буржуазная оппозиция напротив, лишенная благодаря введенной цензуре лучшего средства пропаганды, старалась вновь организовать старые революционные комитеты и опять учредила в Париже организационный революционный центр. Первая попытка, предпринятая летом 1820 г., не удалась. Это был военный заговор, в котором принимали участие монархисты, бонапартисты и республиканцы, чтобы соединенными усилиями прогнать Бурбонов из Франции. Но в ночь с 19-го на 20-ое августа, накануне дня, назначенного для выполнения замышленного плана, заговор был открыт, и участники были преданы суду палаты пэров. Судебное следствие могло обнаружить лишь второстепенных участников, до членов революционного центрального комитета оно добраться не могло, поэтому большая часть обвиняемых была оправдана, только некоторые были осуждены на многие годы тюремного заключения.

В октябре 1821 г. происходили новые выборы в палату депутатов и благодаря новому избирательному закону значительно усилили ряды ультра-роялистской партии, которая задумала теперь опрокинуть министерство Ришелье. Разлученный со своим любимцем Деказом, Людовик XVIII в это время находился в любовной связи с очень хитрой и благочестивой красавицей, г-жей дю-Кэйля. Последняя служила ловким орудием в руках конгрегации, и они в союзе с графом Артуа так опутали стареющего короля, что уже в декабре сломали его.

упрямство, и Ришелье получил отставку. Вновь составленное министерство с виконтом Монморанси во главе состояло исключительно из членов ультра-роялистской партии. Самым влиятельным лицом в этом министерстве был министр финансов Виллель.

Уже в начале 1821 г. революционные союзы, которые были распущены после неудачной попытки военного заговора в предыдущем году, не только реорганизовались, но значительно расширили круг своей деятельности. Два наиболее важные из этих тайных обществ образовались совершенно независимо друг от друга. Центр одного общества находился в Сомюре и называлось оно «Рыцари свободы». Этот союз имел свои разветвления по всей Луаре и насчитывал от 30 до 40 тысяч членов. Он задавался целью в момент революции поднять восточные провинции Франции. Второй союз был основан в Париже по образцу тайных обществ итальянских карбонариев тремя молодыми таможенными чиновниками: Базаром, Бюше и Флотаром. Во главе этого общества стояла «Высокая вента» (т.е. ложа карбонариев), состоявшая из семи членов: кроме упомянутых 3-х, еще четыре—молодые чиновники и студенты Дюжье, Карриоль, Жубер и Лимперани. Члены «Высокой венты» организовали довольно много «центральных вент», каждая в 20 чел. Каждый из членов центральной венты старался в свою очередь основать «особую венту» тоже в количестве 20 человек. Эта сеть все расширялась по мере роста революционной энергии организации. Обязанности карбонария заключались в том, что он должен был добыть себе оружие и 50 патронов и быть готовым в любой момент по приказанию неизвестного ему до поры до времени начальника принять участие в восстании. С неимоверной быстротой распространился этот заговор по всему Парижу и большей части восточных департаментов, а полиция и не подозревала об его существовании. Их цель заключалась в ниспровержении Бурбонов, и все участники без исключения были настолько проникнуты сознанием серьезности своей задачи, что до самого момента открытого выступления тайна была вполне сохранена.

Летом 1821 г. карбонарии соединились с «Рыцарями свободы». Было решено еще до истечения года вызвать восстание

в Эльзасе, где карбонарии имели много надежных членов, как среди крестьян, так и среди буржуазных слоев населения. Учрежденный «Высокой вентой» исполнительный комитет, который специально занялся приготовлениями к бою, приказал 37 юношам под руководством Базара отправиться в Бельфор, где должен был раздаться сигнал к восстанию. Юноши без всяких колебаний исполнили приказание, хотя они были уверены, что идут на верную смерть. Роковым образом молодые люди, стоявшие во главе движения, слишком мало доверяли своим собственным силам; военное руководство они предоставили Лафайету, который вместе с другим членом парижского революционного центрального комитета, эльзасцем Нойе д'Аржансоном и Яковом Кэхлином должен был составить временное правительство в Эльзасе. Но в этот серьезный момент «герой старого и нового света» почувствовал душевную потребность исполнить семейный долг и отпраздновать годовщину смерти своей жены в своей родной вилле Лагранж. Вследствие этого пришлось отложить восстание на 2 дня, вместо ночи с 30-го на 31-е декабря на ночь с 1-го на 2-е января 1822 г. Вечером 31 декабря командант Бельфора случайно набрел на следы заговора, принял энергичные меры, и колонна в 36 юношей, только накануне прибывшая в Бельфор, должна была бежать. Базар при морозе в 12° С. поторопился в Париж в открытой, убогой тележке, чтобы предупредить товарищей о случившемся. 1-го января он встретил в нескольких милях от Бельфора почтовую карету, в которой находился генерал Лафайет. Узнав об открытии заговора, последний тоже отправился в Париж. И здесь тайна сохранилась настолько строго, что только 23 участника заговора были преданы суду в Кольмаре, из них 19 были оправданы, а только 4 присуждены к тюремному заключению.

Хотя карбонаризм потерпел поражение в Бельфоре, но он далеко еще не был уничтожен. Решено было поднять знамя восстания в другом месте. Флотар был послан в Ла-Рошель, чтобы подготовить восстание, при чем рассчитывали на 700 чел., которые должны были отправиться в Сенегал в качестве переселенцев. Батальонные командиры и много офицеров Ла-Рошели ждали только сигнала, чтобы присоединиться. Военное руководство восстанием было поручено Бертону. Генер-

17-му, вынужденному выйти в отставку после «ста дней». Днем скрытого выступления было назначено 14-е марта 1822 г. Неблагоприятные обстоятельства, которые нельзя было предвидеть, вызвали отсрочку на несколько дней. В этот промежуток времени администрация кое-что провела, и отправка 700 эмигрантов была ускорена. Кроме того, утром 19-го марта были арестованы 4 сержанта из Ла-Рошельского гарнизона: Борье, Губен, Помье и Рауль, все члены союза карбонариев. Таким образом восстание было подавлено в самом зародыше.

Бертон, которому удалось бежать, был 17-го июля арестован вместе с 2 товарищами в убежище, где они скрывались. Их выдал один унтер-офицер, гнусный провокатор, который сумел втереться в организацию карбонариев. Они вместе еще с 40 обвиняемыми были представлены суду присяжных С.-Пулье, после 14-дневного судебного разбирательства они были приговорены к смерти и 5-го октября казнены.

Четыре сержанта, которых обвиняли только в том, что они принадлежали к тайному союзу карбонариев, были отправлены в Париж и преданы местному суду присяжных. Их признали виновными и приговорили к смертной казни. Им обещали помилование, если они выдадут своих сообщников; они гордо отказались. 21-го октября их гильотинировали. Сильный военный караул не давал возможности карбонариям освободить их от смерти. Они умерли с криком: «да здравствует свобода!» Память об этих героях и по сие время живо сохранилась в народе. Гробницу, которая была им воздвигнута после революции 1830 г. на Монпарнасском кладбище, в день всех скорбящих народ украшает цветами и венками.

После смерти сержантов Ла-Рошели карбонаризм быстро начал терять почву под ногами. Время патриотического воодушевления прошло, начались интриги. Карбонаризм был распространен среди наиболее здоровых элементов буржуазии, но 1) в организацию проникло много агентов-провокаторов, 2) не имея выработанной программы, карбонаризм сконцентрировал в себе представителей всех оппозиционных слоев населения, без различия партий. В его рядах были республиканские, орлеанистские и бонапартистские венты, без общего руководящего центра. Карбонаризм не пустил корни вглубь общества,

нивших слоев он совершенно не затронул. Имей народные массы оружие и патроны, правительство встретило бы более упорное сопротивление, чем во время этих повстанческих попыток в провинции.

Министерству Монморанси-Виллель удалось благодаря избирательному закону 1820 г. и системе ежегодных выборов довести либеральную оппозицию, составлявшую в палате $\frac{1}{5}$ общего количества депутатов, до полного бессилия. Виллель сумел воспользоваться этим, чтобы на долгие годы обеспечить за собой послушную палату. 24-го декабря 1823 г. палата была распущена, и новые выборы были назначены на февраль и март 1824 г. Префектам под угрозой отставки было предписано добиться «хороших выборов». Успех получился полный: из 430 вновь избранных депутатов в палату попали от оппозиции только 13 представителей, так что в течение долгих лет только в палате пэров либеральная буржуазия могла с успехом защищать свои интересы.

23-го марта 1824 г. состоялось открытие обновленной палаты. В тронной речи высказывалось полное удовлетворение внешним и внутренним положением страны и было заявлено о двух новых законопроектах: удлинении законодательного периода с 5 до 7 лет и понижении % по государственным долгам с 5 на 4.

В апреле эти два законопроекта были внесены в палату. Предложение изменить парламентский регламент сначала обсуждалось в палате пэров, которая охотно его приняла, а затем за него высказалась подавляющим большинством голосов и палата депутатов. Ультра-роялистская партия, располагавшая в палате в 1824 г. прочным большинством, рассматривала новый закон как краеугольный камень для системы неофеодальной монархии, к созданию которой и стремилась реставрация.

Для законопроекта о понижении государственной ренты до 4% обстоятельства сложились менее благоприятно. Этот законопроект затрагивал интересы государственных кредиторов, к которым принадлежала не только либеральная буржуазия, но и крупные феодальные собственники. Хотя министру Виллелю и удалось добиться в палате депутатов большинства 238 против 115 в пользу своего финансового плана, но в палате пэров он

натолкнулся на весьма серьезное сопротивление. Оппозиции принял и парижский архиепископ, монсеньор Кэльян. Как он говорил, «в качестве защитника бедняков своей епархии, интересы которых безусловно должны пострадать от понижением ренты их покровителей»; «в интересах церкви и религиозных учреждений, которые вложили свои богатства в государственные бумаги», как говорили эти языки. Это авторитетное вмешательство решило судьбу законопроекта: он был отклонен в палате пэров большинством 125 против 91.

Между тем конгрегации удалось, пользуясь влиянием г-жи дю-Кэлья на одряхлевшего короля, привести своих приверженцев на высшие государственные должности и создать для них даже новые места, как, напр., королевским указом от 26-го августа 1824 г. было учреждено министерство исповедания и министерский портфель был предоставлен Френсину, епископу Термополиса. Правительственные чиновники светского образа мыслей были удалены, и по предложению г-жи дю-Кэлья, вакансии были замещены представителями конгрегаций.

16-го сентября 1824 г. умер Людовик XVIII; незадолго до своей смерти он рекомендовал гр. Артуа своему брату и наследнику престола, свою политику колебания, как самое надежное средство удержаться на престоле.

Граф Артуа, взошедший на престол под именем Карла X, был человек ограниченный, ослепленный религиозным фанатизмом, и на троне он остался таким же грубым юнkerом, каким он был раньше, когда стоял во главе эмигрантской партии в Коттенце. Первые его шаги в качестве французского короля — отмена цензуры и освобождение многих политических заключенных — произвели хорошее впечатление, но это впечатление быстро сглазилось, когда 22-го декабря 1824 г. был внесен в палату закон против святогатства, по которому всевозможные преступники, подпадавшие под понятие святогатства, вступали за собой самые суровые наказания. За кражу церковной утвари грозила вечная ссылка на галеры за воровство в церкви — смертная казнь, осквернение причастия приравнивалось к убийству и т. д. Хотя этот закон не имел резкого духа времени, все-таки он был принят палатой де-

путатов огромным большинством и палатой пэров 127 против 92 голосов.

В 1825 году, наконец, появился давно возвещенный закон о вознаграждении эмигрантов за убытки, причиненные им конфискацией имуществ во время революции. Закон определил для этой цели сумму в 1 миллиард, который предполагалось покрыть 3%-м государственным займом. После бурных дебатов, которые продолжались целый месяц, законопроект был принят палатой депутатов большинством 259 против 124, затем палатой пэров и утвержден королем. Из этого миллиарда получил 14 миллионов также Луи-Филипп, герцог Орлеанский. Специальным законом Карл X вернул ему его еще непроданные поместья, неприкосновенность которых ему была гарантирована простым распоряжением Людовика XVIII.

К концу мая 1825 г. заседания палаты были прерваны торжественной церемонией: Карл X отправился в Реймс, чтобы возложить на себя корону Франции. Для него не был пустой церемонией этот вышедший уже в течение полустолетия из моды монархический обычай. Он верил, что церковный обряд служит необходимым условием для благодати божьей и неприкосновенности его короны. Голубка когда-то достала с неба чашу для королей Франции и, хотя эта чаша за 30 лет перед тем была разбита по приказанию конвента, но, как теперь было официально объявлено, черепки с остатками священного мира были сохранены заботливой благочестивой рукой. Все сомнения были уничтожены заявлениями «Монитера», официального органа правительства, который об этом с весьма серьезным видом сообщил и прибавил: «таким образом мир, которое течет по лбу Карла X, есть то же самое, которым были помазаны, начиная с Хлодвиг, все короли Франции».

29-го мая состоялось коронование в старой кафедральной церкви Реймса. Старая церемония была вполне сохранена, только формула посвящения была изменена: король дал присягу соблюдать конституцию, вместо того, чтобы присягать, что он будет преследовать еретиков. В архивах прошлого был отыскан всякий монархический хлам и пущен в оборот; не забыт был и мистический дар миропомазанных королей Франции исцелять золотушных. Перед Карлом X прошел целый ряд лиц,

болеющих золотухой, он осенял их своей рукой и говорил: «король дотронулся до тебя, да исцелит тебя бог!»

Поэтому неудивительно, что влияние конгрегации, которое при Людовике XVIII было уже значительно, при Карле X достигло крайних пределов. Миссии с их религиозными церемониями, процессиями, водружением креста и пр. шумели больше, чем когда-либо. Они нашли верное средство сделать песни популярными; они прибегали к мотиву марсельезы и др. известных мелодий. Когда они во время ночных церемоний покаяния в церквях или на кладбищах говорили о страшном суде или муках ада, они старались запугивать женщин и детей разными фейерверками при помощи взрывчатых веществ. Духовенство позволяло себе нахально вмешиваться в личную жизнь граждан, оно отказывалось благословлять смешанные браки, не выдавало свидетельств о крещении тем, которые, по его мнению, не достаточно ревностно исполняли свои религиозные обязанности, вело список тех, которые не являлись к причастию и исповеди, и запрещало им доступ в церковь. Бедным оказывалась помощь только в том случае, если они предъявляли свидетельство, что они были у исповеди и т. д. Был введен так называемый церковный «юбилейный год», который праздновался во всей Франции, особенно в Париже, с большой помпой. Шесть недель продолжалось общественное покаяние, в чем принимали участие весь двор добровольно, а массы чиновников и военных против воли. Все вакантные места замещались приверженцами клерикальной партии. Религиозный образ мыслей, искренний или неискренний, был обязателен для каждого кандидата на государственную должность, даже в войске благочестивые и ханжи имели больше шансов на повышение, чем действительно военные таланты. Таким образом вся официальная Франция получила клерикальную окраску.

Злоупотребления конгрегации были настолько очевидны и проявлялись так открыто, что газеты осмелились, несмотря на стеснения свободы печати, против них выступить. В интересах католической религии газеты были привлечены к судебной ответственности, но судебное ведомство, которое всегда охотно подчинялось администрации, когда речь шла о потуге, в за-

ном случае отказало клерикальной партии в своем содействии, и газетны были оправданы.

Спустя несколько дней после открытия заседаний палаты в 1827 г. министерство, находившееся всецело под влиянием конгрегации, внесло новый законопроект о печати, который противникам церковных интересов должен был совершенно зажать рот под угрозой штрафов и всяческих административных наказаний. В нем были подробно указаны меры предупреждения и подавления всякого рода, чтобы наказать всякое формальное нарушение буквы закона. Раздались многочисленные протесты против этого закона, который должен был свести на нет все значение печати. Несмотря на это, он был принят палатой большинством $\frac{2}{3}$, но в палате пэров он, повидимому, должен был провалиться, поэтому министр юстиции Пейронэ поспешил его взять обратно.

29-го апреля 1827 г. Карл X делал смотр национальной гвардии (20.000 ч.); это был все цвет буржуазии. Большинство легионов встретило его шумными возгласами, между тем как другие в это время приветствовали конституцию. Возвращаясь со смотра, национальная гвардия выражала свое недовольство против конгрегации криками перед министерством «долой министерство!» «долой иезуитов!» На следующий день национальная гвардия была распущена королевским указом. Таким образом, монархия лишила себя последней опоры против революции, которая хотя медленно, но неудержимо охватывала всю страну.

22-го июня 1827 г. было закрыто заседание палаты при очень напряженном настроении, и два дня спустя без указания причин была восстановлена цензура. После того, как строгими мерами заставили оппозиционную печать замолчать, 5-го ноября появились многочисленные королевские указы, которыми была распущена палата депутатов, назначены через две недели новые выборы с избирательным сроком в 3 недели и состав палаты пэров увеличен назначением новых 76 религиозно настроенных пэров. Одновременно с этим цензура была опять усилена.

Таким образом министерство надеялось доставить победу клерикалам. Но либералы и роялисты, враждебно настроенные

против конгрегации, соединились под названием «конституционной оппозиции» для совместной избирательной борьбы против конгрегации. Оппозиция получила на выборах значительное большинство. В Париже, где прошли общие кандидаты оппозиции, толпа, состоявшая исключительно из задорных юношей буржуазии, выражала на улицах очень бурно свою радость, вследствие чего вечером 18-го и 19-го ноября были вызваны войска и в некоторых местах начали строить баррикады. О каком-либо серьезном сопротивлении не могло быть и речи; демонстрации устроили все мирные обыватели. Они были разогнаны паватеристами и частью убиты в своих домах.

Министерство Виллеля, потеряв надежду господствовать в палате, подало в декабре в отставку, и 5-го января «Монитор» известил об образовании нового кабинета с новым министром внутренних дел Мартиньяком во главе. Он старался уступчивостью умиротворить оппозицию, но он сильно вооружил против себя клерикалов тем, что подчинил светской власти школы, основанные иезуитами, насчитывавшие больше учеников, чем во всех королевских школах вместе взятых. 8-го августа 1829 г. министерство Мартиньяка уже вышло в отставку и во главе министерства стал человек, в котором Карл X видел своего *alter ego*. Это был Полиньяк, один из светских руководителей конгрегации. Таким образом, монархия стала на путь крайней реакции, которая и привела ее к гибели.

Назначение министерства Полиньяка было понято всей французской буржуазией, как объявление войны либерализму, всем государственным учреждениям, созданным великой революцией, и, следовательно, как измена конституции. Это настроение выразилось в блестящем приеме, оказанном Лафайету во время его агитационной поездки по средней Франции, причем воодушевление буржуазной Франции вылилось в речах и тостах.

2-го марта 1830 г. палаты были открыты тропной речью, которая заканчивалась следующими словами: «Пэры Франции, депутаты страны, я не сомневаюсь в вашем содействии в выполнении моих добрых намерений. Если же вы разными предостережительными средствами, которых я не могу и не хочу предвидеть, будете мешать благотворному делу внести пражительств,

то я прибегну к насильственному их подавлению, опираясь на доверие и любовь французского народа к своему королю». Ответный адрес, принятый палатой депутатов большинством 221 против 121, гласил: «Ваше величество! Конституция считает необходимым условием нормального развития общественной жизни солидарность намерений правительства с желаниями народа. Верноподданнический долг заставляет нас заявить вашему величеству, что этой солидарности не существует». Сейчас же заседания палаты были отложены до 3-го сентября, и 16-го мая палата была совсем распущена. Происходившие в конце июня и начале июля выборы, несмотря на личное вмешательство короля, старания министерства, префектов и духовенства, привели не только к новому избранию тех же 221 протестантов, но их число даже возросло.

Тогда 7-го июля совет министров решил распустить палату, прежде чем она собралась, изменить королевским приказом избирательный закон, уничтожить свободу печати и созвать палату, в которой правительство располагало бы послушным большинством. Приготовлениями к этому государственному перевороту, главным образом, изменением избирательного закона, министерство было занято около трех недель. 26-го июля «Монитор» сообщил о подписанных накануне королем «ордонансах» (приказах), которые раздули тлевшую искру революционного настроения в грозное пламя, и в несколько дней революция стерла с лица земли министерство Полиньяка вместе с феодальным королевством.

II.

Июльская революция.

Классовые противоречия и положение буржуазии. Лаффит. Политический индифферентизм народа. Биржевики и г-н Талейран. Влияние ордонансов. Нерешительность депутатов. Казимир Перье. Буржуазия подстрекает народ. Маршал Мармон. 27-го июля: Наборщики и печатники кладут начало революции. Пример законного сопротивления. Беспечные собрания депутатов. Стычка между войсками и народом. Развертывается трехцветное знамя. Политехническая школа готовится к бою. Организация восстания в ночь с 27-го на 28-е июля. 28-го июля: Политехническая школа вооружается. Диктатура маршала Мармона. Араго и делегация от депутатов у Мармона. Депутация сообщает о неудачном исходе их посреднической попытки. План действий маршала. Марширование войск через бульвары по направлению к Бастильской площади. Сражения на улице С.-Антуана. Войска оказались запертыми на улице С.-Дени, их освобождают швейцарские наемники. Новые собрания депутатов. Войска очищают в полночь ратушу. Слепая самонадеянность Карла X. 29-го июля: Прокламация маршала Мармона. Мнимый генерал Дюбур. Битвы на левом берегу Сены. Взятие Лувра и Тюльери. Отпадение двух линейных полков. Разумная предусмотрительность Талейрана. Дюпен старший воодушевляется. Париж под господством мнимой власти. Паника в доме Лаффита. Лафайет в ратуше. Учреждение муниципальной комиссии. Эксплуатация народной победы буржуазией. Орлеанские прокламации и агитация в народе. Победоносные орлеанисты организуют народное движение против республиканцев. Урок для народа.

Парижская буржуазия смотрела на приближавшуюся, ставшую неизбежной, революцию с смешанным чувством страха и гнева. Для нее слишком много было поставлено на карту, чтоб она могла спокойно отнестись к превратностям революции... В ее руках находилась большая часть капиталов страны, кредит, и она оказывала очень значительное, если не решающее, влияние на направление государственной жизни Франции. Ее

требования сводились к значительному уменьшению государственного бюджета, к некоторому понижению избирательного ценза, более мягкому отношению к печати, роспуску швейцарских полков (наемников) и восстановлению ее военной защиты, национальной гвардии. Этим она удовлетворилась бы, требовать большего было не в ее интересах. И этих скромных требований она хотела добиться только легальным путем.

Ее врагами были дворяне и клерикалы. Дворянство она ненавидела за его высокомерное к ней отношение, клерикалов — за то, что они стремились к светскому господству и плли рука об руку с дворянством, короля — за то, что он стоял на страже интересов ее врагов. Но она воздерживалась от взрыва негодования — ее угнетал призрак революции 1789—1793 г.г. и она питала невыразимый страх перед народными массами. Она находилась в таком двойственном настроении, терзаемая различными чувствами, дрожь от страха и ярости, когда появились «ордонансы», которые обрекали ее на полное политическое бессилие. Перед ней стояла альтернатива: подчиниться двору или освободить народ. Она была в нерешительности, медлила и не знала, как ей быть.

Республиканской партии в истинном смысле этого слова еще тогда не существовало. Только некоторые молодые люди, вышедшие из среды карбонариев, настолько освободились от предрассудков, что их уж не удовлетворял бледнорозовый либерализм. Они ненавидели монархию и стремились к ее уничтожению. Хотя они были малочисленны, но благодаря своей смелости, преданности и презрению к смерти, они могли в данный момент увлечь за собой народ. Им не доставало только руководителя. Кичливый «герой старого и нового света» Лафайет был только вывеской, но отнюдь не творческой революционной силой.

Наибольшим влиянием из представителей буржуазии пользовался тогда банкир Лаффит, который был вместе с тем и богат и популярен. Хотя он и не мог играть революционной роли на широком поприще общественной жизни, но для руководства дворцовым переворотом он был незаменим. Его щедрость, ласковое обращение, благородство и несомненный либерализм сделали его королем парижских салонов, и он неустрашимо и

совершенно добровольно взял на себя эти обязанности, связанные с такими большими издержками ¹⁾.

Во время реставрации он откровенно, даже слишком откровенно высказывался в пользу Луи-Филиппа, герцога Орлеанского.

Таковы были чувства, которые испытывала буржуазия и ее представители. Народ находился в совершенно другом настроении. Еще со времени французской революции парижское население питало сильную ненависть к иезуитам и вообще клерикалам. Не менее глубокую ненависть оно чувствовало к Бурбонам, которым оно не могло простить то, что они домогались французского престола при содействии врагов Франции. На их царствование они смотрели, как на национальный позор. Для себя народ требовал очень немногого, так как, не сознав еще своих классовых интересов, он не мог выставить какие-нибудь социальные требования или заглянуть в свое будущее. Поэтому между буржуазией и народом не было ни общности интересов, ни одинаковой формы выражения своей ненависти.

Уверенность в приближении государственного переворота и неизвестность относительно момента его наступления возбудили у крупной буржуазии свойственный ей дух спекуляции. Банкиры обложили трон своими шпионами, подкупили попов, чтобы узнать тайны исповеди. Один известный финансист Увар, который уже несколько раз, благодаря своим гигантским и рискованным предприятиям, приобретал и терял громадные богатства, обязался нотариально и при свидетелях уплатить 50.000 франков тому, кто ему доставит королевские ордонансы. 50.000 франков были уплачены, и счастливый спекулянт играл на бирже на понижение и собрал миллионы. Ротшильд, менее осведомленный и уверенный, что кризис произойдет не раньше августа, играл на повышение и с трудом отделался только несколькими миллионами. Казимир Перье, который уже в течение нескольких месяцев находился в близких сношениях с двором, одним из первых узнал в воскресенье 25 июля, накану-

¹⁾ Ротшильд высчитал при крушении банковского дома Лаффита, что тот истратил для успеха дела июльской революции около 9 миллионов. (Лаффит вышел из народной среды; его отец, был простым плотником).

не опубликования ордонансов, о том, что произойдет. Он получил в своем вилле в Булонском лесу письмо в форме треугольника, со страхом открыл его в присутствии своей семьи и в отчаянии опустил руки: ордонансы, отменявшие французскую конституцию, были в тот же день подписаны королем и министрами. Талейран, благодаря своей прозорливости, тоже догадался о тайне. В воскресенье в полдень он был в С.-Клу, чтобы передать Карлу X важное сообщение английского короля, но не был принят королем; из приема, который ему оказали, он сделал заключение, что предстоит какая-то катастрофа. Еще в ту же ночь он пригласил одного приятеля, который вел крупную биржевую игру, и посоветовал ему играть на понижение. Но этот совет запоздал. В понедельник, 26-го июля, рано утром появились в «Монитере» ордонансы, и к полудню 3 проц. государственные бумаги упали с 78 на 72 проц.

В этот день в академии наук и искусств знаменитый астроном Франсуа Араго произнес хвалебную речь в память своего скончавшегося предшественника Френеля. Он коснулся также и злобы дня, что было встречено шумными одобрениями. Монархия вооружила против себя и биржу и научный мир; таким образом, против нее были и представители самой низменной и самой благородной из современных общественных сил.

Враждебную позицию по отношению к монархии занимала еще одна общественная сила, сила печатного слова. Представители печати почувствовали, что опасность грозит не только их гласности и общественному значению, но и их личной свободе. В количестве 44 человек они собрались в бюро „National“ и подписали протест, в котором они диктаторским попомзновением правительства противопоставили неприкосновенность конституции страны. Бодрость их покинула, когда они заметили, что народ остается равнодушным к их протесту.

Народ, который частью не знал об ордонансах или не понимал их значения, сидел спокойно в мастерских за работой, а любящие погулять мастеровые танцевали на обычных в понедельник балах крайних предместий по ту сторону таможи. Поэтому, когда в бюро „National“ явилась депутация от студентов и бывшие члены распущенного союза карбонариев. Тьер, Минье, Арман Каррель и др. соредакторы „National“,

в ответ на предложение сказать упорное сопротивление правительству, созвав немедленно распущенную национальную гвардию, заявили, что при господствующем настроении народа нет никаких шансов на успешный исход этой попытки.

В это время другие литераторы, юристы и депутаты собрались у влиятельного адвоката Дюпэна старшего. Они хотели узнать, нельзя ли выпустить повременные издания без соответствующего разрешения правительства и насколько можно в данном случае рассчитывать, что такая смелая выходка найдет защиту со стороны судей и закона. Дюпэн, который уже тогда обладал талантом под наружным спокойствием скрывать свою трусливость, не отказал в совете, но при этом подчеркнул, что он уже больше не депутат, так как конституция дает право королю распустить палату, и отклонил от себя всякую ответственность за события, исход которых невозможно теперь предвидеть.

Многие депутаты, в том числе Берар, де-Лабурд и генерал Себастьяни пришли к своему товарищу Казимиру Перье. Страх и замешательство ясно читались на всех лицах. Предложение Берара открыто выразить протест против ордонансов показалось слишком смелым. После долгих споров, которые еще ярче обрисовали растерянность г.г. либералов, они разошлись, не приняв никакого решения, с намерением устроить вечером собрание депутатов у де-Лабурда.

На собрание явилось только 14 депутатов, из них наибольшей популярностью пользовались Баву, Берар, Дону, Жак Лефевр, Моган, Перфиль и Вильмэн. Кроме них пришли бывшие карбонарии Трейляр, Шонэн и Мерилю в качестве представителей их единомышленников. Берар опять внес предложение относительно протеста депутатов. Баву добавил: «речь идет относительно новой *залы мяча*». Дону пошел еще дальше и заявил, что нужно апеллировать к народу. В это время появился Казимир Перье и положил конец воинственному настроению. Он объяснил, что палата распущена и, следовательно, нет больше депутатов во Франции. Между правительством и общественным мнением не может быть никаких судей. Необходимо обождать, чтоб дать возможность возбужденным умам высказаться или зарвавшейся монархии время стать на другой,

лучший путь, что все он высказал страстным, повелительным тоном. Наполеон Шонэн и Лорд старались повлиять на присутствующих, чтоб они решились на какой-нибудь серьезный шаг, депутаты колебались. Казимир Перье, стремившийся к тому, чтобы успокоить возбужденные оппозиции, предложил собраться у него на следующий день. На этом и разошлись депутаты.

Кто же тот человек, который в этот момент сделался посредником между депутатами оппозиции и тронном? «Казимир Перье был высокого роста», так описывает его Луи Блан, «и отличался уверенной походкой. Его нежное от природы лицо принимало иногда такое выражение, что делалось отталкивающим. Быстрым огонь его взора, энергичные жесты, лихорадочное, пламенное красноречие, частые вспышки бешеного гнева, все указывало, что этот человек рожден для кипучей общественной жизни. У него не хватало только благородства и великодушия. У него не было преданности, без которой искусство властвовать превращается в сплошное шарлатанство. Аристократию он ненавидел за то, что не мог сравниться с нею, а возмущенный народ казался ему сборищем варваров, которое кровопролитием прокладывает себе дорогу к грабежу. Свойственное ему корыстолюбие усиливало его страх перед народной беднотой. Он был труслив и деспотичен, власть он любил, потому что она позволяла ему творить насилие безнаказанно. Как ни безгранично было его высокомерие, но оно все-таки проявлялось в мелочах. Надменный и пронырливый, он бы подавил в зародыше революцию, если бы для этого только нуждался в поддержке своих коллег. Но они не были способны в этот роковой для Франции момент руководить событиями». Некоторые депутаты и журналисты, когда первое увлечение прошло, испугались, не зашли ли они слишком далеко, но так как они по горькому опыту знали, на что способны мстительные Бурбоны и их клика, то им ничего не оставалось другого, как распространить волнение как можно шире, чтобы вовлечь народ в движение. Таким образом, были возбуждены все демократические элементы общества. Вечером, в понедельник, брошены были камни в проезжавшую карету Полиньяка, что послужило сигналом к более смелым поступкам. Всплески негодования, постоян-

но нарастая, превратились в настоящее восстание, которое под конец разразилось революцией. Это была оригинальная революция! Задумана она была крупной буржуазией, которая питала к ней смертельный страх, проведена была мелкой буржуазией и народом, который даже не знал хорошенько, за что он собственно борется.

Карл X в этот день рано утром поехал в Рамбулье, там провёл день на охоте и по возвращении в С.-Клу сел за свою любимую игру в винт. Пред отходом ко сну он забыл подписать приказ, которым маршал Мармон, герцог Рагузский, назначался начальником всех расположенных в Париже войск. Это назначение было еще накануне решено в совете министров. Благодаря беспечности короля, это решение было приведено в исполнение только 27-го июля, и маршал получил этот приказ около полудня. Так как войска не были в это время в казарме, то маршал мог приступить к отправлению своих новых обязанностей только в 4 часа.

Это назначение не мало способствовало тому, что раздражение народа дошло до крайних пределов. Маршала Мармона народная молва обвиняла в том, что его измена в 1814 г. привела к гибели Наполеона. Капитуляция Парижа, все несчастия и унижения, пережитые Францией в эти памятные дни, были живы в воспоминаниях народа и были тесно связаны с одним именем, именем герцога Рагузского. Это имя было в устах народа равносильно слову изменник. Назначение Мармона начальником парижского гарнизона переполнило чашу народного терпения и втянуло в чисто буржуазный спор широкие народные массы.

Утром 27-го июля появились только 8 газет. Пять газет, отчасти по убеждению и партийным расчетам, отчасти из страха и корыстолюбия, подчинились ординамсам. Только „Globe“, „National“ и „Temps“, несмотря на административное запрещение, все-таки вышли и были распространены в большом количестве. Остальные типографии распустили свой персонал и закрыли свои конторы. Выброшенные на мостовую наборщики и печатники первые присоединились к возгласу буржуазии: „Vive la charte!“ (да здравствует конституция), они увлекли за собой других рабочих, которые частью даже не знали, что озна-

Част этот боевой клич. Таким образом завязалась революционная связь между буржуазией и народом.

Протест литераторов осмелились опубликовать только две из 11 газет, от имени которых он и был подписан. Полицейский префект велел арестовать подписавших протест и закрыть обе газеты: „National“ и „Temps“. Первый приказ (арест литераторов) оказался невыполним, да и второй с большим трудом удалось осуществить. Когда полиция выломала двери типографии „National“, члены редакции заговорили таким резким тоном, что растерявшиеся полицейские в смущении отступили.

Редакторы „Temps“ оказали еще более упорное сопротивление. В полдень появился отряд жандармов и остановился на улице Ришелье перед домом, в глубине двора которого находилась типография, и обложил его со всех сторон. Редактор Бод велел запереть типографию и открыть ворота на улицу. Сам он со всем своим персоналом стал у ворот в два ряда. Полицейский комиссар в очень вежливой форме сообщил ему о цели своего прихода. «Сударь», возразил ему Бод, «вы явились сюда именем ординансов, я же требую именем закона, чтобы вы не дотрагивались до наших станков». Комиссар послал за слесарем, чтобы взломать двери типографии. Бод запротестовал, достал Code pénal (Уложение о наказаниях) и прочел громким голосом статью, согласно которой насильственное вторжение со взломом наказывается ссылкой на галеры. Между тем, толпа все росла, и ропот все усиливался. Смущенный оказанным ему приемом, слесарь отказался от предлагаемой ему роли. Другие приглашенные слесаря последовали его примеру. Наконец, спустя несколько часов, пригласили слесаря, который заковывал отправляемых на галеры; он согласился взломать двери типографии и уничтожить станки.

В это время в различных пунктах Парижа происходили собрания. Собравшиеся в салоне Казимира Перье в третий раз обнаружили свою редкую трусливость и растерянность. Они не знали, могут ли они положиться на народ. Напрасно решительная и боевая группа бывших карбонариев отправила к ним Мерилю и Булея, чтобы поднять несколько их энергию. Напрасно Одри де Пюйраво, Могэн и Лаббей де Помпьер заклинали их последовать примеру журналистов и выразить протест про-

тив государственного переворота, который обрекал их на политическое бессилие. Генерал Себастьяни советовал написать королю, Дюпэн старший, как и накануне, объяснил, что их депутатских полномочий уже больше не существует, и Казимир Перье предлагал своим товарищам пока примириться со своим поражением и занять выжидательное положение. Предложение Берара относительно протеста было в третий раз отклонено, но на следующий день в 12 часов дня оно было опять поставлено на обсуждение на собрании республикански настроенных депутатов, на котором присутствовал главный редактор Одри де Пюйраво.

И в редакции „Globe“ Шарль Ремюза забил тревогу, но предупредил, что он против революционного образа действий, а стоит исключительно за легальные способы борьбы. За легальное сопротивление высказывались и группирующиеся около Тьера приверженцы „National“, при чем Тьер настаивал на том, чтобы «имя короля не было затронуто в этой полемике». Никто из этих буржуа не доверял народу, многие же боялись его больше, чем двора.

До семи часов вечера не было еще ни одного серьезного столкновения между народом и войсками, хотя уже были построены баррикады, разграблены некоторые склады оружия и на улицах показалась громадная толпа любопытных. Часто раздавались крики: «да здравствует армия!» И солдаты, то встречая угрозы, то лесть, не знали, что им делать; с добродушным видом они разгоняли толпу, которая тут же опять собиралась. Только ненавистные народу жандармы были прогнаны из своей военной заставы на Биржевой площади и дом сожжен. С наступлением сумерек на улицах стало настолько спокойно, что маршал Мармон счел возможным отвести войска в казармы.

Вечером на площади политехнической школы появился человек с трехцветным знаменем в руке, знаменем, которого уже не видели во Франции в течение 15 лет. В толпе не раздалось ни звука, ни движения, только глаза следили за этим забытым символом и в памяти выплывали старые, полужабытые воспоминания. Некоторые старики обнажили головы, другие при этом зрелище проливали слезы.

В самой политехнической школе происходит следующее. Один студент, по имени Шарра исключенный из школы за то, что на банжете распевал марсельезу, прислал своему товарищу появившиеся утром 12-го июля с указанием на предстоящее восстание. Некоторые воспитанники подтверждают, что были налицо все признаки надвигающегося восстания. Около шести часов в школе явственно слышны были массовые выстрелы со стороны Сены. Сейчас же начатось брожение среди студентов, занятия были прекращены, несмотря на угрозы офицеров и главного инспектора Бине. Собрались в бильярдных залах, чтобы обсудить что следует предпринять. Решено было постать депутацию из 4-х воспитанников к Лаффиту, Казимиру Перье и Лафайету и объявить им, что политехническая школа готова принять участие в восстании. Депутаты выбрались из школы и отправились к Шарра, где переоделись в штатское платье, так как по улицам шмыкали полицейские и их могли арестовать. Затем они впятером отправились к Лаффиту, которого нашли спящим.

27-го июля толпа ограничилась тем, что срывала вывески придворных поставщиков и бросала их в грязь. Утром 28-го спустя час после восхода солнца, на всех построенных за ночь баррикадах развевалось трехцветное знамя. Таким образом началась революция.

В эту ночь повстанцы нашли себе руководителей в бывших наполеоновских офицерах и уже упомянутых предках карбонариях, которые, ввиду трусливой бездеятельности депутатов, решили на состоявшемся у их единомышленника Каде Гаспкура собрании придать движению общин, планомерный характер. Для каждого из 12-ти парижских округов были учреждены отдельные революционные комитеты, которые в ту же ночь с 27-го на 28-е июля и начали свою деятельность. Они воодушебили народ к построению баррикад, достали оружие, в чем раньше чувствовался большой недостаток, и занялись с большим усердием заготовлением патронов.

Депутация политехнической школы не была принята ни Лаффитом, ни Казимиром Перье. От Лаффита они получили характерный ответ: «Посоветуйте своим товарищам держаться спокойно». Но они в ту же ночь взяли штурмом фехтовальную

залу, завладели рапирами и начали оттачивать клинки о каменные плиты. Затем они с шумом бросились к воротам, большей частью в праздничной форме, встречаемые шумными овациями со стороны народа и увлекая за собою студентов—юристов и медиков. В рядах борцов можно было найти и гимназистов, которые соперничали с подростками пролетариями в помощи баррикадным бойцам, состоявшим, главным образом, из крепких, энергичных жителей предместья. Еще до рассвета начали стекаться к центру Парижа рабочие и принялись за постройку баррикад. Таким образом, вся ненависть и озлобление, которые накопились в течение 15 лет против Бурбонов, обнаружились 28-го июля в одном объединяющем всех чувстве, в ненасытной жажде борьбы. Только средняя и крупная буржуазия оставалась безучастной. Когда утром ударил набат с Notre Dame (Собор Парижской Богоматери), небольшой отряд распущенных национальных гвардейцев, облачившихся в свои запыленные мундиры, отправился для защиты мэрии и других общественных зданий. Около полудня 28-го июля либеральные депутаты собрались по уговору у Одри де-Пуираво. Среди них были Лаффит и Лафайет. 12.215

Депутат Могэн, который уже не мог больше удовлетвориться бумажным протестом, предложил к ужасу всех присутствующих выбрать временное правительство, но сам же снял свое предложение, так как никто его не поддержал. Но все-таки депутаты настолько набрались храбрости, что решили, наконец, выразить протест против ординасов. Из трех предложенных на обсуждение проектов приняли проект профессора Гизо, составленный деревянным канцелярским слогом, в котором прежде всего подчеркивается верность депутатов своему королю, введенному в заблуждение своими министрами.

Когда дело дошло до подписей, то большинство этих героев отказалось подписаться под протестом. Пришлось ограничиться следовавшей в конце текста пустой фразой: «подпиши следуют», и в таком виде, то-есть неподписанным, этот документ был послан в редакцию „Temps“ для опубликования.

Потоки крови лились на улицах Парижа в то время, когда г.г. депутаты выразили этот ничего не значащий протест, причем Дюпэн старший и генерал Себастьяни нашли его даже

слишком резким! Казимир Перье, который продолжал измышлять способы, как затормозить революцию, нашел, по его мнению, очень практическое средство. Он сказал Лаффиту: «Необходимо переговорить с Мармоном. 4 миллиона встретят недурной прием». Эта мысль нашла сочувствие в собрании. Лаффит заявил, что он готов взять на себя это поручение и предложил Казимира Перье, Могэна, Лобо и Жерара в качестве членов депутации к маршалу. Это предложение было принято.

Утром этого дня Париж почти уже был объявлен в осадном положении, а потому в руках Мармона находилась высшая правительственная власть. Был назначен военный суд, который немедленно должен был произносить приговор над захваченными с оружием в руках инсургентами. Был отдан приказ арестовать некоторых влиятельных депутатов оппозиции, которых считали руководителями восстания, между прочим, Лаффита, Лафайета, Жерара, Могэна, Одри де-Пуэраво и др. События разворачивались с такой быстротой, что военный суд не успел приступить к отправлению своих обязанностей, и указ об арестах остался на бумаге.

Еще прежде, чем депутация явилась к Мармону, к нему поспешил по собственной инициативе Араго и умолял лично ему преданного маршала отправиться в С.-Клу и объяснить королю, что он вынужден будет сложить с себя командование, если король не отменит ордонансов и не удалит Полиньяка. Мармон слабо возражал, и когда Араго все больше настаивал, то он пробормотал: «Хорошо... вечером... я посмотрю.» — «Вечером? — воскликнул Араго. — О чем вы думаете! К вечеру все будет кончено! И как бы ни кончился бой, ваше положение будет ужасно. Если вы будете побеждены, то ваша гибель неизбежна. Если вы победите, вам никогда не простят этого кровопролития». Маршал был потрясен. «Оказать мне вам все? — продолжал еще настойчивее Араго. — по дороге сюда я слышал в толпе такие слова: если будут стрелять в народ картечью, то за это поплатится Мармон». При этих словах маршал схватился за свою шпагу.

В это время доложили маршалу о приходе депутатов. Араго простился, а депутация была сейчас же принята, после чего маршал разорвал приказ об аресте Лаффита, Могэна и Жера-

ра. Лаффит стал заклинять маршала приостановить кровопролитие. Он ему доказывал, какие несчастья принесет нарушение конституции не только народу, но и трону. Маршал возразил, что он не может высказать свое мнение относительно конституции, но во всяком случае об отмене ордонансов не может быть и речи, прежде чем парижане не сложат оружия. Наконец, он согласился написать королю. Лаффит спросил его, надеется ли он на успех. Маршал грустно покачал головой. «В таком случае, — сказал Лаффит, — я решится всецело присоединиться к движению». Мармон спросил у депутатов, намерены ли они переговорить с Полиньяком. Получив утвердительный ответ, Мармон вышел, но скоро вернулся с известием, что Полиньяк отказывается принять депутацию, считая беседу совершенно бесцельной. В 4 часа пополудни депутаты собрались, как это было условлено заранее, у Бераара. Страх был ясно написан на всех лицах. Лаффит сообщил о неудачном исходе попытки депутации. Крики ужаса и отчаяния раздались со всех концов залы, смешиваясь с восторженными возгласами бойцов баррикад, отдаленным гулом набата, сухим треском оружейных выстрелов и глухой дробью барабанов. На это пятое собрание депутатов явился также редактор „Temps“ Кост, заявивший, что согласен опубликовать протест только в том случае, если депутаты под ним подпишутся. Необходимо было на что-нибудь решиться. Генералы Себастьяни и Жерар испугались и ушли, за ними последовали другие, так что на собрании осталось очень мало членов. Чтобы избежать опасности, решили наконец подписать под протест имена всех, даже не находившихся в Париже, либеральных депутатов. «Очень хорошо, — заметил насмешливо Лаффит, — в случае поражения, значит, никто не подписывал. Если мы победим, то в подписях недостатка не будет». Только имя Дюпэна было зачеркнуто Могэном, так как в случае неудачи они боялись его жалобы.

Военные распоряжения маршала Мармона в этот первый боевой день сводились к следующему. Он большую часть своих войск стянул с раннего утра к Тюльери, Пале-Роялю, Лувру, на Карусельскую, Вандомскую площади, площадь Согласия и соседние улицы. Эти войска были разделены на две большие

дивизии, которые около полудня получили приказ к выступлению, разрушая по пути баррикады и занимая наиболее важные стратегические пункты. Первая дивизия должна была проследовать вдоль набережной Сены по направлению к Гревской площади и ратуше. Другая дивизия должна была пройти через бульвары, занять площадь Бастилии и через улицу С.-Антуана проникнуть в ратушу. Если бы этот план удался, то восстание было бы замкнуто королевскими войсками в наиболее значительной и беспокойной части города. Двум гвардейским батальонам было поручено занять улицу С.-Дени, чтобы составлять живую связь между разобщенными частями войск. Один из этих батальонов был послан на север вплоть до бульваров, другой на юг, до самой Сены.

Недостатки этого плана действий были слишком очевидны. Войска могли пройти указанный путь, но они были слишком малочисленны, чтобы быть в состоянии занять всю эту площадь. Если бы их расположили на улицах С.-Дени и С.-Антуан, прорезанных многочисленными переулками и улочками, им грозила опасность подвергнуться обстрелу, и они не были бы в состоянии ответить на эти выстрелы. Скоро выяснилось, что не было принято никаких мер для снабжения войска провиантом, так что голод заставил бы их вскоре сложить оружие. Предписанные маршалом операции могли быть выполнены весьма несовершенно, и большинство генералов ввиду больших потерь сочли себя вынужденными отступить, что во многих случаях было возможно только обходными путями. Вечером, 28-го июля, ратуша была единственным пунктом, который в центре города находился еще в руках королевских войск.

Характерна для поведения войск судьба колонны под начальством Шамана, которой было поручено пробраться на площадь Бастилии. Она долго шла, не встречая серьезного сопротивления; только у ворот С.-Дени и С.-Мартен на них сделали стремительное нападение. Здесь во главе героической группы покрытых лохмотьями прелетариев сражались элегантные молодые люди, принадлежащие к высшим слоям общества. Только спустя некоторое время войско могло продолжать свой путь, но за ним опять начала собираться толпа; деревья бульваров падали под ударами топоров и огромные баррикады

воздвигались с поразительной быстротой, лишая солдат последней надежды на возможность возвращения. На площади Бастилии Шаман наткнулся на громадную толпу, состоявшую главным образом из женщин и детей. «Работы! Хлеба!» Вот были крики, с которыми невооруженные толпы вышли на улицу. Странная вещь! В то время, как в других пунктах города прелетарии сражались под лозунгами, которых они не понимали, здесь толпа издавала свой действительный боевой клич, не сражаясь. Шаман вошел в толпу и раздал все деньги, которые были принесены в то время, как его отряд выстраивался в боевой порядок. Колонна должна была выступить в улицу С.-Антуан, чтоб пробраться к ратуше. Но едва только она тронулась в путь, как со всех углов примыкающих улочек и переулков против нее был открыт такой оживленный огонь, что Шаман вынужден был по левому берегу Сены отступить к Тюльери. Только на площади Бастилии он оставил отряд кирасир. Последний соединился с пятидесятым линейным полком и направился по улице С.-Антуан к ратуше. Это был долгий, кровавый путь, но все-таки удалось разрушить многие баррикады. Через невидимые амбразуры непрерывно стреляли в солдат, и из окон на их головы летели булыжники, кирпичи и домашняя утварь; слабые женщины тащили на верхний этаж тяжелые плиты и с окон бросали ими в войска. Число борцов, которые с оружием в руках сражались на баррикадах, было не очень велико, гораздо больше было число тех, которые принимали косвенное участие в битвах. Перед борцами в случае опасности гостеприимно открывались везде двери и сейчас же за ними запирались; раненых охотно везде принимали и ухаживали за ними с трогательной любовью, во всех домах женщины занимались приготовлением корпии. Несчастные войска для того, чтобы добраться до ратуши, должны были у С.-Жерменской церкви оставить улицу С.-Дени и пойти по набережной вдоль правого берега Сены. Благодаря удачному нападению, которое произвели уланы под аркой С.-Жан, вследствие чего силы инсургентов были отвлечены в эту сторону, отряду удалось проникнуть на Гревскую площадь, занятую королевской гвардией.

Войска, которые под начальством генерала Кенсона должны были очистить улицу С.-Дени, потерпели поражение. Им едва удалось добраться до *Marché des Innocents*. Когда же один батальон был послан к воротам С.-Дени, то ему после больших потерь и с невероятными усилиями удалось достигнуть своей цели. И в то время, как батальон подвигался вперед, сзади опять воздвигались баррикады, так что отступление ему было отрезано. Генерал Кенсон с небольшими силами оказался запертым в *Marché des Innocents* и окруженным со всех сторон инсургентами. В этом отчаянном положении ему ничего другого не оставалось делать, как послать своего адъютанта, переодетого в штатское платье, через боковую улицу к Мармону просить о помощи. Маршал сейчас же приказал батальону швейцарских наемников отправиться в *Marché des Innocents* и вернуть обратно генерала Кенсона. Но это удалось только после штурма многих баррикад. Швейцарцы спустились вместе с солдатами генерала по улице С.-Дени, чтобы сделать привал на берегу Сены на Школьной набережной.

Войска, расположенные в ратуше, были предоставлены своим собственным силам, в то время как наступающие на них группы народных борцов все росли и росли. Из окон ратуши они открыли убийственный огонь по всем окрестным улицам. Число жертв в этом пункте было весьма значительное, в то время как войска, сражавшиеся в закрытых помещениях, терпели очень небольшие потери.

Вечером, часов в десять, согласно уговору, в шестой раз собрались депутаты оппозиции у Одри де-Пюйраво. Только 10—12 депутатов, мрачно настроенные, явились на это собрание. Они вновь доказали свою нерешительность и полное бессилие. Себастьяни на этот раз особенно проявил свою преданность существующему порядку вещей. «Господа,—сказал он,—нам нужно переговорить. Наша роль чисто посредническая, мы уже больше не депутаты». «Мы ведем нелегальную борьбу и вместе с народом»,—ответил Могэн. Зала находилась в нижнем этаже, и окна на улицу были открыты, так что народ, толпившийся у дома, слышал все. Вскоре с улицы поднялся крик ярости против Себастьяни. Многие баррикадные борцы проникли во двор и рассказывали, какой убийственный бой был у ратуши. Лаф-

фит, Лафайет, Одри и Лаборд объяснили, что депутаты должны руководить борьбой народа, делить его опасности и принять его знамя. Гизо был молчалив и неподвижен. Себастьяни, едва услышав речь относительно знамени, вскопчил смертельно испуганный и заявил, что он лично не может больше принимать участие в таких разговорах, что он не признает никакого другого национального знамени, кроме белого, и удалился. «Мы уже долго переливаем из пустого в порожнее!—воскликнул Одри де-Пюйраво,—настало время взяться за дело. Выйдем к народу и возьмемся за оружие». Лафайет также потребовал, чтобы ему указали пост, так как он готов присоединиться к движению, но большинство не могло притти ни к какому решению. Депутаты разошлись, ничего не порешивши, и сговорились собраться на следующий день в 6 ч. утра в седьмом раз у Лаффита. Когда Лафайет вышел из дома Одри, он был встречен шумными рукоплесканиями. Один из толпы подошел к нему с вопросом, не согласится ли он взять на себя командование национальной гвардией. «О чем вы думаете?»—спросил один из сопровождавших Лафайета,—вы хотите, чтобы генерала застрелили?» В то время, как лучшие друзья Лафайета боялись выставить его имя, в другом месте столицы разыгралась следующая характерная сцена. Два обывателя, Гигоне и Дегузе, проходили по безлюдной площади *Petits-Pères*. К ним подошел незнакомец и сказал: «завтра опять начнется бой, я военный; нужен ли вам генерал?» «Генерал?»—возразил Дегузе,—во время революции каждый портной годится для этой роли». Гигоне прибавил: «Вы хотите быть генералом? Хорошо, оденьте форму и приходите на арену битвы». Этот незнакомец был Дюбур. Он последовал этому совету, и на следующий день в течение нескольких часов мы его видим королем Парижа.

Между тем войска со всех сторон были отеснены к Тюльери. Отряд, занимавший ратушу, решил отступить, так как у него осталось всего 40 патронов. Солдаты ушли, захватив с собой убитых и раненых товарищей. Они шли, насторожившись, и прислушивались к малейшему шуму, как бы ожидая нападения с каждой баррикады. Но их опасения не оправдались; по дороге им попадались только трупы, на которые они в темноте наступали ногами.

Маршал. ввиду победоносного шествия революции, понял всю серьезность своего положения и неоднократно настаивал в этот день, чтобы король уступил. «Теперь последний момент для вашего величества,—писал он ему,—принять меры к тому, чтобы мир был восстановлен. Теперь еще можно спасти честь короны; завтра, может быть, будет слишком поздно». Эти настоячивые предложения были встречены весьма несочувственно в С.-Клу и оставлены без всякого внимания. Убаюкиваемый князем Полиньяком, которому в эту ночь явилась во сне мать божия и советовала держаться стойко, Карл X спокойно играл в карты в то время, как в передних комнатах замка лакеи уже отчаивались в том, удастся ли подавить восстание.

Утром в четверг, 29-го июля, королевские войска были вытеснены из всех позиций в кварталах, населенных рабочим людом. и доступ им туда был отрезан многочисленными баррикадами. Мармон был с трех сторон тесно обложен победоносными повстанцами. Его войска удержали только ту часть квартала Лувра, которая ведет к Елисейским полям, и таким образом маршал сохранил связь с С.-Клу через Булонский лес. Будучи поставлен в такое безвыходное положение и потеряв надежду добиться уступок со стороны короля, Мармон считал себя вынужденным искать перемирия, в чем он вчера еще отказал депутатам. Утром 29-го июля он выпустил следующую прокламацию к парижанам: «Вчера было пролито много крови и слез. Из человеколюбия я готов приостановить военные действия в надежде, что добрые граждане Парижа вернутся к своим обычным занятиям. Я умоляю вас об этом».

Эту прокламацию нельзя было отпечатать, так как в распоряжении войск не было ни одной типографии, а потому она была распространена в переписанном виде. Как и можно было ожидать, она не произвела никакого впечатления на инсургентов. Как и накануне, рабочие стекались целыми толпами из предместий и принимались за приготовления к продолжению боя.

Редкая сцена разыгралась, между тем, в центре Парижа. Между 10 и 11 часами на *Marché des Innocents* шел человек, одетый в генеральскую форму, сопровождаемый большим числом вооруженных людей. Эварист Дюмулен, редактор „Consti-

tutionnel“, подчинившийся ордонаансам, одел этого господина в форму, купленную у старьевщика, эполеты достал ему из магазина оперы один актер. «Что это за генерал?»—спрашивали все.—«Генерал Дюбур». «Да здравствует генерал Дюбур!»—кричал народ, который никогда не слышал этого имени. Настолько велика была потребность иметь командира.

Шествие направилось в ратушу, где Дюбур занял место в качестве главнокомандующего. Первым его распоряжением было снять трехцветное знамя и на его место повесить черное. «Франция должна сохранить черный цвет,—объяснил он,—пока она не вернет обратно все свои свободы».

Таким образом в Париже оказалось 2 всеначальника. Который из них имел больше шансов удержаться за собой власть? Последняя надежда на примирение исчезла, так как во многих местах возобновились бой, и застрельщиками явились воспитанники политехнической школы. Еще утром в предместьях С.-Жака раздавался клич: «Политехники на улицу!» Они последовали этому зову и во главе многочисленной толпы направились на улицу Турнон к жандармским казармам, взяли их штурмом и запаслись оружием. Каждый политехник, получивший оружие, выкрикивал: «Кто за мной!» и сейчас же составлялись группы в 20—30—40 рабочих с политехником во главе. Ударили в барабан, и шествие тронулось в путь. Один из этих отрядов направился против поста швейцарцев на площади Фомы Аквинского, другой завладел пороховым складом близ „Jardin des Plantes“, третий, состоящий из 250 человек, двинулся против цейхгауза королевской гвардии на площади *d'Estrapade*. Молодому начальнику этого отряда удалось без боя, только убедительностью своей речи взять этот цейхгауз, и оружие было сейчас же разделено в толпе. Блестящим делом в этот день был штурм казармы на Вавилонской улице, занятой 150 швейцарцами. Здесь толпа находилась под начальством уже упомянутого политехника Шарра, который еще накануне отличался своим героизмом, и человека из народа, по имени Бенар. 45 минут продолжалась осада и, наконец, бой был решен в пользу инсургентов.—швейцарцы частью разбежались, частью были перебиты. Народная масса добыла боль-

шой запас оружия и приготовилась к новому наступлению, именно на Тюльери.

Но жребии был уже брошен, и дворец очутился в руках народа. Произошло это таким образом.

Мармон, убедившись в неудаче своей прокламации, в отчаянии решился на последнюю попытку и направился на Карусельскую площадь, чтобы приготовиться к решительному бою. В это время ему доложили, что расположенные на Вандомской площади войска братаются с народом, что их преданность королю колеблется, и можно ожидать, что они перейдут на сторону народа. Маршал тотчас же решил удалить эти войска от соприкосновения с народом, он приказал им отступить к Тюльери, а на их место послал швейцарских наемников, которые не имели среди народа ни родных, ни близких. Поэтому он приказал полковнику Сали, командиру швейцарцев, защищавших Лувр, прислать ему один из своих батальонов, а другой оставить для защиты Лувра.

Между тем оба линейных полка, 5-й и 53-й на Вандомской площади решили действительно перейти на сторону народа и выразили свою готовность стать под начальство генерала Жерара под двойным условием: 1) чтобы их не заставляли сражаться против своих товарищей, 2) чтобы не пытались их обзоружить. Когда эти условия были приняты одним офицером национальной гвардии, оба полка с большинством своих офицеров направились к дому депутата Лаффита, где, как они знали, находился генерал Жерар.

Когда Талейран, до сих пор относившийся безучастно к событиям, узнал об отпадении двух полков, он вынул часы и заметил сообщившему ему эту новость: «заметьте, что 29-го июля 1830 г., в 12 ч. 5 м., старшая линия Бурбонов перестала господствовать над Францией». Вместе с тем он выразил свою преданность новому восходящему светилу, послав своего секретаря с тайным поручением в Нейли сказать Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, что если ему на следующий день преподнесут титул «герцога-наместника», то пусть спокойно его примет,—остальное совершится само собой.

Швейцарцы были расположены в Лувре, частью во дворе, частью в самом здании, во внешних коридорах, когда полков-

ник Сали получил приказ Мармона. Только здание подвергалось обстрелу со стороны народа. Сали, желавший выставить против народа свежие войска, решил постать маршалу ба-

тальон, участвовавший в битве, а на его место расположить другой батальон свежих войск. Вместо того, чтобы сперва вы-

знать со двора батальон и затем уже послать к маршалу дру-
гой. Сати в растерянности сперва отправил последний. Народ
замечал, что огонь прекратился и что не видать больше не-
приятеля: один смелый юноша вскарабкался по трубе на крышу
и водрузил над Лувром трехцветное знамя. Некоторые борцы
прошли через оставшиеся открытыми ворота во дворец, про-
никли в залы и открыли из окон огонь по швейцарцам, нахо-
дившимся во дворе. Неустрашимые швейцарцы опешили, в их
испуганном воображении ожили ужасные, кровавые традиции,
воспоминания о 10 августа 1792 года, и они в паническом ужа-
се стремительно бросились бежать к Тюльери. Между тем на-
род разнес двери замка и наводнил Лувр, а часть бросилась
преследовать швейцарцев. Залпы следовали за залпами, народ,
воодушевленный успехом, стремительным натиском отбросил
высланных против него солдат. Швейцарцы достигли павильона
de l'Horloge, в беспорядке пробрались через него и рассеялись
по аллеям Тюльерийского сада. Их паника сообщилась распо-
ложенным здесь войскам, которые в свою очередь передали
свое настроение полкам, занимавшим площадь Людовика XV.
Растерянность и переполох были так велики, что Мармон
отчаялся остановить войска и напрягал все усилия на то, что-
бы превратить беспорядочное бегство в более или менее пра-
вильное отступление. В час пополудни над Тюльерийским
дворцом развевалось трехцветное знамя, и на трон Бурбонов
положили труп молодого борца в знак того, что народ занял
место низвергнутой монархии.

Взятием Лувра и Тюльери бой был закончен. Победа
обошлась народу в 5.300 убитых и раненых. Победители не
чувствовали себя достаточно крепкими, чтобы перенести арену
борьбы за черту города, где под ружьем находились королев-
ские войска от 10 до 12 тысяч. Уличный бой с обеих сторон
отличался умеренностью и великодушием, что указывает на
господствовавшее среди буржуазии чувство национального
единства. Никакое умышленное кровопролитие не имело места.
С пленными и ранеными, как солдаты, так и повстанцы обра-
щались не только гуманно, но и доброжелательно и самоотвер-
женно. Также не влекло за собой восстание ни грабежей, ни
умышленных разрушений. Ни дворцы, ни французский банк

сего запасами золота, ни произведения искусства Лувра ни-
сколько не пострадали в эти дни.

Теперь, после достигнутой победы, вылезти из своих грот-
ных углов и политические ночные совы, которые раньше бо-
ливо попрятались, когда исход борьбы был сомнителен. Когда
они в качестве миролюбивых граждан смешались с воору-
женным народом и настойчиво убедили его стоять оружие, то
против этого выступили другие граждане и заклинали народ
не поддаваться таким речам и не покидать поля битвы, пока не
будет достигнута полная победа. В таком духе держал к на-
роду речь на площади Шарль Дюпэн старший. Он, кажется,
был в большой ажитации и, повидимому, хотел своим бурным
присоединением к народному делу загладить свое преднее
сомнительное поведение. Также Казимир Перье, получив изве-
стие о том, что король хочет с ним беседовать, отказался с
большим высокомерием. Он прекрасно понимал, на чью сто-
рону склоняется счастье, а он всегда принадлежал сильней-
шему.

До полудня восстанию не хватало высшего руководства,
какого-нибудь признанного авторитета. Только в ратуше Дю-
бур проявлял свою власть в своей генеральской форме, в шля-
пе с пером. Он объявил себя комендантом ратуши и до извест-
ной степени выполнял эти обязанности. Другие неизвестные
лица объявили себя временным правительством. Оно подписало
несколько указов и распределило между собою государствен-
ные должности. Наряду с некоторыми молодыми людьми, по-
истинными беззаветной преданности и героической смелости, подви-
зались честолюбивые авантюристы, вся храбрость которых вы-
ражалась в непонимании встречаемых препятствий и непод-
ражаемой кичливости. Их господство было кратковременно и
заклучалось в нескольких забавных сценах. В зате Saint-
Jean они мирно заседали и товарищески делили между собой
власть над Францией. Постоянно приходили просители и пре-
клонялись перед мощью властелинов Франции. Таким обра-
зом, в эту замечательную революцию на протяжении несколь-
ких дней и даже часов проявилась в самых различных формах
человеческая природа: героизм и мелочность, мужественная
страстность и кичливость, величие и ничтожество, словом, ска-

зался весь человек со всеми своими темными и светлыми сторонами.

До сих пор признанные представители буржуазии, либеральные депутаты, почти никакого участия не принимали в событиях. На назначенное в этот день 7-е собрание у Лаффита явилось $\frac{1}{2}$ дюжины депутатов, и то только в 9 часов, спустя 3 часа после назначенного срока. Чем больше приближался решительный момент, тем более колебались депутаты; они боялись высказаться за то или иное решение, чтоб не взять на себя ответственности за дело, которое в близком будущем может провалиться.

Около полудня число депутатов, наконец, достигло едва 25 человек. Сам Лаффит, раненый в ногу, лежал в креслах. Выслушивались различные предположения и отклонялись одно за другим, когда получилось известие, что 2 линейных полка на Вандомской площади отказались повиноваться маршалу Мармону и решили стать под начальство ген. Жерара. Это произвело потрясающее впечатление, нерешительность моментально исчезла. Когда тут же явился Лафайет и сообщил, что со всех сторон ему предлагают стать во главе национальной гвардии и что он не считает себя в праве отклонить это предложение, то эта мысль встретила общее одобрение. Наряду с этим человеком, который получил свою власть из рук народа, депутаты выбрали из своей среды Жерара, в качестве главнокомандующего всеми войсками Парижа.

Оба генерала удалились для того, чтобы вступить в управление своих обязанностей; в это время пришли офицеры отложившихся полков, чтобы заявить от своего имени и от имени войска об их готовности подчиняться распоряжениям депутатов. Настроение депутатов приподнялось до крайних пределов, как вдруг под окнами раздался сильный залп. Перепуганные депутаты повскакали со своих мест и из окон увидели, что вся улица запержена солдатами. Поднялся невообразимый переполох. «Измена! Нас хотят арестовать! Спасайся, кто может!» — раздавались дикие крики. Должно быть, королевская гвардия победила, и враг теперь наступает: все бросились бежать. Депутаты толкались, напирая друг на друга, некоторые выскочили из окон в сад, а двух нашли запер-

тавшимися в конюшне. В один миг Лаффит был покинут в своих креслах, около него остался только один племянник. Жена его упала в обморок. Сам Лаффит, спокойный и невозмутимый, воспользовался этим переполохом, чтобы при помощи племянника перевязать свою рану. Что же случилось в действительности? Это два отложившихся полка явились к дому Лаффита, чтобы приветствовать своего нового командира, и, чтобы успокоить народ и вместе с тем выразить свое миролюбивое настроение, они дали залп в воздух. В это время Лафайет направился в ратушу, в этот Тюльери французского народа. Тесным кольцом окружила толпа любимого оппозиционера и поднимала на руках, чтобы помочь перебраться через баррикады. Поддерживаемый с одной стороны депутатом Карбонелем, а с другой Одри де-Пюйраво, он с улыбкой принимал народные овации, так живо напоминавшие ему его молодость.

Собравшаяся на Гревской площади толпа разразилась громкими криками радости и дала залп в воздух, когда Лафайет вступил на крыльцо ратуши. Мнимый генерал Дюбур вышел навстречу старому генералу, почтительно преклонился перед ним, и час спустя Лафайет сделался господином Франции.

Когда депутаты в доме Лаффита несколько оправались от испуга, они опять собрались и передали избранным военачальникам также гражданскую власть. Депутаты колебались между двумя проектами: предложением Могэна выбрать временное правительство и предложением Гизо назначить только муниципальную комиссию для Парижа. Последний проект одержал верх, так как для этого требовалось меньше гражданского мужества, и этот проект в сущности ничего не решал. Выбор пал на Казимира Перье, генерала Лобо, Шюнена и Одри де-Пюйраво, которые, согласно полученным полномочиям, кооптировали Могэна. Едва собралась эта муниципальная комиссия, как она сейчас же опубликовала следующую прокламацию, ясно указывавшую на то, какое недоверие питали представители буржуазии к народу:

«Присутствовавшие в Париже депутаты *вынуждены* были собраться, чтобы устранить серьезную опасность, *грозившую* собственности и личности французов. За неимением планомер-

особенности финансовой аристократии. Сознание общей опасности заставило представителей крупной буржуазии собраться в салоне Лаффита; а их испуганному воображению казалось, что их дома уже разрушены и разграблены. Удивленные силой, проявленной народом, они меньше всего думали о его душевном величии и героизме, которые с такой яркостью развернулись перед глазами удивленного мира в эти июльские дни, в эту так называемую «великую неделю».

Состоявшееся в первый момент торжества братское объединение буржуазии и народа продолжалось только несколько часов. Уже вечером 29-го июля буржуазия с оружием в руках охраняла свое имущество, которому никто не угрожал. Нежные чувства буржуазии, использовавшей в своих интересах народную победу, вскоре превратились в чувство недоверия, к которому примешивался страх перед возможностью возвращения королевских войск. Везде можно было встретить посты национальной гвардии. Их патрули расхаживали по городу по всем направлениям. Для того, чтобы получить возможность свободно передвигаться по городу, необходимо было знать пароли. Предпринято было много произвольных арестов. Буржуа, одетые в форму, обезоруживали рабочих и даже своих товарищей, которые с презрением отказывались одеть форму.

Появившиеся 30-го июля утренние газеты показали своим тоном и содержанием, что произведенная накануне революция не проникла еще в сознание парижан. Ни одна из оппозиционных газет не осмелилась указать на определенную политическую цель разыгравшихся событий или сделать из них определенные логические выводы. Даже „National“ соблюдал крайнюю осторожность и сдержанность. Но то, что главный редактор Тьер боялся высказать на столбцах своей газеты, то он вместе с историком Минье выразил в составленной ими прокламации. Она была отпечатана в ночь с 29-го на 30-е июля и утром 30-го июля появилась на всех улицах Парижа. Вот ее содержание:

«Карл X не может больше вернуться в Париж: по его вине была пролита народная кровь.

«Республиканская форма правления увлекла бы нас в пучину бедствия; она рассорила бы нас с Европой.

«Герцог Орлеанский предан делу революции.

«Герцог Орлеанский никогда против нас не сражался.

«Герцог Орлеанский был при Жемаппе.

«Герцог Орлеанский — буржуазный король.

«Герцог Орлеанский шел в бой с трехцветной кокардой, только герцог Орлеанский может ее носить. Мы не хотим другого.

«Герцог Орлеанский не высказывается. Он ждет нашего желания. Выскажем же наше желание, и он примет хартию так, как мы ее всегда понимали и желали. Он получит свою корону из рук французского народа».

Эта прокламация была очень ловко составлена. Имя герцога Орлеанского потому так часто повторялось, чтобы оно запало в память французского народа. Напоминая народу, который мало интересовался политическими формами, о трехцветном знамени и Жемаппе, старались возбудить национальное чувство в пользу любимца буржуазии. В заключение зывали к верховной воле народа, старая уловка политических фигляров.

Таким образом имя герцога Орлеанского дошло до народа, что дало известное направление народным желаниям и надеждам. возбужденным одержанной победой. Благодаря выставленной кандидатуре нашла себе выражение мысль о желательности перемены династии, и таким образом случилось то, что предвидел накануне Талейран: сперва стыдливое призывание герцога Луи-Филиппа на пост *Lieutenant générale du royaume* (генерал-наместник), а затем занятие освободившегося престола.

III.

Интриги из-за вакантного престола.

Карл X спохватывается слишком поздно. Пэры д'Аргу, граф Семонвиль и барон Витроль в качестве посредников в С.-Клу. Назначение герцога Мортмартского премьер-министром. Переговоры насчет избрания короля. Прокламация герцога Орлеанского. Поездка герцога Орлеанского в ратушу. Герцог Орлеанский — генерал-наместник. Тьер и живописец Ари Шеффер в качестве посредников в Нейли. Отъезд королевской фамилии из С.-Клу в Рамбулье. Презрительное обращение герцога Орлеанского с послом Карла X. Шествие парижан в Рамбулье. Карл X уезжает, и королевская чета садится на корабль в Шербурге. Парижане привозят королевские бриллианты обратно в Париж в государственных каретах. Избрание герцога Орлеанского королем Франции. Луи-Филипп присягает в верности конституции. Достопамятные факты из истории Орлеанской фамилии и нового французского короля

29-го июля после полудня маршал Мармон со своими запятанными и замученными гвардейцами явился в С.-Клу с известием, что его войска разбиты наголову.

И тогда только Карл X, непоколебимо веривший в прочность божьей милостью дарованной ему власти, понял, что положение становится угрожающим. Только теперь король стал прислушиваться к советам двух пэров, графа Семонвиля и д'Аргу, которые с самого утра настаивали на необходимости быстрой перемены министерства. В это время пришел лично близко стоявший к Карлу X роялист, барон Витроль, в качестве посредника между короной и либеральными депутатами; непременным условием мира он от имени оппозиции поставил назначение министрами находившегося в отпуску французского посланника при русском дворе герцога Мортмартского, генерала Жерара и Казимира Перье.

Герцог Мортмартский был накануне в С.-Клу, чтобы предложить свои услуги королю в качестве капитана гвардии. Он был очень знатного происхождения и немножко либерал. После совещания министров, продолжавшегося несколько часов и закончившегося отставкой министерства Полиньяка, Карл X пригласил его к себе и объявил ему, что назначает его премьер-министром. Герцог старался уклониться, ссылаясь на неспособность и отвращение к общественной деятельности, а также на нужду в покое. Карл X настаивал на своем и, в конце концов, воскликнул: «Вы, значит, отказываетесь спасти жизнь мне и моим министрам?» «Если ваше величество этого требует...» — «Да, безусловно», прервал его король и порывисто воскликнул: «Я должен еще почесть за счастье, что мне только вас навязывают».

Витроль, Семонвиль и д'Аргу были уполномочены распространить есть о перемене министерства по Парижу и этой уступкой добиться мира между королем и народом. Было 8 часов вечера, когда они, наконец, перешагнув через много баррикад, добрались до ратуши. Муниципальная комиссия сейчас же приняла послов короля. Семонвиль передал поручение короля, но на вопрос Могэна, имеет ли он письменные полномочия, дал отрицательный ответ. Казимир Перье был готов пойти на переговоры, но Одри де-Нюрайво, возмущенный этим, в бешенстве вскочил с места и, открыв окно, крикнул: «Оставьте эти переговоры, или я призову сюда народ».

Казимир Перье незаметно дал им знак отправиться к Лаффиту, чтобы там сделать последнюю попытку спасти короля, и они удалились.

Граф д'Аргу один пошел к Лаффиту. Там опять собрались депутаты, в том числе и Тьер, который во время восстания скрывался в деревнях, а теперь, после окончательного поражения войск, вернулся обратно в Париж. Тьер высказался против какого бы то ни было соглашения с королем, в том же духе говорил и Лаффит. Окна были открыты и в переднем дворе толпились вооруженные люди. Один из них резким движением открыл дверь залы, ударил прикладом по полу и крикнул: «Кто смеет здесь говорить о переговорах с Карлом X!» «Не нужно

нам больше никаких Бурбонов!» раздалось в это время со двора. Граф д'Аргу удалился. Дело Карла X было потеряно.

Поздно ночью с 29-го на 30-е вернулись обратно в С.-Клу королевские гонцы. Карл X, назначив на словах герцога Мортмартского первым министром и кончив свою игру в винт, отправился спать. Новый премьер-министр познакомился с положением дел в Париже и занялся вместе с посланниками короля составлением королевских указов, которые должны были при помощи уступок связать Карла X с населением. Первый указ извещал о назначении герцога Мортмартского министром иностранных дел, Жерара—военным и Казимира Перье—финансов. Второй указ отменял ордонансы, третий—восстанавливал распущенную три года тому назад национальную гвардию.

Теперь оставалось только получить подпись короля, но дворцовая прислуга отказалась его будить. После долгих колебаний один камердинер отправился в королевскую спальню. Король принял герцога Мортмартского и Витроля в постели, спокойно выслушал доклад о политическом положении Франции и отказался подписать эти декреты; он только тогда согласился дать свою подпись, когда ему дали понять, что и без его согласия национальная гвардия уже восстановлена и ордонансы потеряли всякую силу.

С рассветом 30-го июля герцог Мортмартский направился в Париж. Но дофин, герцог Ангулемский, который был против всяких уступок, под страхом смерти запретил начальникам передовых постов пропускать кого бы то ни было из С.-Клу через цепь солдат в город. Этот приказ был применен к новому министру, и только после больших усилий ему удалось добиться разрешения проследовать дальше. После долгих скитаний по Булонскому лесу, при чем ему приходилось перелезать через стену, в которой контрабандисты сделали брешь, покрытый потом и пылью, без галстука, без сюртука, премьер-министр, наконец, добрался до города, где ему предстояло разыграть роль представителя короля.

Он явился слишком поздно. Тьер, один из самых деятельных приверженцев кандидатуры герцога Орлеанского, направился вместе с живописцем Ари Шеффером в Нейли, в виллу Орлеанской семьи, чтобы побудить герцога лично явиться в

Париж и принять активное участие в событиях. За отсутствием герцога они оба были приняты его сестрой и супругой. Последняя высказалась против предложения Тьера, ссылаясь на тяжелое положение королевской семьи. Первая, которая лучше знала Луи-Филиппа, согласилась с Тьером и обещала повлиять на брата. Тьер, которому, как он потом рассказывал, сама принцесса принесла стакан воды, вернулся в Париж, восхищенный оказанным ему любезным приемом.

Герцогу Мортмартскому не удалось опубликовать принесенные им из С.-Клу королевские декреты, потому что ни «Монитор», ни какая-нибудь другая типография не согласилась напечатать их. Также не удалась его попытка приступить к отправлению своих обязанностей министра при помощи созданных в Люксембургском дворце пэров Франции. Они его отослали к палате депутатов и муниципальной комиссии. Так как он совершенно выбился из сил из-за этих хлопот, то его заменил барон Сюсси, член палаты пэров, который вместо него отправился в Бурбонский дворец, где, согласно принятому накануне решению у Лаффита, должно было состояться собрание депутатов, и в ратушу, где заседала муниципальная комиссия.

Тьер уже сообщил палате депутатов об успехе его визита в Нейли, и было решено послать делегацию с Лаффитом во главе к герцогу Орлеанскому с настоятельной просьбой приехать в Париж и взять на себя обязанность генерал-наместника. Поэтому, когда Сюсси явился с королевскими декретами, то Лаффит отказался принять их. Не лучший прием он встретил и в ратуше, где заседала муниципальная комиссия.

Последняя дала ему довольно ясно понять, что события последних трех дней делают совершенно излишними всякие переговоры о законопроектах Карла X. После того, как пэры тоже присоединились к решению депутатов призвать герцога Орлеанского, герцогу Мортмартскому ничего другого не оставалось делать, как согласиться с этим мнением.

В тот же вечер герцог Мортмартский получил поручение от герцога Орлеанского. Последний пришел пешком в Париж в 11 час. вечера в штатском платье, в сопровождении только 3-х лиц. Сейчас же по приходе в Пале-Рояль он поручил Лаффиту выразить свое почтение Лафайету и пригласить герцога Морт-

мартского. Тот немедленно явился к нему, и Луи-Филипп поспешил выразить свою преданность старшей ветви Бурбонов. Он клялся, что пришел в Париж исключительно с целью предупредить анархию в городе. Он, дескать, скорее наложит на себя руки, чем посягнет на французскую корону. Затем он написал письмо Карлу X и, запечатав его, передал министру, который спрятал его в складках своего галстука ¹⁾.

31-го июля в 8 ч. утра делегация палаты депутатов пришла в Пале-Рояль. Явился герцог. Делегация изложила ему о цели своего прихода, он медлил ответом. Он знал, что Карл X находится только в нескольких милях от Парижа (королевская фамилия накануне вечером покинула С.-Клу, где она считала себя в опасности, и под защитой отряда лейб-гвардейцев уехала в Трианон), что официально не упраздненный еще трон располагает армией в 12.000 чел., и что он, герцог, пока выбран маленькой партией, не будучи совершенно популярен в народе. Луи-Филипп колебался: с одной стороны, он боялся слишком рано принять корону, с другой стороны—он считал неудобным отказаться. Он попросил несколько времени на размышление. Некоторые депутаты, не подозревая о причинах его нерешительности, начали ему доказывать, желая оказать ему любезность, что его медлительность может способствовать торжеству республики, а это несомненно подвергнет опасности благосостояние страны. Упрек, который принцу должен был доставить больше удовольствия, чем грубая лесть. В конце концов Луи-Филипп сделал вид, что он дал себя убедить, ушел в кабинет и вернулся оттуда с прокламацией следующего содержания:

«Жители Парижа!

Находящиеся в настоящее время в Париже депутаты выразили желание, чтобы я явился в Париж и принял должность «генерал-наместника».

¹⁾ Так гласит версия приверженцев старшей линии Бурбонов—«легитимистов», которую энергично опровергают орлеанисты. Подозрительным кажется то, что это письмо нельзя было представлять. Объясняют это тем, что, дескать, на следующий день Луи-Филипп взял обратно это письмо, но это далеко еще не выясняет вопроса. Несомненно только, что Луи-Филипп вообще играл в эти дни очень двусмысленную роль.

Я, не задумываясь, решился разделить ваши опасности, слившись с героическим населением столицы, и я буду напирать все свои силы, чтобы предупредить гражданскую войну и анархию. Я вступил в Париж, неся гордо знамя, которое вы вновь водрузили. Я и раньше был ему верен.

Палаты вскоре соберутся и примут меры к тому, чтобы установить законность в стране и обеспечить за народом его права.

Хартией на будущее время будет сама истина.

Луи-Филипп Орлеанский».

Эта прокламация была одобрена всеми делегатами, за исключением Берара, и была прочитана в палате при шумных рукоплесканиях. На широкую массу она никакого впечатления не произвела. Ратуша, главная квартира революции, была сборным пунктом вооруженных инсургентов, их совершенно не удовлетворили громкие, неопределенные фразы этой прокламации. Муниципальная комиссия, окруженная озлобленной толпой, старалась успокоить умы и с своей стороны выпустила прокламацию, которая начиналась словами: «Карл X перестал господствовать во Франции», и заканчивалась уверением, что решающий голос относительно будущей конституции и формы правления будет предоставлен народу.

О герцоге Орлеанском совсем не упоминалось в этой прокламации; хотя муниципальная комиссия и не отвергла его кандидатуры, но она не обратила на нее никакого внимания. Это поставило в неприятное положение как герцога, так и услужливого Тьера и депутатов, вызвавших герцога в Париж.

Власть в ратуше фактически принадлежала не муниципальной комиссии, а Лафайету, не столько в силу занимаемой им должности главнокомандующего, сколько благодаря его имени, пользовавшемуся большой популярностью со времени великой революции. И с того момента, как он вступил в исполнение своих обязанностей в ратуше, его осаждали представители орлеанистской партии, стараясь расположить его в свою пользу. Главным оратором среди них был молодой адвокат Одилон Барро, которого навязал муниципальной комиссии Лаффит в качестве секретаря. Слабого Лафайета, несмотря на его симпа-

ти к республике, не трудно было склонить в пользу Луи-Филиппа. Таким образом, с его согласия было решено, чтобы Луи-Филипп отправился в ратушу и там получил санкцию на свое избрание генерал-наместником.

Около полудня герцог и депутаты тронулись в путь. При выходе из Пале-Рояля он был встречен криками одобрения. Герцог ехал верхом впереди Лаффита, которого савояры несли на носилках. На Карусельской площади крики умолкли. Чем дальше они подвигались по набережной, тем серьезнее и сдержаннее становилось настроение народа. Герцог медленнее пробирался через баррикады, подавляя волнение. На карту был поставлен вопрос о короне. Гревская площадь была запружена народом и везде можно было встретить удивленные, вопрошающие лица. У главного подъезда ратуши августейшего гостя встретил Лафайет с утонченной любезностью джентльмена, которому, как представителю самодержавного народа, доставляет огромное удовольствие оказывать знаки уважения принцу крови. Они вдвоем вошли в большую залу, где собрался генеральный штаб. Один из депутатов прочел составленную Гизо и одобренную депутатами программу нового правительства. Она заключала: восстановление национальной гвардии, участие граждан в местном управлении, распространение суда присяжных на преступления печати, закон об ответственности министров, определение законом нормального состава армии, новые выборы для депутатов, занимающих общественные должности. Когда депутат прочел: «Суд присяжных для преступлений печати», герцог наклонился к Лафайету и вполголоса сказал ему: «Больше не будет преступлений печати». Когда чтение было закончено, герцог произнес, положив руку на сердце, при данных обстоятельствах весьма двусмысленные слова: «Как француз, я оплакиваю то зло, какое было причинено стране, и невинно пролитую кровь; как принц, я счастлив тем, что могу содействовать благоденствию народа».

Тогда выступил генерал Дюбур и сказал, указывая рукой на площадь, переполненную вооруженным народом: «Вам известны наши права; если вы о них забудете, мы заставим вас вспомнить о них». Ободренный расположением Лафайета герцог ответил народному генералу с большой твердостью, что

он, дескать, возмущен недоверчивым отношением к его патриотизму. В это время принесли трехцветное знамя. Рука об руку с Лафайетом со знаменем в руке герцог Орлеанский подошел к открытому окну и показался народу. Последний крикнул: «Да здравствует Лафайет!» Но когда «герой старого и нового света» на глазах у всех обнял герцога Орлеанского, толпа закричала: «да здравствует герцог Орлеанский!» Он был, таким образом, признан революцией и вернулся в Пале-Рояль в качестве генерал-наместника. Роль народа кончилась, началось господство буржуазии.

Три человека из различных побуждений способствовали жалкому исходу этой славной революции: банкир *Лаффит* из легкомыслия и в силу классовых интересов буржуазии, *Лафайет*, «дурень старого и нового света», как его называл Наполеон, по слабости и недомыслию; пронырливый журналист и карьерист *Тьер*, ученик Талейрана, из ненависти к народу, подавление которого он считал необходимым в интересах своего класса—буржуазии.

Муниципальной комиссии, которая существовала только для видимости, при данных обстоятельствах ничего не осталось делать, как самой распустить себя. Но прежде чем упраздниться, она считала своим долгом позаботиться об управлении государством и назначила временное правительство. Дюпон де л'Эр сделался министром юстиции, барон Луи—финансов, генерал Жерар—военным, адмирал Риньи—морским, Биньон—иностранных дел, Гизо—министром народного просвещения. Портфель министра внутренних дел был предложен Казимиру Перье. Последний, будучи огорошен этим предложением, сперва его принял, но потом, спохватившись, отказался: вчера только он был назначен министром Карла X, а сегодня он делается министром революции против этого монарха. Он так настойчиво и умоляюще просил, чтобы его имя вообще не было упомянуто в списке новых министров, что редакция «Монитера», наконец, согласилась вычеркнуть его имя и заменить его либеральным пером, герцогом Брولли. Герцог Орлеанский без долгих размышлений утвердил этот список, составленный муниципальной комиссией.

31-го июля в 5 час. утра Карл X вместе с герцогиней Беррийской и ее детьми прибыл в Трианон. Дофин (наследник), герцог Ангулемский, остался в С.-Клу и старался воодушевить войска для борьбы против парижан. Когда же на Севрском мосту он хотел напасть на инсургентов, расположившихся в конце моста, войска отказались повиноваться его приказу. Обескураженный этим неожиданным оборотом дела, он приказал войску отступить к Версалию.

Между тем там королевская фамилия, вследствие враждебного настроения версальцев, делала приготовления к отъезду в Рамбулье, куда она и прибыла в полночь. Туда же прибыла из курорта Виши жена дофина, дочь Людовика XVI, переодетая крестьянкой. Произошла трогательная встреча. Много слез было пролито при этом. Тяжелое настроение усилено было тем, что королю пришлось продать серебряную утварь замка для того, чтобы иметь возможность накормить оставшуюся ему верной дворцовую стражу, а герцогиня Ангулемская не имела ни платья, ни свежего белья. К тому же голодные солдаты истребили в королевском саду массу дичи, что причинило Карлу X больше страданий, чем все события предшествующих дней.

В этом критическом положении Карл X, плохо осведомленный о том, что происходит в Париже, написал своему двоюродному брату, герцогу Орлеанскому, следующее письмо:

«Король, желая положить конец волнениям в столице и других частях государства и рассчитывая на преданность своего кузена, герцога Орлеанского, назначает его генерал-наместником.

«Король считает за благо отменить ордонансы 25-го июля, он назначает заседание палаты депутатов на 3-е августа и надеется, что она восстановит спокойствие в стране.

«Король будет ждать возвращения лица, которому поручено сообщить в Париже это заявление.

«Если жизни короля и его семье будет угрожать опасность, он будет защищаться до последней капли крови.

«Издан в Рамбулье 1-го августа 1830 года.

Карл».

Посол с этим письмом явился в Пале-Рояль 2-го августа в 7 часов утра. Герцог Орлеанский ответил письмом, которое

растрогалю до слез старого монарха. Оно было написано очень сердечно и полно уверениями в верности. Карл X отбросил окончательно недоверие, которое он раньше питал к своему кузену. Так как в лояльности герцога Орлеанского он видел лучшие гарантии для королевских прерогатив своего десятилетнего внука, герцога Бордосского, то он решил не только сам отказаться от престола, но и склонить также к этому бездетного герцога Ангулемского. Они оба известили письмом герцога Орлеанского, чтобы он провозгласил десятилетнего сына герцогини Беррийской под именем Генриха V королем Франции, а ввиду малолетства короля, чтобы он выполнял обязанности регента. Передать это письмо герцогу было поручено генералу Латур-Фуассак. Генерал должен был сделать это в тот же день.

С самого раннего утра поспешили на аудиенцию в Пале-Рояль все те, которые были заинтересованы в том, чтобы поправиться новому властелину. Лаффит, которого пригласил к себе Луи-Филипп, застал в Пале-Рояле Казимира Перье, Брольи, Гизо, Тьера, Дюпэна старшего, Себастьяни, Молэ и Жерара. После общего разговора, рассчитанного на то, чтобы видимой скромностью подготовить успех внезапного возвышения, герцог Орлеанский с таинственным видом сообщил, что Карл X назначил его генерал-наместником и прибавил, что этим хотят его скомпрометировать, он в этом ясно видит козни старшей линии.

Затем Луи-Филипп принял депутацию от муниципальной комиссии с Лафайетом во главе; таким образом, все власти революции оказались в его руках. Заранее осведомленный об ее приходе, герцог благодарил делегацию за оказанный ею патриотизм, принял отставку комиссии, как революционного комитета, и просил ее временно впредь до дальнейших распоряжений продолжать свою деятельность.

Так прошел день. Вечером пришел в Пале-Рояль генерал Латур-Фуассак с поручением короля и дофина. Он потребовал, чтобы его сейчас же допустили к герцогу. Адъютант, который несомненно получил заранее соответствующие приказания, отказался доложить герцогу о приходе королевского посла и заметил генералу, что ему придется обождать до следующего

дня, когда состоится заседание палаты. Генерал заключил из этого разговора, что Луи-Филипп уже знает через своих агентов содержание письма и хочет уклониться от ответа. Он поэтому разыскал герцога Мортмартского, который и согласился передать письмо и помочь генералу добиться свидания с Луи-Филиппом. Первое удалось. Герцог прочел письмо, но решительно отказался принять королевского посла.

Король находился в Рамбулье во главе 12-титысячной армии. Можно было опасаться, что герцогиня Беррийская, как она еще предполагала в С.-Клу, явится вместе с сыном в Париж и будет апеллировать к великодушию парижского населения. Необходимо было, во что бы то ни стало, предупредить такой шаг и заставить Карла X уехать. Поэтому Луи-Филипп сделал все приготовления к тому, чтобы посадить на корабль королевскую семью и изгнать ее из пределов Франции. Генерал Гюло был послан в Шербург и получил начальство над 4 департаментами, расположенными между Парижем и гаванью.

Комиссары герцога Орлеанского, посланные в Рамбулье 2-го августа в послеобеденное время, чтобы побудить Карла X к отъезду из Франции, не были к нему допущены, потому что наступил уже вечер. Они отклонили гостеприимное предложение переночевать в замке, поспешно вернулись в Париж и с наступлением утра сделали доклад герцогу. «Он должен уехать, он должен непременно уехать!»—воскликнул Луи-Филипп. Так как увещания, повидимому, не действовали на короля, то решили грозной демонстрацией заставить его решиться на отъезд. 3-го августа до полудня по улицам Парижа бегали люди и кричали: «Карл X угрожает Парижу! В Рамбулье!». Как во времена величайшей опасности заиграли генеральный марш, и парижане тронулись в путь. Идея революционной процессии понравилась живой фантазии парижан; она казалась им вместе с тем и патриотическим делом и увеселительной прогулкой. Хитрые политики Пале-Рояля, рассчитавшие на впечатлительность парижан, были вдвойне довольны: 1) это шествие должно было изгнать Карла X из Франции, 2) оно удалило все революционные элементы из Парижа.

Было очевидно, что если дело дойдет до открытого столкновения с хорошо дисциплинированными войсками в Рамбулье,

то парижане будут разбиты наголову, поэтому руководить этой демонстрацией поручено было генералу Пажолю, которому в Пале-Рояле не доверяли и хотели воспользоваться случаем от него отделаться. Это понял и Лафайет, поэтому он не только поставил под начальство Пажоля по 500 чел. из каждого легиона национальной гвардии, но приказал национальной гвардии Арра и Амьена немедленно двинуться на помощь парижанам в Рамбулье.

Таким образом, тысячи народа предприняли 3-го августа после полудня поход в 15 часов пути без руководства, без пищи, без денег—в местность, истощенную королевскими войсками. Кареты, omnibusы, кабриолеты, телеги всевозможных видов были добыты, чтобы ускорить отправку парижан в Рамбулье.

В это время герцог Орлеанский открыл соединенное заседание обеих палат. Это был день, в который должны были собраться палаты по приказанию Карла X. Когда герцог вошел в залу, раздалось ликование, какое обыкновенно имеет место при вступлении на престол какого-нибудь монарха. Герцог торжественно объявил об отречении Карла X и дофина, о причинах которого он дипломатически умолчал.

Поздно вечером парижане, усталые, изголодавшиеся и в страшном беспорядке добрались до места, отстоявшего за $\frac{3}{4}$ мили от Рамбулье. Здесь они должны были получить 6.000 порций хлеба, которые обязалась доставить префектура Версаля, но на деле ничего не оказалось. Генерал Эксцельман поручил молодому энергичному Шарра расследовать причины этого замедления. Шарра нашел префекта в постели, это было в час полуночи. «Ваше место,—сказал ему Шарра,—не в постели, а там, где изготовляются порции. Мне приказано в случае, если в 4 часа утра телеги не будут уже в пути, вас застрелить». При слове *застрелить* префект быстро вскочил с постели и обещался, что телеги с провиантом через час двинутся в Рамбулье. «Я буду ждать и сам проверю это»,—ответил ему Шарра строгим тоном.

Но в Рамбулье дело не дошло до боя. Карл X, потерявший голову от пережитых за последние дни волнений, уже в 11 часов вечера приказал войску и двору тронуться в путь. Прибыв

14-го августа Шербурга, где эскорт с трудом защитил свергнутого короля от взрыва народной ярости. В Шербурге Карл X со своей свитой сел на американский корабль „Dread Britain“ и через 3 дня высадился на остров Виг; в Портсмуте высадка была не безопасна вследствие враждебного отношения населения.

Таким образом, со страниц французской истории исчез род Капетингов, одна из самых отвратительных разновидностей коронованных хищников.

Главная масса парижской экспедиционной армии, узнав о бегстве Карла X и королевских войск, направилась утром 4-го августа в Рамбулье. Во дворе замка они нашли королевские экипажи и запечатанный ящик, в котором находились королевские бриллианты стоимостью около 80 миллионов. Решено было этот ящик сейчас же отправить в Париж. Дегузе взял на себя эту неблагодарную при данных обстоятельствах задачу.

Опасаясь, как бы королевские экипажи не были разрушены по дороге в город, он распорядился поместить в них парижан для обратного следования в столицу. Скоро экипажи, украшенные королевскими гербами, наполнились народом; из окон карет торчали пик и штыки. Когда появилась карета, над которой развевалось маленькое трехцветное знамя с надписью: «Бриллианты короля», был дан сигнал к отъезду. План Дегузе удался как нельзя лучше.

Таким образом, пролетарии доставили в Париж великолепные экипажи и коронные бриллианты. Они сошли во дворе Пале-Рояля, и под окнами герцога Орлеанского раздались крики: «Вот вам ваши кареты».

Герцогиню это зрелище сильно перепугало, напомнив ей о сценах из эпохи великой революции, но герцог овладел собой и все время милостиво улыбался. Карл X бежал, оставив вакантный престол. Еще несколько пустых формальностей, и герцог-наместник сделается королем. Генерал Берар взял на себя предложить своим товарищам провозгласить—и немедленно—герцога Орлеанского французским королем. 7-го августа этот вопрос был поставлен на голосование в палате, при чем поименное голосование было заблаговременно отклонено. Из 252 голосов 219 были «за», 33 «против». Лаффит в сопровождении

многочисленных товарищей направился в Пале-Рояль, чтобы доложить герцогу об избрании его королем.

Таким образом, в несколько часов 219 депутатов изменили конституцию, свергли одну династию и возвели на престол другую. И все это было совершено во имя *народовластия*.

7-го августа собралась палата пэров и присоединилась к решению палаты депутатов.

Теперь оставалось только подыскать соответствующую форму для принятия короны Луи-Филиппом. В понедельник, 9-го августа, все было приготовлено к так называемому королевскому заседанию. В Бурбонском дворце был поставлен трон, украшенный трехцветными знаменами под сенью балдахина из ярко-красного бархата. Герцог вошел при звуках марсельезы и грома пушек из дома инвалидов. Казимир Перье, президент палаты депутатов, прочел решение обеих палат. Герцог Орлеанский принял его без всяких оговорок, выразив готовность присягнуть в верности этому решению. Седовласый Дюпон де л'Эр прочел следующую формулу присяги:

«Перед лицом Творца моего я клянусь строго соблюдать конституционную хартию, управлять согласно закону, справедливо воздавать всякому по его заслугам и во всех делах руководствоваться только интересами французского народа».

Кто же этот человек, которого 219 депутатов в такое короткое время навязали французскому народу в короли? Чтобы понять значение этого вопроса, необходимо бросить беглый взгляд на историю орлеанистской фамилии.

Родоначальником этой фамилии был второй сын Людовика XIII и Анны Австрийской, родившийся в 1640 г. В политическом отношении он представлял собою нуль, но он получил от своего брата Людовика XIV три имения, выделенных по приказанию короля из государственных доменов. Эти имения составляли ему 1.100.000 ливров годового дохода, в то время, как несчастные крестьяне, из которых выколачивались эти доходы, платились хлебом из папоротника и травы.

Его сын, Филипп, родившийся в 1674 г., женился на де-Блуа, дочери Людовика XIV и куртизанки Монтеспан. Людовик XIV скрасил этот «mesalliance» (неравный по происхождению брак) тем, что предоставил юной чете $\frac{1}{30}$ всех госу-

дарственных доходов. После смерти Людовика XIV Филипп, благодаря государственному перевороту, стоившему ему много денег, сделался регентом и господствовал в стране с абсолютной властью до самой своей смерти, последовавшей в 1723 г.

Сын и внук регента не играли никакой политической роли и ограничились только тем, что увеличили свои богатства королевскими подарками.

В этом отношении превзошел всех своих предшественников Луи-Филипп Egalité (Равенство)¹⁾, родившийся в 1747 г. и казненный в 1793 г. Он женился на Паятьевр, единственной наследнице всех огромных богатств, которыми Людовик XIV оделил других двух своих побочных детей, герцога Мэна и графа Тулузского, также сыновей Монтеспан. Можно сказать, что большей частью своего имущества герцог Орлеанский был обязан подаркам, сделанным Людовиком XIV на счет государства куртизанке Монтеспан. Это имущество уже в 1789 г. оценивалось в 200 миллионов с ежегодной рентой в 8.397.328 франков. Роль, которую играл в революции Филипп Эгалите, известна. В качестве члена конвента он высказался за казнь своего двоюродного брата Людовика XVI. Измена генерала Дюмуре, с которым он поддерживал сношения, привела его самого на скамью подсудимых перед революционным трибуналом и на эшафот. В тот же день был осужден один слесарь, по имени Лебрусс, и должен был проследовать вместе с ним на одной колеснице на место казни. Человек из народа выразил против этого энергичный протест. «Действительно,—сказал он,—я осужден на смерть, но трибунал не присудил меня следовать на место казни в обществе да еще на одной колеснице с этим орлеанским мерзавцем». Пришлось употребить силу, чтобы заставить сесть на общую колесницу плебея, полагавшего, что кровь герцога осквернит эшафот.

Новый французский король имел довольно богатое прошлое. Он родился в 1773 г., был старшим сыном Филиппа Эгалите. В молодости он носил титул герцога Шартрского и вступил в якобинский клуб, где согласно уставу в течение месяца вы-

¹⁾ Так он назвал себя во время Великой революции, желая расположить в свою пользу революционно настроенных парижан.

полнял обязанности педеля. Затем он был произведен в полковники, командуя драгунским полком, отличился в сражениях при Вальми и Жемаппе, что дало возможность его льстивым биографам сильно преувеличить его заслуги. Когда заговор Дюмуре, направленный к тому, чтобы низвергнуть конвент и возвести на королевский престол молодого герцога Шартрского, был раскрыт, Луи-Филипп бежал в австрийский лагерь и таким образом избег участия своего отца. Опасаясь ненависти якобинцев и мести эмигрантов, он, скрываясь под чужим именем, сделался учителем в латинской школе в Рейхенау (кантон Граубинден). Между тем, как французские революционные войска одерживали одну победу за другой, его имя было позабыто и выплыло лишь тогда, когда Дюмуре из Англии старался расположить руководителя роялистских банд Шарета в пользу своего любимца. Шарет с солдатской грубостью ответил: «мой дорогой Дюмуре, скажите сыну граф-данина Эгалите, qu'il aille se faire foutre». После падения Робеспьера Луи-Филипп вздохнул свободнее, но он был открыт, должен был искать убежища в Италии, а так как преследования со стороны директории продолжались и там, то он вынужден был переселиться в Америку. В 1800 г. он вернулся в Европу и из Лондона послал вместе со своими двумя братьями верноподданнический адрес «своему законному повелителю Людовику XVIII» и просил прощения. Милостиво принятый обратно в королевскую семью, он после смерти своих братьев отправился в Сицилию, и там сделался зятем знаменитого неаполитанского Бурбона Фердинанда.

Вместе с Бурбонами в сопровождении неприятельских армий Луи-Филипп вернулся в Париж. В феврале 1814 г. он написал Людовику XVIII напыщенное письмо, в котором он выражал сожаление, что тот не дал ему возможности вступить на службу к союзникам, чтобы помочь очистить путь своему королю в Париж. Этот лойяльный образ мыслей так растрогал Людовика XVIII, что он королевским указом вернул ему его владения, конфискованные республикой и находившиеся в распоряжении государства. Но герцог этим не удовлетворился, он требовал судом национальные имущества, принадлежавшие раньше его отцу. Он подал гражданский иск против управле-

государственных доменов, города Парижа и 300 общин Бретани, чем он оспаривал права 30.000 маленьких состояний, купленных при республике.

Во время ста дней он благоразумно уклонился от присоединения к королю, несмотря на то, что последний на этом настаивал. В военных кругах уже поговаривали о том, что единственным исходом из критического положения, созданного Бурбонами, является возведение на престол Луи-Филиппа, поэтому он не хотел связывать себе руки и предпочитал, оставаясь в Англии, занимать выжидательную позицию. После нашествия Наполеона, он вернулся в Париж и, чтобы рассеять недоверие короля, он в 1816 г. выпустил манифест к французскому народу, в котором легитимизм признает единственной гарантией европейского мира, отвергает лично всякую мысль об узурпации и призывает своих введенных в заблуждение приверженцев последовать его примеру и сделаться верноподданными Людовика XVIII и его законных наследников. Приверженцы Луи-Филиппа не придавали серьезного значения этому манифесту. По крайней мере он не помешал заговорам генерала Друз д'Эрлон в Лионе и адвоката Дидье в Гренобле, которые действительно имели целью возвести на французский престол младшую линию вместо старшей.

Начиная с этого времени, незаметно, чтобы герцог Орлеанский принимал активное участие в заговорах против Бурбонов. Он сделался покладистым гостем Тюльери и получил от Карла X титул «королевского высочества». Вместе с тем он принимал в своем дворце Пале-Рояль руководителей оппозиции. Он прекрасно понимал, что ошибки монархии ему на руку и нужно предоставить времени обостриться все разрастающийся конфликт между мертвыми принципами монархии божьей милостью и парламентским конституционным большинством буржуазии, чтобы использовать этот конфликт в своих интересах.

И когда в июльские дни над Бурбонами разразилась катастрофа, то он не считал нужным спешить в С.-Клу к Карлу X, которому он был столь многим обязан, и помочь ему словом и делом. Он остался со своей семьей в Нейли и скрылся в одном

из своих отдаленнейших охотничьих домиков, где он с нетерпением ожидал исхода борьбы.

Когда победа осталась за народом, он покинул свой укромный уголок, обманул своего дядю и в несколько дней сделался королем Франции. Таков духовный облик человека, которого Лаффит, Лафайет и Тьер навязали Франции в интересах буржуазии и для прекращения революции.

До этого времени французская революция являлась в поэтическом свете. Для революционно настроенных масс это была борьба за идеальные цели, за высшие блага человечества. Народ проливает свою кровь на баррикадах, проникнутый глубокой верой в конечное торжество свободы, равенства и братства. Во время июльской революции опять ярко вспыхнуло воодушевляющее революционное пламя 1789 г. Но когда власть перешла к буржуазии, поэтические краски поблекли, началась самая грубая житейская проза. Вместо возвышенных чувств и мыслей, воодушевлявших массу в великую эпоху революции, на исторической авансцене появилось нечто совершенно другое, на политической арене—бездушные формулы, в экономической жизни—свободная конкуренция и грубый себялюбивый расчет, прикрываемый ложью, мишурой и громкими фразами.

Более подходящего представителя своих интересов буржуазия не могла и найти. «Хартией будет на будущее время сама истина», были заключительные слова первого манифеста 31-го июля к жителям Парижа. Созванная 3-го августа палата депутатов хотела лишит корону некоторых прав, присвоенных ею согласно конституции 1814 г. Она изменила конституцию в интересах крупной буржуазии и, получив согласие палаты пэров, заставила Луи-Филиппа присягнуть в верности, этой конституционной хартии.

Во Франции существовал старинный монархический обычай, согласно которому частное имущество при восшествии на престол, благодаря «законному браку короля с государством», должно слиться с коронными доменами. Луи-Филипп накануне своего восшествия на французский престол переписал все свое имущество на имя своих детей, оставив за собой право на пользование доходами. Поэтому он удовлетворился сражни-

тельно небольшим гражданским листом, который Лаффит по соглашению с ним и составил. Этот лист сначала исчислялся в 18 миллионов франков, потом в 12 миллионов и служил предметом постоянных дразг между палатой депутатов и правительством.

После июльской революции изменился титул короля. Вместо *короля Франции* он стал называться *королем французов*. Это внешним образом выражало тот факт, что плоды одержанной победы остались в руках крупной буржуазии. Франция была завоевана буржуазией, ее король был первым буржуа страны, «буржуазным королем».

IV.

Буржуазный король и его правление.

Бедственное положение народа. Реорганизация национальной гвардии. Убийство принца Конде. Ненасытная жадность буржуазного короля. Процесс министров Карла X. Устранение Лафайета. Пройски легитимистов; опустошение церкви St. Germain l'Auxerrois и архиепископского дворца. Роспуск палаты; отставка Лаффита. Казимир Перье объявляет революции беспощадную войну. Судебная победа республиканской оппозиции. „Порядок господствует в Варшаве“. Политика „золотой середины“. Восстание в Лионе 1831 г. Похороны ген. Ламарка; сражение на улицах Парижа в 1832 г. Процесс и распускение „Общества друзей народа“. Заговор герцогини Беррийской. Общество „прав человека“. Закон о союзах 25-го марта 1834 г. Второе восстание в Лионе в 1834 г. Восстание в Париже; бойня на улице Трансвонэн. Процессы о государственной измене 1835 и 1836 г.г. Покушение Фьески. Сентябрьские законы. Реакционное министерство и его законодательная деятельность. Тайные союзы „Семейство“ и „Время на года“. Барбес и Бланки. Восстание 12-го мая 1839 г. Бедственное положение трудящихся классов. Экономический быт Франции в эпоху буржуазной монархии. Расцвет промышленности и коммерческих предприятий. Спекуляционная горячка в области железнодорожного строительства. Смерть герцога Орлеанского, наследника престола. Кризис и голод 1847 г. Подкуп и продажность в „правовом государстве“. Хищение в военном и морском министерствах. Процесс Тест-Кюбьера. Убийство герцогини Шуазель-Праслен.

Первые законодательные мероприятия нового правительства были продиктованы интересами минуты. Народ так ловко провел хитростными комбинациями, обманчивыми обещаниями и некоторыми своевременно розданными суммами, что он рассеялся и сложил оружие. Была расклеена прокламация, начинавшаяся словами: «Честные рабочие, вернитесь в свои мастерские». Рабочие вернулись и не нашли никакой работы: капиталы ушли из оборота, в торговле и промышленности на-

ступил застой. Французский банк, который, согласно своему уставу, должен был после больших кризисов расширять свои дела, благоразумно сократил учет и ограничился в своих операциях только теми торговыми кругами, где он не имел оснований какого-нибудь риска.

Народная нужда росла с каждым днем. Для облегчения этой ужасающей нужды прибегли к следующим средствам. В театрах распевали новый мотив марсельезы Казимира Делавиня. Громкими фразами воспевали умерших героев и открыли подписку в пользу июльских жертв (так называли убитых и раненых) и, таким образом, облегчили несолько участь жен и детей пострадавших революционеров. Далее, на Марсовом поле были начаты работы, чтобы замаскировать равнодушное отношение правительства к горькой доле бедняков. Многочисленные толпы ремесленников, распределенные по специальностям, потянулись вдоль набережной и бульваров в префектуру; на площадях перед воротами министерств и везде, где находились представители власти, собирались шумные толпы народа,—великодушное правительство истребовало от палаты кредитов на 5 миллионов для организации общественных работ. Гораздо более крупная сумма была собрана частным образом, что обусловливалось не только состраданьем, но и страхом перед народом.

Между тем, правительство не замедлило взяться за реорганизацию национальной гвардии. Это было совершено с такой быстротой, что к концу августа король мог сделать смотр преобразованным 12 легионам парижской национальной гвардии. Смотри сошел блестяще. Согласно новому уставу, каждый национальный гвардеец должен был сделать себе дорогую обмундировку и самому содержать себя. Таким образом, из национальной гвардии была вытеснена беднейшая часть населения, и она стала привилегией средних классов общества. Генерал Лафайет роздал легионам знамена и от имени короля привел их к присяге. Энтузиазм, господствовавший во время июльской революции, еще не исчез и вылился в этот торжественный день в песни и бурных криках ликования. Король должен был чувствовать себя счастливым, потому что его популярность в этот день была почти так же велика, как и Лафайета.

Но вдруг произошло тяжелое, таинственное событие, которое опозорило новое правительство и должно было положить конец популярности короля. Хотя и доставило материальную выгоду Орлеанскому дому, округлив его владения. Герцог Бурбонский, отец герцога Ангиенского, вопреки международному праву привлеченного Наполеоном к судебной ответственности и расстрелянного военным судом, последний отпрыск дома Кондэ, был найден 27-го августа повешенным в своей комнате. Имелись серьезные данные, что этот дряхлый старик не сам наложил на себя руки, а был убит, и подозрение сейчас же пало на одну английскую авантюристку, бывшую актрису, которая вышла замуж за барона де-Фешера и находилась в интимной связи с принцем Кондэ. Эта особа так ловко забрала в свои руки старого принца, что уже в 1824 г. он завещал ей домены С.-Ле и Буасси и Ангиенский лес. Чтобы обезопасить себя от возможных нападков законных наследников выживавшего из ума старика, она заручилась покровительством могущественной Орлеанской фамилии и уговорила принца Кондэ в 1829 г. не только усыновить герцога Омальского, четвертого сына Луи-Филиппа, но и сделать его в своем завещании от 30-го августа 1829 года единственным наследником. Она при этом, конечно, не забыла и о себе и убедила безвольного старика переписать на свое имя имущество в 10 миллионов. Июльская революция, повидимому, вызвала угрызения совести у принца Кондэ, стоявшего когда-то во главе эмигрантов, и его любовь к госпоже Фешер превратилась в панический страх перед ней. Он думал переселиться в Англию, чтобы присоединиться к изгнанной королевской семье, и уже приказал своему преданному камердинеру Манури приготовить все к путешествию, скрыв это от г-жи Фешер. Последняя навязала принцу второго выбранного ею камердинера, известного Лекомта, которого вместе с г-жен Фешер общественное мнение и обвиняло в убийстве герцога Бурбонского. Действительно, подозрение было настолько основательно, что следовательно, после нескольких месяцев расследования, решил привлечь их обоих к ответственности. Но Фешер нашла себе защитников в Тюльери; Луи-Филипп сам вмешался в дело, отставил стипендию добросовестного следователя и на его место посадил его зятя, который

уже давно добивался какой-нибудь судебной должности. Сенат, лишенный, таким образом, осведомленного докладчика, прекратил дело.

Благодаря такому обороту дела, Фешер получила поместье в 10 миллионов, а Орлеанский дом в лице 8-летнего герцога Омальского увеличил свои богатства на 100 миллионов.

Но Луи-Филипп глубоко ошибается, полагая, что с прекращением уголовного преследования дело с наследством будет покончено. Ближайший родственник убитого из семьи Роган обжаловал в суд это завешание, указывая на то, что его содержание выражает не свободную волю покойного, а происки окружающих его лиц. Эти обвинения относились прямо к королю. В доказательство партия истца приводила собственноручные письма короля и королевы к Фешер, в которых они ее просили продолжать свои хлопоты в пользу герцога Омальского, обещая щедро вознаградить ее за ее труды. В 1832 г. жалоба Рогана была отклонена. Но опубликованные в газетах письма короля и ход судебного процесса скомпрометировали Луи-Филиппа в глазах общественного мнения. Для того, чтобы приобрести популярность, король-буржуа прежде часто прогуливался по Парижу без свиты, в штатском платье и с зонтиком в руке. Теперь он уже не осмеливался показываться на улицу.

И этим дело еще не закончилось. Когда в 1840 г. умерла Фешер, ее муж, который с ней давно уже порвал, отказался принять ее миллионы и отдал их на дела благочестия. Этим воспользовалась оппозиционная пресса—и прежде всего легитимисты,—чтобы опять поднять свой обличительный голос по поводу этого скандального дела и проводить параллели между королем и Фешером, чем они попадали в самое больное место Луи-Филиппа, а он вынужден был молчать, не осмеливаясь даже обратиться к суду за защитой.

Следует упомянуть еще о некоторых фактах для полной характеристики позорного корыстолюбия этого короля.

Банкир и первый министр-президент Луи-Филиппа, Лаффит, попал, благодаря июльской революции, в финансовые затруднения. Он вложил громадные капиталы в недвижимое имущество, продать его он не мог без крупных для себя потерь;

между тем, кредиторы его банковского дома требовали обрат своих вклады. Единственный человек, который мог его выручить, был Луи-Филипп, столь многим ему обязанный. Последний согласился скупить леса Лаффита в Бретейли за общую сумму в 15 миллионов. Чтобы не подорвать кредит банковского дома, решено было сохранить все это в строжайшей тайне. Луи-Филипп, опасаясь, как бы он не встретил каких-либо затруднений на суде при возможном крушении банковского дома, потребовал, чтобы его право на владение лесами было отмечено в банковских книгах. Это было не только личным оскорблением для Лаффита, но привело к тому, что в кассу банковского дома со всех сторон посыпались требования возврата ссуд, и уже 19-го января 1831 г. Лаффит был вынужден ликвидировать свои дела и покинул свой министерский пост. Лучший друг Луи-Филиппа сделался таким образом его злейшим врагом. Он никак не мог себе простить, что способствовал восшествию на престол новой династии.

Гражданский лист короля, который был исчислен Лаффитом в 18 миллионов, в 1831 г. был понижен до 12. После долгих настояний Луи-Филиппа ему стали выдавать еще миллион ежегодно для старшего сына и предполагаемого наследника, герцога Орлеанского. Его вторичное ходатайство о выдаче ему такой же суммы для второго сына, герцога Немурского, встретило упорное сопротивление в палате; тогда Луи-Филипп счел более благоразумным от него отказаться.

В 1837 г. герцог Орлеанский собирался жениться на принцессе Елене Мекленбургской. Король воспользовался этим случаем, чтобы попросить у палаты удвоить ренту наследника, миллион для свадебных расходов, вдовью пенсию в 300.000 фр. для жены сына и добавочное приданое в 1.000.000 для своей старшей дочери, королевы бельгийской, бывшей уже несколько лет замужем.

Равным образом и в 1840 г., когда герцог Немурский хотел жениться на кобургской принцессе, Луи-Филипп добивался для него ежегодной ренты в 500.000 фр., такой же суммы на свадебные расходы и вдовьей пенсии для герцогини. Палата депутатов отклонила эти домогательства 226 голосами против 200. Вторичная попытка в 1844 г. также потерпела неудачу.

У правительства хватило бесстыдства представить палате подложные счета, по которым выходило, что общая рента от всех частных имуществ Орлеанского дома не превышала одного миллиона. Этим оно хотело доказать, что у короля не хватает средств, чтобы пристроить своих детей, а потому это должно быть сделано на государственный счет. Но Луи-Филипп достиг этими выходками того, что сильно вооружил против себя население. Все прекрасно знали, что Луи-Филипп—самый богатый король в Европе, а вместе с тем он постоянно разыгрывает перед палатой роль, попрошайки.

За страшной драмой в С.-Лье последовала другая, едва не закончившаяся кровопролитием.

Уезжая из Трианона, Карл X оставил на произвол судьбы своих министров, виновников кровавых июльских событий, следовавших за ним туда, предоставив им самим позаботиться о своей безопасности. Они рассеялись по разным направлениям, но только трое, министру финансов Монбелю, морскому—Оссе и общественных работ—Капслю, удалось благополучно бежать за границу. Князь Полиньяк, на которого король уже не обращал никакого внимания, переодетый слугой, остался в свите Карла X, пока грубое обращение придворных и угрозы дворцовой стражи не заставили его удалиться. Он добрался до маленького торгового города Гренвиль и ожидал благоприятного ветра, чтобы отправиться в Англию, но был узан и арестован национальными гвардейцами. Та же судьба постигла трех его коллег в Туре, министра внутренних дел Пейронэ, юстиции—Шантелоза и просвещения—графа Гернон-Ронвиля, которые надеялись в Бретани или Вандее найти надежное убежище. Правительство распорядилось поместить арестованных против его воли министров в Венсенскую тюрьму и начать предварительное следствие. Последнее велось от имени палаты депутатов тремя членами: Малье де-Монжо, Беранже и Могэном.

Весь официальный мир был за то, чтобы спасти министров Карла X, озлобленный же народ требовал строгого наказания. Палата депутатов решила отменить смертную казнь за

политические преступления и побуждала правительство выработать законопроект и внести его в палату. Это решение, цель которого была слишком очевидна для всех, вызвало неописываемую ярость в радикальных слоях. 18-го октября страшно возбужденная толпа двинулась к Венсенской тюрьме с твердым намерением расправиться с Полиньяком и его товарищами.

Комendanтом Венсенского замка был инвалидный генерал Дюмениль, носивший кличку «деревянная нога», который пользовался некоторой популярностью, благодаря тому, что в 1814—1815 г.г. не отдал Венсенской тюрьмы союзникам. Он один вышел навстречу грозной народной толпе и твердо, решительно заявил, что он готов скорее взорвать на воздух себя вместе с башней, где находятся экс-министры, чем выдать доверенных его защите узников. Парижане повернули назад и, достигнув Пале-Рояля, где в это время происходил совет министров, огласили воздух бурными криками: «смерть министрам!» Национальная гвардия, между тем, держалась твердо, что заставило толпу скоро рассеяться.

Результатом 18-го октября было то, что в одной части населения волнение все росло, а в другой появился страх перед возобновлением кровавых сентябрьских дней 1792 г. Чтобы рассеять этот страх и успокоить народ, Одион Барро, назначенный муниципальной комиссией на пост префекта Сенского департамента, выпустил прокламацию, в которой он резко отзывается о застрельщиках беспорядков, вместе с тем, он осуждает попытку палаты отменить закон о смертной казни.

Эта прокламация вызвала большое неудовольствие при дворе. Король настаивал на отставке Одилона Барро, но Дюпон де л'Эр и Лафайет взяли его под свою защиту. Положение было критическое. Король, скрепя сердце, должен был уступить: для него слишком опасно было при господствовавшем возбуждении удалить этих двух лиц, служивших единственной моральной поддержкой для трона. После страстных дебатов в совете министров Дюпон де л'Эр одержал верх, остальные министры подали в отставку, которая весьма неохотно была принята королем.

В этом запутанном положении Лаффит обнаружил замечательную энергию, стараясь составить новое министерство.

Только ему обязан был король тем, что 2-го ноября министерский кризис миновал. Сам Лаффит взял портфель министра финансов и премьер-министра, маршал Мезон—иностранных дел, Дюпон де л'Эр—юстиции, Монталиве—внутренних дел, маршал Жерар—военным, генерал Себастьяни—морским и Мерилю—просвещения. Общественное мнение осталось довольно этим составом, так как в нем не было больше «доктринеров». Этим именем называли конституционных систематиков школы Ройе Коллара, представителем которого в павшем министерстве Брольи были Гизо и его друзья.

10-го декабря в 8 часов утра экс-министры Карла X с большими предосторожностями были переведены из Венсенского замка в тюрьму Люксембургского дворца. После того, как было закончено предварительное следствие, палата пэров собралась в качестве судебного трибунала, и 15-го декабря открылись судебные заседания. Представителем обвинения выступал Персиль, генеральный прокурор судебной палаты; защитником являлись Мартиньяк, Эннекен, Сосе и Кремье, люди, принадлежавшие к различным партиям. Обвинение гласило о «государственной измене» на основании 56 ст. конституции 1814 г. Защита опиралась на 14 ст. той же конституции, которая, согласно их толкованию, давала право королю издавать указы, подобно изданным от 25-го июля. За отсутствием же закона об ответственности министров, который хотя и имела в виду конституция 1814 г., но не издала его, защита настаивала на оправдании обвиняемых.

Во время этого судебного процесса волнение в народе возрастало с каждым днем. Правительство находилось в затруднительном положении. Хотя парижский гарнизон был усилен, и начальство над всеми военными силами столицы было поручено Лафайету, но в войсках были слишком живы воспоминания о июльских днях, чтобы, в случае уличного столкновения, можно было рассчитывать на их верность. Некоторые отряды национальной гвардии, особенно артиллерия, открыто выражали свои симпатии республиканской партии, которой был желателен всякий повод к возобновлению революционных действий. Да и вся почти национальная гвардия разделяла общее озлобление против Полиньяка и его товарищей, так что с тру-

дом удалось их убедить подвергнуть свою жизнь опасности для защиты обвиняемых 19-го декабря; когда подсудимые произносили свои защитительные речи, огромная народная толпа собралась в старых кварталах, окружавших Люксембургский дворец. До залы заседания доносились глухие звуки генерального марша, сзывавшего национальную гвардию, и возрастающий шум народного волнения. На лицах пэров отражалось крайнее замешательство, которого не мог подавить и сам канцлер Паскье, человек довольно мужественный. Однако военачальникам вместе с гражданскими властями удалось общими усилиями подавить волнение, и спокойствие восстановлено было без кровопролития.

21-го декабря, в день объявления приговора, меры предосторожности были утроены. Вызвано было около 30.000 человек национальной гвардии и линейных войск, чтобы окружить Люксембургский дворец целым лесом штыков. Обвиняемые с раннего утра уже были отпущены боковыми улицами под прикрытием 200 кавалеристов в Венсенский замок. Сопровождение продолжалось несколько часов. Как только резолюция была принята, большая часть членов удалилась в самых разнообразных одеяниях. В 10 часов вечера Паскье явился в почти пустую залу заседания. Судьи, обвиняемые, публика,—все исчезло. Паскье объявил приговор—пожизненное тюремное заключение всем обвиняемым, а князю Полиньяку гражданская смерть.

Этот приговор вызвал страшное волнение в городе. Париж производил в эту ночь такое впечатление, как будто он находился в осадном положении. Войска и национальная гвардия остались под ружьем, на площадях и улицах горели сторожевые огни. Тем не менее, ночь, как и следующий день, прошли без серьезных инцидентов. Правительство обратилось к студенчеству, пользовавшемуся большой популярностью в массе, апеллируя к его великодушию, чтобы внушить населению уважение к закону и успокоить разыгравшиеся страсти. Этот маневр удался, и через несколько дней уже исчезли последние следы волнения.

Этим счастливым исходом правительство в значительной степени было обязано Лафайету, как главнокомандующему

всеми военными силами столицы. Палата депутатов начала по-баиваться популярности и влияния «героя старого и нового света». 24-го декабря было отменено звание главнокомандующего национальной гвардией королевства, и Лафайет был косвенным образом смещен. Он отнесся к этому, принятому в его отсутствие решению, как к личному оскорблению, подал прошение об отставке и с этого момента перешел также к оппозиции. Командование национальной гвардией Парижа было передано генералу Лобо.

Моральное значение этой вынужденной отставки Лафайета было гораздо больше, чем предполагали палата и двор. Министр юстиции сейчас же подал в отставку; она была принята с удовольствием, так как в нем больше не нуждались. Его примеру последовал полицейский префект Трейляр, участник июльских событий, бывший в подозрении у двора, благодаря своим сношениям с республиканской партией. Народом же приговор против экс-министров Карла X и почти одновременная отставка Лафайета, Дюпона и Трейлара были поняты, как доказательство все возрастающей реакции.

Среди всеобщего возбуждения, охватившего почти всю Европу, благодаря июльской революции, которая нашла себе непосредственный отклик в Бельгии, Германии, Италии, Испании и Польше, Луи-Филипп стал в тиши укреплять позицию своей династии. Он воспользовался ослеплением легитимистской партии, вожди которой носились с мыслью о возвращении Генриха V и считали себя настолько сильными, чтобы при первом удобном случае сделать смотр своим силам. Они считали наиболее подходящим моментом для этой цели 14-е февраля, годовщину смерти герцога Беррийского. Легитимистские газеты «Gazette de France» и «Quotidienne» возвестили, что в этот день будет отслужена панихида в церкви Сэн-Жермен, и что все С.-Жерменское предместье и вообще все, которые разделяют их политические воззрения, пусть присоединятся к этому торжественному акту.

Печальная церемония уже приходила к концу, когда один молодой энтузиаст подошел к катафалку, возвышающемуся среди церкви, и возложил на него портрет Генриха V, герцога Бордосского. На портрет был положен венок из иммортелей.

Между тем из различных частей города собралась большая толпа любопытных. По Парижу распространилась весть о том, что происходит в церкви; то тут, то там слышны были проклятия, и настроение толпы делалось все более возбужденным. В это время на площади стоял бледный молодой человек в черном платье, с длинными волосами и с насмешливым и вызывающим видом наблюдал это зрелище: «Это иезуит!» раздался голос из толпы. Народ бросился на него и потащил, чтобы бросить в Сену. Присутствовавший при этом полицейский префект Бод, преемник Трейлара, с большим трудом и после долгой борьбы спас его от народной ярости. Между тем, церковь была взята толпой штурмом; алтарь опрокинут, кафедра разрушена, исповедальня разбита в куски, статуи святых сброшены со своих пьедесталов, образа уничтожены, драгоценные завесы растоптаны ногами, крест с церкви сбит, духовные одеяния в ризнице осквернены. Такой же участи подвергся и церковный дом.

Когда разрушительная работа была закончена, толпа рассеялась; на следующий день предполагалось продолжение Власти, осведомленные об этом, но не знавшие, что послужит объектом разрушения, полагали, что опасность угрожает Палатой, а потому сосредоточили всю военную силу для охраны дворца. Действительно, утром 15-го февраля некоторые группы показали у королевского дворца, но народная буря приняла другое направление. Огромные толпы народа двинулись к архиепископскому дворцу, обитатель которого, архиепископ Кэлян, еще до июльских дней возбудил против себя народную ненависть.

Этот прелат, тайное орудие в руках конгрегации и иезуитов, представлял собой одну из тех тайных сил, которые побуждали Карла X к его государственному перевороту. Еще 11-го июля он убеждал короля взяться за завоевание Алжира, обещая ему защиту божьей матери за преданность интересам церкви и за приобщение к христианству неверующих Алжира. Общество знало, какую роль играл Кэлян при Карле X и не могло ему этого простить.

Дворец архиепископа был без всякой охраны. Маленький отряд 12-го легиона был слишком слаб, чтобы оказать сопро-

тивление бурному напору народа. Неожиданным натиском были выбиты ворота, толпа наводнила дворец; канделябры были разбиты, картины сорваны, мраморные статуи уничтожены,

столы и кресла изломаны, паркет разнесен в куски. Книги, рукописи, расписные, требники, всевозможные церковные одежды валялись по саду и попадали даже в Сену. Никто не думал о

грабеже, но жажда разрушения овладела всеми. Трудно описать, сколько погибло в этот день произведений искусства и науки. Никогда еще разрушительная работа не производилась так стремительно и беззаботно. Разгром происходил при неслыханном хохоте, веселых шутках и одобрительных, бурных криках. К этим оргиям применялись безумные выходки карнавала, и на следующий день, в среду первой недели великого поста, на том месте, где прежде величественно выделялся архиепископский дворец, виднелись одни только развалины.

Палата, законность которой с самого начала находилась под большим сомнением, после долгой борьбы провела новый избирательный закон, понизивший избирательный ценз с 300 франков на 200. Заседания ее были 20-го апреля 1831 г. прерваны, а затем она была распущена. Еще раньше Лаффит подал в отставку, и во главе нового буржуазно-реакционного министерства стал Казимир Перье.

Казимир Перье, хотя и был членом оппозиции, не желал и не способствовал торжеству революции, напротив, он до последней минуты старался не допустить удаления Карла X. После народной победы он считал более выгодным присоединиться к революции, чтобы помешать ее дальнейшему распространению и поддерживать всеми наличными средствами новый политический режим. Поэтому он воспользовался первым подходящим случаем, чтобы в палате открыто высказаться против пропагандистской политики ¹⁾, какую преследовал его предшественник, несмотря на торжественное заявление о нейтральности. Революции в Италии и Польше были предоставле-

¹⁾ Под этим названием понимали верность традициям Великой Французской революции, согласно которым Франция должна поддерживать все освободительные движения в остальной Европе. Не следует забывать, что если новый порядок вещей — буржуазная монархия — казался радикальным элементам Франции реакционным или анти-революционным, то европейским правительствам он представлялся ультра-революционным. В крайне идеализированном виде он являлся в глазах радикальных слоев Европы. На это указывают письма Гейне и Берне, отражавшие настроение наиболее смелых умов тогдашней Германии. Европейские правительства с радостью ухватились бы за первый подходящий предлог, чтобы восстановить во Франции политический режим Бурбонов.

ны своей собственной судьбе. Французская кровь,—объяснял Перье,—должна проливаться только за интересы Франции. Прежде всего им была объявлена беспощадная война своим французской революции, в каком бы виде она ни проявлялась.

Его коллегами были: военный министр маршал Султ, иностр. дел Себастьяни, финансов барон Луи, юстиции Барт, бывший карбонарий, просвещения Монталиве, торговли и общественных работ д'Аргу, морской министр Риньи. Из всех этих министров ни один не был в состоянии бороться с влиянием министра-президента. Один только маршал Султ мог бы противостоять К. Перье, но он не стремился к влиянию в кабинете, лишь бы ему позволяли свободно проявлять свой обычный деспотизм в своем ведомстве и не мешали увеличивать свое пошатнувшееся при империи состояние. При своих не сомненных военных и административных талантах маршал Султ обладал характерными чертами военного выскочки: грубостью, корыстолюбием и хитростью.

Верный своей программе, Казимир Перье отказался от поддержки, которую оказывала Франция итальянскому восстанию. Собранные и организованные в Лионе итальянские беглецы были отданы под надзор полиции. Народ не чувствовал себя в силах бороться с этими мероприятиями, но эта перемена внешней политики сильно озлобляла возраставшие кадры оппозиции.

Эта оппозиция группировалась под знаменем «Общества оружей народа», смелого союза, состоявшего исключительно из молодых людей, руководивших борьбой народа во время июльской революции. Оппозиции удалось в первые же дни министерства К. Перье добиться значительной победы на суде. Девятнадцати ее наиболее видным членам, в том числе Гинару, Трела и Годфруа Кавеньяку (старший брат генерала), было предъявлено обвинение в том, что будучи артиллерийскими офицерами и солдатами национальной гвардии, во время процесса министров Карла X, насильственными средствами хотели ниспровергнуть господствующую династию. Обвиняемые воспользовались этим судебным разбирательством, чтобы открыто заявить о своей принадлежности к республиканской партии и подвергнуть резкой критике существующий порядок

вещей и реакционную политику правительства. Прения продолжались много дней, вызвали сильное движение в народе и закончились полным оправданием обвиняемых. Народ их встретил шумными овациями и с криками торжества провожал героев дня до их квартир.

Составленная согласно новому избирательному закону палата была 25 июля 1831 г. открыта продиктованной К. Перье тронной речью, отличавшейся высокомерным тоном и резкими выходками против республиканцев. Среди оппозиции новой палаты выделились южанин генерал Ламарк со своим живым, образным языком, напоминавшим наполеоновские времена ¹⁾, известный в ученом мире Франсуа Араго, Тьер и Одилон Барро. Пока продолжалось революционное движение в народных стоях, первую роль в оппозиции играли Могэн и Ламарк, наносившие неоднократно чувствительные удары реакционной политике кабинета. По их инициативе, например, в ответном адресе на тронную речь был принят пункт относительно Польши, в котором палаты высказывают убеждение, «что польская национальность не погибнет». Когда 7-го сентября 1831 г. Варшава пала и польское восстание было окончательно подавлено, парижское население, узнавшее об этом 15-го сентября, охватило крайнее озлобление, выразившееся в целом ряде бурных вспышек. Возбуждение было настолько сильно, что народ начал грабить оружейные склады и строить баррикады. Но благодаря твердому настроению войска волнение постепенно утихло.

В палате правительству пришлось вести ожесточенную борьбу. Когда 16-го сентября палата узнала о взятии Варшавы русскими войсками, генерал Себастьяни, за неимением аргументов, прибег к жалкой фразе: «порядок господствует в Варшаве». На заседании 19-го сентября у него вырвались слова, что события 1815 года не повторятся, если Франция будет ве-

¹⁾ Демократическая оппозиция при Луи-Филиппе была сильно проникнута наполеоновскими тенденциями или пользовалась наполеоновскими лозунгами—тактика, значительно облегчавшая потом проведение планов Луи-Наполеона. Таким образом, радикалы часто соединялись с легитимистами.

сти себя *благоразумно*. Это облетело весь Париж и дало повод Могэну подвергнуть уничтожающей критике политику министерства К. Перье: «У кормила правления стоит реставрация, в этом заключается все зло, вся опасность для государства. Республикой пользуются, как жупелом, в борьбе с нами». Но оппозиция находилась в меньшинстве, и после продолжительных дебатов, державших в нервном напряжении не только Францию, но и Европу, был принят порядок дня, предложенный правительством, вместо требуемого оппозицией расследования. Достаточно было одной недели, чтобы приподнятое настроение в палате и вне ее изменилось до неузнаваемости.

С падением Польши и безрезультатным волнением в Париже была решена судьба революции в Европе. Что касается тех стран, которые рассчитывали на покровительство Франции, то они были вычеркнуты с карты Европы или осуждены на рабство. Польша совершенно потеряла свою самостоятельность, да и Италия также. Восставшие народы не могли и думать о союзе ввиду солидарности великих европейских держав. Как бы ни того, чтобы переполнить чашу народных страданий, в 1831 г. на континенте распространилась холера, проникшая в 1832 году и во Францию. Во время этого господства черной реакции, Луи-Филипп *благоразумно* держался на втором плане и только один раз высказал свое личное мнение, что желательно было бы придерживаться «*juste milieu*» (золотой середины). Что он понимал под этим, выяснилось в ближайшие два десятилетия при его быстро сменявшихся министерствах и личном вмешательстве в законодательство. Это все шло к одной цели — усилить и укрепить реакцию.

О нуждах народа Луи-Филипп меньше всего думал. Поэтому между трудящимися массами и правительством во все время его 18-летнего правления велась отчасти открытая, отчасти тайная борьба. Луи-Филипп ничего не боялся, веря в силу и преданность армии и реорганизованной национальной гвардии.

Парижский пролетариат боролся в июльские дни под знаменем, которое, по мнению его, указывало на торжество переизбранных к нему по традиции великих идей 1789—1793 г.г. Согласно законам общественного развития, всякая революция

должна кончиться неудачей, если победители не будут с оружием в руках отстаивать завоеванную позицию. Мы видели, как буржуазия, несмотря на героическую победу июльских борцов, легко и быстро присвоила себе плоды этой победы. Естественным результатом этой узурпации было то, что по большей части молодые передовые борцы обманутого народа изыскивали средства, которыми народ мог бы силой обратно вернуть себе свои права. Этой цели они надеялись достигнуть организацией сперва открытых, а затем тайных обществ, очень быстро распространившихся по всей Франции. Руководители были проникнуты наивной верой, что стоит только образовать инсurreкционные комитеты, произвести государственный переворот и ударить в набат, чтобы воспламенить широкую массу и вызвать революционный взрыв.

Не следует упускать из виду неблагоприятные социальные условия, не поддававшиеся непосредственному учету, но еще тем более ухудшавшие положение народа, которые вызывали взрывы отчаяния. Первая неожиданная вспышка такого рода произошла в Лионе, втором городе королевства, при министерстве К. Перье, 21-го ноября 1831 г. Волнения обуславливались крайней нуждой ткачей, составлявших большую часть рабочего населения Лиона.

Благодаря затишью в торговле и промышленности рабочие страшно бедствовали, многие тысячи сидели без работы. В Париже острая нужда была временно смягчена деятельностью разных благотворительных обществ, организацией общественных работ, ежегодной пенсией вдовам и сиротам навших борцов. Многие безработные баррикадные бойцы вошли в состав реорганизованной городской полиции. В Лионе же фабриканты старались свалить на рабочих все ужасы кризиса. При 18-ти часовом рабочем дне они понизили заработную плату до 1—1 фр. 25 сант. Таким образом от 30 до 40 тысяч рабочих семейств было обречено на крайнюю нужду.

Накопленный годами опыт научил лионских рабочих организоваться в товарищеские союзы. Руководители *Mutuelles* («касс взаимопомощи») были естественными представителями рабочих перед 800 фабрикантами г. Лиона. Они добились того, чтоб был создан общий совет из 22 фабрикантов и 22 рабочих,

выработавший новую таксу заработной платы, обязательную для обеих сторон. Эти собрания происходили под председательством лионского префекта Бувье-Дюмоляра. 25-го октября новый тариф был подписан, и подписи утверждены префектом. Рабочие остались довольны этим тарифом, хотя он и понизил их заработную плату сравнительно с первоначальной. 104 фабриканта из 800 отказались подчиниться новому тарифу. Враждебно настроенное против рабочих министерство Казимира Перье приняло сторону 104, выразило порицание префекту за его вмешательство, и новый тариф был положен под сукно.

Но так как нужда росла со дня на день, то рабочие расноложенного на холме Круа-Рус предместья решили восстать. Они запаслись значительным количеством оружия и двумя пушками и утром 21-го ноября спустились в город. Впереди несли черное знамя с надписью, составленной выдвинувшимся теперь впервые рабочим *Альбером*: *Vivre en travaillant ou mourir en combattant* (Жить в труде или умереть в борьбе). Навстречу этому шествию вышел батальон национальной гвардии в новой форме с гренадерскими медвежьими шапками, враг рабочих, так как новая национальная гвардия рекрутировалась из средней буржуазии. Начался бой, и батальон был отброшен. Расположенная к рабочим часть национальной гвардии в старой форме присоединилась к ним, чем она помешала нападению войска, и в этот день победа осталась за народом. В первый же вечер весь Лион, за исключением ратуши, находился в руках повстанцев, да и ратуша была ночью оставлена войском. Префект Дюмоляр остался на своем посту, и назначенный им комендантом рабочий был признан всеми. Уже вечером 23-го ноября рабочие сами поставили стражу в городе.

И лучшей стражи нечего было и желать лионской буржуазии. Исхудалые, покрытые лохмотьями, дрожащие от холода рабочие стояли на страже перед монетным двором, общественными зданиями и домами богатых граждан, чтобы охранять неприкосновенность частной собственности. Этим и ограничилась деятельность повстанцев после достигнутой победы. Рабочие тогда еще не доросли до сознания своих социальных

ляр за вмешательство в вопрос о заработной плате был смещен с должности. Затем начали арестовывать «зачинщиков», о которых уже заранее обе палаты подали единодушно адрес, чтобы к ним была применена строжайшая мера наказания. Народ безучастно относился к этому. Здесь впервые особенно резко проявились классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией. Последняя без различия партий, постоянно воевавших друг с другом, соединилась под общим руководством правительства для борьбы с «внутренним врагом».

Последующее восстание было подготовлено «Обществом друзей народа» и другими революционными союзами. 5-го июня 1832 г. похороны генерала Ламарка, офицера республики и империи, вождя небольшой республиканской группы депутатов в обновленной палате, послужили сигналом к восстанию. Оппозиция предполагала устроить только демонстрацию, но она закончилась кровопролитием. Во время печального шествия неожиданно раздались звуки марсельезы. Лафайет, Могэн и другие республиканцы произнесли речи перед народом. Торжественный акт приходил уже к концу, как к ораторской трибуне приблизился всадник с красным знаменем, с красной фригийской шапочкой на копье и предложил приветствовать это знамя с надписью: «Свобода или смерть!» Это было впервые, когда народу было указано на красное знамя, как на его знамя. Это предложение встретило бурное одобрение со стороны части демонстрантов, знамя украсили венками, а знаменосца с торжеством понесли на руках.

Между тем на бульваре Бурдон драгунский полк набросился на толпу: загорелся бой, который вскоре распространился на большую часть восточных и северных кварталов города. Правительство не дремало и стянуло в Париж 20.000 человек солдат, да и национальная гвардия беспрекословно выполняла распоряжения властей. Главное начальство над военными силами принял маршал Лобо, он хладнокровно и осторожно проводил свой военный план. 6-го июня после полудня ослабевающее восстание сконцентрировалось в некоторых пунктах внутренних городских кварталов, именно на улице С.-Мартен с бывшей церковью С.-Мери, где сильно забаррикадировались последние несколько сот республиканцев. В 4 часа пополудни

На следующий день Париж был объявлен в осадном положении, и назначены военные суды над пленными революционерами, хотя город вскоре принял свой обычный мирный вид. 29-го июня кассационный суд отменил смертный приговор военного суда; в этом выразилось негодование общественного мнения против высокомерного торжества победителей. Осадное положение также пришлось упразднить, одни только национальные гвардейцы настаивали на строгих наказаниях, что не мешало обычным судам выносить мягкие приговоры.

Понятно, что правительство постаралось уничтожить «Общество друзей народа». Оно создало процесс о недозволенных обществах. Между обвиняемыми находился человек, который с этого времени составлял душу всех республиканских заговоров и должен был за преданность своим идеалам поплатиться целым десятилетием тюремного заключения. Это был *Огюст Бланки*. Он поднялся и заявил своим судьям: «Эта борьба между бедными и богатыми; богатые бросили вызов, они представляют собою нападающую сторону. Привилегированные классы жиреют потом бедняков. Современная общественная организация является механизмом, беспощадно раздавливающим 25 миллионов крестьян и 5 миллионов рабочих, чтобы из них выжать жизненный сок, который и переливается в жилы привилегированных слоев». После блестящей защитительной речи *Годфруа Кавеньяка* обвиняемые были оправданы, но суд решил, что «Общество друзей народа» должно закрыть

Во время этой социальной и политической борьбы произошло одно романтическое приключение, ясно обнаружившее удивительное ослепление и полное бессилие легитимистской партии: провозглашение регентшей герцогини Беррийской, матери малолетнего Генриха V, герцога Бордосского, — событие, к которому французский народ и буржуазия относились совершенно безучастно. Это касалось лично короля и расположенных к нему придворных кругов. Этот случай дал новый повод оппозиции к нападкам на короля-буржуа, принявшим еще более ожесточенный характер, чем во время истории с принцем Конде. Необходимо заметить, что еще 29-го сентября 1826 г.

Луи-Филипп, тогда герцог Орлеанский, отказался признать его законным сыном убитого 13-го февраля 1820 г. герцога Беррийского.

Герцогиня Беррийская, неаполитанская принцесса, со стороны отца была племянницей жены Луи-Филиппа и, таким образом, находилась с ним в двойном родстве. Тем не менее в письме от 30-го сентября 1820 г., опубликованном в английских газетах, Луи-Филипп утверждал, что герцог Бордосский — подкидыш. Вот содержание письма: «Его королевское высочество протестует против извещения 29 сентября этого года, согласно которому ребенок, названный Карлом-Фердинандом Дьедонэ, выдается за законного сына герцогини Беррийской. В свое время герцог докажет, какого происхождения ребенок и кто его мать. Он представит соответствующие доказательства, что герцогиня Беррийская со дня смерти своего несчастного мужа не была беременна и выведет на чистую воду интриганов, пользующихся слабой принцессой, как орудием для достижения своих целей... Его королевское высочество убеждено, что французский народ и все европейские монархи поймут, какие роковые последствия может иметь такой дерзкий и незаконный поступок. Европа и Франция уже раз пострадали от узурпации какого-то Бонапарта. Новая узурпация со стороны лже-Генриха V принесет Европе и Франции не меньше бедствий... Париж, 30-го сентября 1820 г.»

Несколько дней спустя герцог Орлеанский отрицал перед возмущенным Людовиком XVIII свою причастность к этому письму. Но удар был нанесен, «протест» не был опровергнут, и 2-го августа 1830 г. во время наместничества Луи-Филиппа он был *полностью* напечатан в орлеанистских газетах.

Спустя год после революции герцогиня Беррийская приняла смелое решение произвести контр-революцию, насильно посадить своего сына на французский престол, а себя провозгласить регентшей. Она покинула Голируд в Шотландии, где находилась королевская семья, направилась через Германию в Италию и поселилась сперва в Генуе, затем в Массе, в герцогстве Модене. Там она созвала наиболее видных французских легитимистов, маршала Бурмона, графа Карголей, С.

Приеста, маркиза Пасторэ, герцогов Эскара, Беллано и др., и решено было в 1832 г. произвести легитимистское восстание.

25-го апреля 1832 г. герцогиня со своими приверженцами села на нанятый ею корабль «Карло Альберто» и в ночь с 2-го на 29-е апреля высадилась на морском берегу Прованса около Марселя, где и должно было, согласно принятому плану, начаться восстание. Но власти были осведомлены об этом предприятии и приняли свои меры. Когда 30-го апреля в 5 час. утра отряд вооруженных легитимистов достиг марсельской гавани и ударил в набат с ближайшей церкви, он был сейчас же рассеян, так как на его призыв не откликнулся ни один рабочий и ни один матрос. Те, которые не успели скрыться, были арестованы.

Но эта неудача не обескуражила герцогиню Беррийскую, и она решила предпринять вторичную попытку в той местности, где, благодаря сохранившимся со времен великой революции ультра-роялистским традициям, могла рассчитывать на успех, в Вандее. Запасшись подложными паспортами, в сопровождении небольшой свиты она 4-го мая направилась туда, благополучно избежала следившей за ней полиции и была гостеприимно принята в замке Поссак, недалеко от Сента.

В легитимистских кругах Парижа ясно сознавали всю беспечность этого предприятия. Они отрядили к герцогине самого даровитого оратора партии, адвоката Берие, с целью убедить ее покинуть Вандею и с новым подложным паспортом бежать за границу. Но на совете, созванном герцогиней, одержала верх военная партия с вышеупомянутым маршалом Бурмоном во главе, и восстание было назначено на 4-е июня. Действительно, в этот день в местностях, проникнутых религиозным фанатизмом, поднялись крестьяне. Но широкие массы населения Вандеи держались спокойно и выжидательно, а в городах национальная гвардия стала под знаменами, чтобы помочь войскам подавить восстание. После некоторых кровавых схваток, при чем обе стороны сражались с большим ожесточением, повстанцы были разбиты наголову, и герцогине ничего не оставалось, как бежать за границу. Не обошлось это восстание без обычных жестокостей гражданской войны: варварски избивали пленных, добивали раненых, издевались над женщинами и детьми и т. д.

Власти решили изловить во что бы то ни стало герцогиню Беррийскую; они усилили свою бдительность, и путь к границе ей был отрезан. Она скиталась по Вандее, стараясь уйти от преследования жандармов. Наконец, она нашла надежное убежище у своих приверженцев в Нанте. Там она провела несколько месяцев, несмотря на тщательные розыски полиции. И все-таки она была арестована, благодаря предательству одного легитимиста. Некий Дид, подкупленный тогдашним министром внутренних дел Тьером, взялся за 500.000 фр. предать герцогиню в руки полиции. Этот предатель пользовался доверием при дворе Карла X, и после июльской революции легитимистская партия часто посылала его с конспиративными поручениями на Пиринейский полуостров. Ему удалось получить тайное поручение к герцогине, и 6-го ноября он явился к ней. Полиция, следовавшая за ним по пятам, окружила дом солдатами и жандармами и под личным руководством префекта Дюваля приступила к обыску. Вскрыли полы, взломали шкафы, выстукивали стены, осмотрели погреба, тщательнейшим образом обшарили все этажи и... герцогиню все-таки не нашли. Но так как власти были хорошо осведомлены и были уверены, что герцогиня находится именно в этом доме, то было решено поместить на ночь по несколько человек в каждой комнате и на следующий день сделать вторичный обыск и, если понадобится, разломать всю постройку. Для того, чтобы согреться и приятнее провести ночь, полиция развела огонь в каминах. Тогда герцогиня, спрятавшаяся в дымовой камере, где она скорчившись провела 16 часов вместе с тремя женщинами из ее свиты, начала задыхаться от дыма и жара. Она вышла и была арестована. На следующий день она была отправлена в цитадель Блэй при Бордо и сдана генералу Бюжо, перешедшему на сторону орлеанистов. Последний поручил надзор за герцогиней капитану С.-Арно, который прежде носил фамилию Леруа. Этот офицер, с которым, как и с Бюжо, мы еще встретимся при дальнейшем изложении, был при Карле X с позором изгнан из армии, а затем при Луи-Филиппе опять был принят на военную службу.

Правительство Луи-Филиппа было в большом затруднении, не зная, что сделать с этой государственной преступницей.

С одной стороны, кровь, пролитая из-за нее в Вандее, требовала удовлетворения. С другой стороны, Луи-Филиппу весьма не улыбалась перспектива суда, где герцогиня Беррийская будет фигурировать в качестве представительницы легитимистской партии, насчитывавшей в своих рядах многих влиятельных французских аристократов, оспаривая права старшей Бурбонской линии на французский престол. Из этого неприятного

положения правительство вышло благодаря одному неожиданному обстоятельству. 22-го февраля 1833 года герцогиня вынуждена была сказать ген. Бюжо, что она нуждается в медицинской помощи. 9 мая 1833 г. она разрешилась от бремени дочерью... Отцом этого ребенка был, по ее словам, один сицилийский аристократ, граф Люккези, с которым она находилась в тайном браке.

Луи-Филипп сделал следующее распоряжение перед рождением этого ребенка: «При родах должны присутствовать следующие лица: Блэйский суб-префект, мер с одним из членов

Во главе инсургентов стоял здесь неустрашимый народный борец *Лагранж*. Солдаты не давали никому пощады, убивали даже больных, не щадили и беспомощных стариков. В других пунктах города вытаскивали из жилищ действительных или предполагаемых руководителей и тут же их расстреливали.

Лионские события вызвали волнения во всей Франции. В С.-Этьене, Вьене, Гренобле, Клермоне, Оксере, Пуатье 11-го и 12-го апреля дело дошло до кровавых схваток. В Ливевиле был открыт заговор, организованный среди кирасир унтер-офицером *Клеманом Тома* (впоследствии генерал). Желая предупредить восстание в Париже, правительство арестовало в ночь с 12-го на 13-е апреля 150 наиболее выдающихся членов «Общества прав человека». Но все-таки вопрос о восстании был решен в положительном смысле, хотя против этого были Буонаротти, стоявший во главе основанного после июльской революции «Общества демократических карбонариев», журналист Арман Каррель, убитый впоследствии на дуэли Жирарденом, и многие другие влиятельные члены республиканской партии. Вечером 13-го апреля Париж покрылся сотнями баррикад. Но повстанцы насчитывали в своих рядах 3.000—4.000 человек, и они могли оказать только слабое сопротивление 40.000 войску маршала Лобо и такому же количеству национальной гвардии.

В 6 ч. утра 14-го апреля маршал открыл военные действия. Бой носил очень ожесточенный характер, особенно варварской была «бойня на улице Транснонэн», где своими зверствами тогда отличился Бюжо. Память об этих ужасах и теперь еще сохранилась в парижском населении. В одном только доме было убито 19 человек, между прочим, и женщины, и дети. Министр внутренних дел, Тьер, дал варварский лозунг *избивать преимущественно подрастающее поколение*, чтобы в ближайшем будущем не явились мстители за павших борцов. Особенно жестоко отличались национальные гвардейцы. Они теперь мстили за то, что июньские инсургенты потерпели легкое наказание, и сами творили суд и расправу над каждым раненым или пленным, который попадался им в руки. Вечером этого же дня министерство уже сообщило палате, что порядок восстановлен.

В течение первых нескольких месяцев после восстания было арестовано до 2.000 человек; они были преданы суду пэров. После 5-месячного предварительного следствия прокурор составил обвинительный акт только против 318 обвиняемых. Суд, произведя расследование, понизил эту цифру до 164, в числе которых были 43, успевшие бежать за границу. Наиболее видные из обвиняемых были Арман Марра, Годфруа Кавеньяк, Гинар, Серсози, Лагранж и Кюссидьер. Предвидя, какой приговор им будет вынесен, обвиняемые приняли общее решение превратить залу суда в арену политической борьбы, не считаясь с интересами своей личной защиты. Они надеялись этим путем нанести такой удар правительству, который должен ускорить конечное торжество республики. Они выбрали в защитники самых талантливых ораторов своей партии, которые начали съезжаться в Париж со всех концов Франции. Собирались выступить на суде Франсуа Араго, Барбес, Бастид, Бланки, Буонаротти, Карно, Арман Каррель, Огюст Конт, Пьер Леру, Гарнье-Пажес, Ледрю Роллен, Мари, Распайль, Жюль Фавр и Мишель Бурже. Многие из этих лиц показались правительству настолько опасными, что оно решило прибегнуть к насилию. Вопреки закону и судебным традициям суд пэров объявил, что он может допустить к защите только адвокатов.

Процесс начался 5-го мая 1835 г. Прения на суде отличались большой страстностью с обеих сторон. Растерявшийся суд пэров, чтобы избавиться от бесконечных ежедневно повторяющихся бурных сцен, разделил обвиняемых на группы и разостал их по различным городам, где им и был объявлен судебный приговор. 13-го августа прочли приговор лионцам. Потом следовали друг за другом судебные вердикты для обвиняемых из других городов. 5-го декабря дошла очередь до унтер-офицеров Ливевилля. Парижанам был вынесен приговор 22-го и 23-го января 1836 г. Многим выпала на долю ссылка и 20-летнее тюремное заключение. К ссылке же были присуждены, между прочим, Арман Марра и Годфруа Кавеньяк, но заочно, так как они оба еще 12-го июля 1835 г. с 26 парижскими товарищами убежали из тюрьмы С.-Пелажи.

В то время, как этот грандиозный процесс держал в нервном напряжении всю Францию, произошло одно неожиданное

событие, которое помогло правительству, как всегда это бывает в подобных случаях, усилить реакцию.

На 28-е июля 1835 г. был назначен смотр линейным войскам и национальной гвардии, но не на Марсовом поле, обычном месте для смотра, а на бульварах. По городу циркулировали тревожные слухи; поговаривали о том, что во время этих июльских торжеств произойдет катастрофа при помощи какой-то адской машины и указывали на бульвар Дю-Тампль, как на место будущего взрыва. Министр внутренних дел, Тьер, издал приказ накануне вечером (27-го июля) сделать тщательный обыск в домах этого бульвара. Но обыватели так возмутились этим распоряжением, что правительству пришлось отказаться от этого, и оно ограничилось тем, что установило строгий надзор за окнами этого бульвара.

В 10 часов утра Луи-Филипп сел на коня и поехал на смотр в сопровождении своих сыновей, герцогов Орлеанского, Немурского и Жуанвильского, маршалов Мортье и Лобо, министров, генералитета, многих штабных офицеров и высших государственных сановников. По всему пути, по которому он следовал, господствовала мрачная тишина, прерываемая от поры до времени обязательными криками «ура» солдат. В полдень Луи-Филипп со своей свитой доехал до 8-го легиона национальной гвардии, расположенного на бульваре Тампль. Вдруг раздался сильный треск, похожий по звуку на ружейную пальбу. На месте оказалось много убитых и раненых, в том числе маршал Мортье, генерал Ляпас де-Вериньи, много офицеров, национальных гвардейцев и зрителей. Король и его сыновья остались невредимыми. В момент взрыва заметили, что из окна третьего этажа дома № 50 показались облака дыма, и сейчас же в окне появился окровавленный человек. Он спустился по веревке на маленькую крышу и исчез в открытом окне соседнего дома, но его выдал кровавый след, оставленный им, и он был арестован. Это был корсиканец, по имени Фьески.

В комнате, из которой убежал Фьески, нашли дымящиеся остатки его машины. Она представляла собой ряд из 25 стволов, соединенных между собой зажигательным шнурком и расположенных на подвижной подставке, что позволяло придать

выстрелам желательное направление и взять верный прицел. В двух стволах оказалось 8 пуль, по 4 в каждом, 4 ствола лопнули вследствие слишком сильного заряда и ранили самого Фьески.

5-го августа были похоронены с большой торжественностью и пышностью жертвы покушения 28-го июля. Сотни тысяч человек присутствовали на этих похоронах. В этот день, казалось, исчезли все партийные распри.

Но еще накануне, 4-го августа, министр юстиции Персиль (прежде генеральный прокурор) внес в палату 3 законопроекта, содержание которых недвусмысленно указывало на то, что правительство хочет использовать в интересах реакции покушение 28-го июля, как в свое время поступило министерство Деказа, когда был убит герцог Беррийский.

Первый законопроект касался палат присяжных. Он предоставлял министру юстиции право назначать сессии палаты присяжных по политическим делам в зависимости от потребностей данного момента, генеральному прокурору—право сокращать в политических процессах формальности судопроизводства, а председателю палаты—удалять силой из залы заседания суда тех из обвиняемых, которые своим поведением мешают правильному течению судопроизводства, и разбирать дело в их отсутствии.

Второй законопроект относился к суду присяжных. Он уменьшил число голосов присяжных заседателей, требуемых для обвинительного вердикта, с 8 до 7.

Третий законопроект посягал на свободу печати. Под угрозой долголетнего тюремного заключения и денежного штрафа в 10—50 тысяч франков, он предупреждал против «оскорбления величества» и «всяких нападок на принципы государственного управления».

Палата вполне оправдала ожидания правительства. Она даже пошла дальше. Она не только приняла суровый закон о печати, но решила распространить эти репрессии на преступления против собственности, против святости присяги и неуважительного отношения к закону. Денежный залог, вносимый за право издания журнала, был повышен с 48.000 на 100.000 фр. (по мысли Сосе, который внес этот реакционный

законопроект, залог следовало увеличить до 200.000 фр.), залог принимается только наличными деньгами; поручителем может выступить только тот, кто владеет имуществом стоимостью не менее $\frac{1}{3}$ вышеупомянутой суммы.

Напрасно Ройе-Коллар, основатель так называемой «доктринерской школы», стоявшей тогда у власти в лице герцога Брولли и Гизо, предостерегал на заседании палаты депутатов своих учеников от этих мероприятий. Напрасно Вильмэн, знаменитый товарищ Гизо по Сорбонне, выступил в защиту свободы печати. 9-го сентября обе палаты приняли эти предложения, известные среди современников и в истории под названием *сентябрьских законов*.

30-го января 1836 г. открылось заседание суда по делу Фьески и его единомышленников. Фьески был корсиканским бандитом, он добровольно предложил свои услуги полиции и, получив отказ, из мести совершил это покушение. Следовательно удалось его убедить, что его единомышленники намеренно положили слишком много взрывчатых веществ в стволы, чтобы он сам также был убит во время покушения и не мог их потом выдать правительству. Эта гнусная уловка имела успех, и Фьески из мести назвал других участников этого дела, седельщика Морейя, бедного, старого фанатика-якобинца, который составил план покушения, и Пепэна, владельца колонияльной лавочки, давшего деньги на это предприятие. Был арестован и Буаро, молодой подмастерье, замешанный только косвенным образом в это дело; возможно, что он даже совсем не был к нему причастен. 15 февраля 1836 г. суд пэров вынес им всем обвинительный приговор. Фьески, Морейя и Пепэн были приговорены к смертной казни, Буаро — к 20-летнему заключению в тюрьме. 19 февраля состоялась казнь осужденных.

В это время во Франции происходил министерский кризис. В министерстве Сульта-Бролли-Гизо-Тьера, которое продолжало реакционную политику Казимира Перье, умершего 16-го мая 1832 г., и выпустило позорные сентябрьские законы, происходила непрерывная борьба между Гизо и Тьером и разногласия относительно внешней политики. 22-го февраля во главе министерства стал Тьер, и 6-го сентября оно уже пало. Портфель

премьер-министра получил Моле, Гизо опять сделался министром народного просвещения. Соперничество между Моле и Гизо привело 15-го апреля 1837 г. к вторичному удалению последнего из кабинета. И Моле оставался у кормила правления до 8-го марта 1839 г. Затем следовало временное министерство, состоявшее из второстепенных политиков. 12-го мая 1839 г. образовалось министерство Сульта, в котором прежний республиканец адвокат Тест, получивший несколько лет спустя весьма печальную известность, состоял хранителем печати. 1-го марта 1840 г. во главе кабинета стал Тьер с ген. Кубьер в должности военного министра. В этом же году Тьер опять потерял портфель, и 29-го октября 1840 г. мы видим у власти уже новое министерство Сульт-Гизо, которое держало в своих руках бразды правления, частично меняясь в своем составе, вплоть до февральской революции. Наиболее влиятельным в этих различных министерствах после смерти Казимира Перье были Тьер, Гизо и Моле. Они все проводили реакционную политику, установившуюся с самого начала правления Луи-Филиппа. Тьер прикрывался легким либерализмом, Гизо был осторожен и медлителен, Моле был решителен и груб.

Законодательная деятельность этих реакционных министров, как и палаты пэров, политическая роль которой равнялась нулю, была очень ничтожна. Правительственное большинство в палате составляли чиновники, ждавшие производства в чин, фабриканты, добивавшиеся поставок в армию и флот, префекты, нуждавшиеся в правительственной поддержке, одним словом, всякого рода авантюристы и любители легкой наживы. Чтобы достигнуть такого большинства, власти пускали в ход всевозможные средства во время выборов. Особенно большое усердие в этом отношении проявил Гизо. Благодаря ему в последние годы перед февральской революцией «собрание народных представителей» (если вообще можно говорить о таковом при 200.000 избирателей) наполовину состояло из зависимых чиновников.

Проведением сентябрьских законов правительство Луи-Филиппа наложило свою тяжелую руку на республиканскую и социалистическую печать. Открылся целый ряд судебных процессов против печати, но присяжные большей частью выноси-

ли оправдательные приговоры. В случае же обвинения, суды, состоявшие из зависимых чиновников, назначали очень суровые наказания. Так, например, выходившая под редакцией Армана Марра „Tribune“ 111 раз привлекалась к судебной ответственности и 20 раз была оштрафована, в общем, *49 годами тюремного заключения* и суммой в 157.630 фр., вследствие чего после 4-х летней борьбы редакция вынуждена была прекратить издание.

Реакционное законодательство о печати, превосходившее некоторыми деталями даже ордонансы Полиньяка, сделалось в министерство Сульта-Гизо, благодаря ловким судебным толкованиям, прямо-таки невыносимым. Согласно закону о печати 1818 г., все жалобы, связанные с отправлением служебных обязанностей, подлежали суду присяжных, частные же жалобы на оскорбление—обычному суду. Суд присяжных, главным образом, обращал внимание на точное установление истины, в судебной же палате главную роль играли юридические формальности. Этот статут дальше говорит, что чиновник и вообще официальные лица должны направлять в суд присяжных жалобы на оскорбления, нанесенные им, как должностным лицам, что их вынуждало доказывать свою правоту. Ввиду господствовавшей тогда в среде бюрократии продажности, для многих чиновников это было весьма невыгодно. Поэтому, ложными толкованиями придали этому закону такой смысл, что оскорбленным в печати чиновникам предоставляется право выбора между двумя формами суда—присяжных или палаты.

Против всех этих злоупотреблений и явных нарушений закона либеральная оппозиция могла выставить только одно— требование избирательной реформы с понижением избирательного ценза и привлечением к политической деятельности передовой интеллигенции, представителей так называемых либеральных профессий, что должно было удвоить число избирателей. В этом первоначально и заключалась цель банкетной кампании, запрещение которой и дало внешний толчок к февральской революции.

Ряды республиканской партии сильно поредели от многочисленных потерь во время восстаний, но она тем не менее не сложила оружия. Напротив, она именно теперь, несмотря

на количественную убыль, развила большую энергию и решительность, стараясь использовать благоприятные на ее взгляд обстоятельства, чтобы положить конец существующему порядку вещей. Их официальные организации распались, отчасти они были распущены, отчасти их деятельность была парализована реакционным законодательством. Но уже летом

1835 г. на их место появилась тайная организация, под названием «Семья», основанная Барбесом и Бланки, работавшими тогда еще солидарно, без трений. Оба они пользовались вполне заслуженной популярностью среди трудящихся масс. «Семья» не устраивала собраний, не выпускала прокламаций, не имела никаких внешних отличительных знаков. 5 человек составля-

мерии, президент суда, прокурор, мировой судья, командир национальной гвардии и г.г. Дюбуа и Меньер. Когда приблизится момент родов, эти свидетели должны направиться в спальню принцессы, чтобы установить этот факт. Они должны спросить принцессу, беременна ли она и скоро ли она должна родить. Ее ответ или ее молчание должно быть занесено в протокол. Свидетели должны осмотреть спальню, смежные комнаты, шкафы, конторку, все выдвижные ящики и постель герцогини, чтобы убедиться, что в помещении нет новорожденного ребенка. Первый крик ребенка тоже должен быть отмечен в протоколе...»

Республиканской партии, конечно, все это было на руку. «Мне противно», писал Луи-Блан, «входить в эти подробности. Что за приказы, боже праведный! И с каким холодным, продуманным бесстыдством выполняются в точности такие приказы! Неужели Луи-Филипп не понимает, что, унижая свою племянницу, он дискредитирует принцип монархии. Неужели он не подумал о том, что оскорбительное обращение с принцессами и принцессами убивает в народе всякое уважение к королевской крови вообще, а унижение королевского дома рассеивает ореол, окружающий престол».

Но пока Луи-Филипп достиг своей цели. Политическая роль герцогини Беррийской была кончена. Когда она оправилась от родов, ее выпустили на свободу.

Как мы уже знаем, «Общество друзей народа» было распущено судебным порядком. Кроме того, его ряды сильно пополнились от холеры в апреле и мае и от уличной борьбы в июне 1832 г. Оставшиеся в живых образовали «Общество прав человека», взявшее на себя руководство республиканским движением во Франции. Правительство попыталось распустить и это общество, но потерпело неудачу. В конце 1832 г. около 20 членов этого общества были обвинены в том, что они принимали участие в заговоре с целью поднять восстание во время учрежденных правительственной властью июльских празднеств. Суд присяжных их оправдал. Центр «Общества прав человека» находился в Париже, вся Франция была покрыта сетью его отделений, распадавшихся на бесчисленное множество секций, по

20 человек в каждой. Во главе общества стояли Вуайэ д'Аржансон, Одри де-Шюйраво, Годфруа Кавеньяк, Кероози и некоторые другие менее известные республиканцы. Чтобы подорвать все возраставшее влияние этого общества, правительство внесло в палату законопроект, согласно которому впредь ни один политический союз не может быть учрежден без соответствующего правительственного разрешения, запрещалось разделение на секции, чем имели в виду предупредить нарушение нового закона о союзах. Далее, недозволенное участие в политическом союзе не должно рассматриваться, как преступление, а как простое нарушение закона, поэтому оно должно подлежать не суду присяжных, а суду исправительной полиции. Творцами этого законопроекта были Тьер и Гизо, и им удалось его провести через палату, несмотря на оппозицию легитимистов, радикалов и республиканцев. 6-го мая прошел в палате второй закон, запрещавший обывателям иметь оружие и амуницию: употребление оружия во время народных волнений наказывается смертной казнью. Тьер и Гизо этими мерами полагали вполне обеспечить существование буржуазной монархии и конституции 1830 г. Республиканцы же решились на крайнее средство, которое, как они надеялись, освободит Францию от Луи-Филиппа и его присных.

И на этот раз был неудачно выбран момент для восстания. Положение рабочих в Лионе по-прежнему оставалось невыносимым. Пререкания с предпринимателями из-за заработной платы опять вызвали беспорядки, и начатый 5-го апреля 1834 г. процесс против предполагаемых инициаторов протеста, переполнил чашу терпения лионских рабочих. «Кассы взаимопомощи» объединились с местным отделением «Общества прав человека». 9-го апреля загорелся бой перед зданием суда, где рабочим был вынесен обвинительный приговор. У народа было мало оружия, а бороться ему приходилось с сильным гарнизоном, во главе которого стоял генерал Эймар, занявший все наиболее важные в стратегическом отношении пункты города. Борьба была очень упорная и кровопролитная. Она тянулась несколько дней и кончилась полным поражением рабочих. В францисканской церкви, представлявшей собой последнюю точку опоры повстанцев, повторились ужасные сцены С-Мери.

ли «семью», глава которой один только знал их имена и поддерживал сношения с представителями центрального комитета. Все приказания передавались устно, планы на будущее не сообщались. Каждый член этой организации обязан был иметь наготове ружье и патроны и ждать сигнала к восстанию. К концу 1835 г. «Семья» насчитывала в своих рядах 1.200 человек. 13-го марта 1836 г. полиция открыла тайную пороховую и патронную фабрику, была установлена связь между рабочими этой фабрики и Бланки и Барбесом. Они были арестованы, и при этом выяснилось, что они успели организовать значительную часть парижского гарнизона. На их стороне были, между прочим, многие лейтенанты, один майор, около 30 унтер-офицеров. Их план заключался в том, чтобы в назначенный день рано утром захватить непосвященных офицеров, поднять распропагандированные линейные войска и с членами «Семьи» во главе двинуться к Тюльери. В числе организованных унтер-офицеров был и знаменитый *Мартен Бернар*. Следствие против революционной части гарнизона было приостановлено, чтобы не возбуждать в обществе сомнений в политической благонадежности армии, ограничились только тем, что распределили эти опасные элементы по африканским полкам. Барбес и Бланки были освобождены из тюрьмы в силу амнистии по поводу бракосочетания герцога Орлеанского 30-го мая 1837 г.

Несмотря на всеобщую апатию, охватившую весь французский народ, революционеры все-таки надеялись сильным, неожиданным натиском боевых элементов страны на реакционное правительство заставить встряхнуться прогрессивные слои Франции. Уже в июне 1837 г. появилось вместо распавшейся «Семьи» новое общество—«Времена года» с социалистической окраской. Цель этой новой организации можно формулировать двумя словами: «уничтожение аристократии». Здесь речь идет не о родовой аристократии, которая со времени июльской революции потеряла свое доминирующее влияние на общественную жизнь Франции, а о денежной аристократии, т.е. банкирах, подрядчиках, монополистах, крупных землевладельцах, одним словом, всякого рода эксплуататорах и паразитах, живущих на счет народа. Добиться этого они

надеялись «социальной и радикальной революцией», которая должна была свестись к уничтожению всех привилегий собственности, рождения и установлению в социальной жизни принципа равенства ¹⁾. Это был один из самых замечательных заговоров, какие только знает история. Он был так конспиративно обставлен, что все подготовительные работы были вполне уже закончены, а полиция, во главе которой стоял ловкий префект Жиске, не имела о нем ни малейшего представления. (Как потом выяснилось, полиция узнала через своих агентов, что затевается какой-то заговор, но ей не удалось получить в свои руки нити организации, чтобы неожиданным набегом расстроить планы революционеров). Организационная сторона этого дела была поставлена мастерски. 6 человек составляли «неделю», во главе которой стояло «воскресенье»; 28 человек составляли «месяц» под начальством «июля». 84 человека представляли собой «время года» под руководством «весны»; 352 человека—«год» или батальон, с командиром под названием «революционного агента». Каждый член организации знал только свое непосредственное начальство. Имена заменялись номерами, никаких записей не велось, к письму прибегали только в крайних случаях. Смотры производились на площадях, но были обставлены так, что только руководители знали своих подчиненных, последние же не имели никакого представления друг о друге. Центральный комитет мог, не предупредив даже батальоны, в последний момент раздать оружие и превратить смотр в восстание. В начале 1839 г. это общество насчитывало 10 «времен года», т.е. 2¹/₂ «года» или батальона, в общем 850 человек. Это представляло собой ядро революционной армии, к которой во время восстания должны были примкнуть тысячи народу, как это всегда бывает в таких

¹⁾ Другими словами, социализм этого радикального заговора носит мелко-буржуазный характер. Он отражал содержание борьбы промышленных классов с господствовавшей финансовой аристократией и ее привилегиями. Эта борьба красной нитью проходит через всю эпоху буржуазной монархии и накладывает на нее свой специфический отпечаток. При тогдашней степени экономического развития страны социализм не был, да и не мог еще быть продуктом классовых противоречий между трудом и капиталом.

случаях. Во главе всей этой организации стояли Бланки, Барбес и уволенный с военной службы Мартен Бернар.

На 12-е мая 1839 г. был назначен смотр членам «времен года», который Центральный комитет решил превратить в восстание. В этот день происходили бега на Лоншан и туда собралась большая часть гарнизона, много национальных гвардейцев, полицейский префект и большинство высшей бюрократии. Заговорщикам удалось овладеть ратушей и учредить временное правительство, выбравшее Бланки главнокомандующим. Но, увы! народная масса относилась спокойно и безучастно к этому событию. С другой стороны, парижскому коменданту удалось сейчас же, как он примчался в город, составить колонну из национальной гвардии и войска, а затем при помощи подоспевшего подкрепления выбить заговорщиков из ратуши. На скорую руку построенные баррикады были разрушены войсками, и повстанцы рассеяны. В 10 часов вечера движение было уже совершенно подавлено; тяжело раненые Барбес и Мартен Бернар были взяты в плен. 15-го июля суд пэров приговорил последнего к смертной казни, первого к ссылке, а 13 участников восстания к тюремному заключению. Бланки, арестованный только 14-го октября, был в январе 1840 г. приговорен к смертной казни, 29 других заговорщиков — к тюремному заключению. Смертные приговоры были отменены королем. Большую часть заключенных поместили в тюремное подземелье старого монастыря Мон Мишель на морском берегу Нормандии, откуда Бланки и Барбес были насильно освобождены своими отважными единомышленниками во время февральской революции.

Революционное политическое движение было парализовано на долгие годы, но зато перед существующим общественным укладом вырос новый, быть может, не менее грозный враг, социальный вопрос. За все время господства буржуазной монархии почти не прекращалась борьба между мастерами и подмастерьями, фабрикантами и фабричными рабочими из-за заработной платы. Тяжелая экономическая зависимость наемных рабочих от предпринимателей определялась существовавшим законодательством, обеспечивавшим интересы только одного класса общества, буржуазии, совершенно игнорируя

нужды и потребности другой заинтересованной стороны, пролетариата. Положение рабочих делалось прямо невыносимым вследствие того, что многие фабриканты творили разные злоупотребления, не считаясь даже с этим, исключительно в их интересах созданным, законодательством. Правительство не принимало никаких мер против этих злоупотреблений и не допускало мысли о каких-либо социальных реформах.

Даниэль Штерн рассказывает, что вся заботливость о трудящихся классах правительства Луи-Филиппа исчерпывается тремя циркулярами, касавшимися призрения бедных, но и они остались под спудом.

Луи-Филипп полагал, что подкупом можно убить в людях все благородное, если же это не удастся, то надо пускать в ход силу, строгие наказания, и тогда замолчат самые строптивые. До 22-го февраля 1848 г. в правительственных кругах с презрительным смехом отзывались о социализме и организации труда. Пропасть между трудом и капиталом обнаруживалась все явственнее, правительство же делало вид, что не знает даже о существовании классовых противоречий. Ни правительство, ни палата не считались ни с чем, выходящим за пределы так называемой «легальной страны», т.-е. самой же палаты и тесного круга (200.000) избирателей. Это ослепление было настолько сильно, что правительственное большинство разразилось насмешливым хохотом, когда в 1845 г. рабочие, изнемогая под гнетом нужды, подали *petition du travail* (просьба доставить им работу) в палату с очень скромными, в покорном тоне изложенными требованиями. Тогда Гизо, давший крупной буржуазии лозунг: «Обогащайтесь!» произнес с парламентской трибуны характерные слова: «Мы имеем могущественную, единственно верную гарантию против капризов бедных классов в труде, в неизбежной необходимости работать». Он видел в труде бич, при помощи которого можно заставить народ покорно сносить ярмо, навьюченное на него привилегированными классами. Еще раньше, когда обсуждался вопрос о налоге на сахар, и депутат Гогье указал на крайне тяжелое положение занятых на свеклосахарных заводах рабочих, парламентское большинство прервало его бурным хохотом и президент палаты Сосе ему заметил: «Мы заседаем здесь для того,

чтобы издавать законы, а не для того, чтобы доставлять народу работу» ¹⁾).

Точно такой же прием, как Гогье, встречали со стороны ослепленного своими узко-классовыми интересами парламентского большинства и другие ораторы оппозиции, как, например, знаменитый математик Франсуа Араго, когда они осмеливались коснуться социального вопроса и указать на необходимость новых социальных учреждений, социального законодательства, соответствующего ходу развития промышленности.

Между тем, положение трудящихся масс стало еще более бедственным, чем до 1789 г. Если правительство и не обращало внимания на нужды и потребности рабочего люда, то нашлось много лиц, вращающихся в правительственных сферах, которые старались исследовать всю глубину многих социальных зол. Особенно интересовалась этими вопросами академия госу-

¹⁾ Эти грубые слова представляли собой неуклюжую форму, служившую в сущности ответом не на адрес рабочих, а отказом на претензии свеклосахарных заводчиков в таможенной защите против тростникового сахара. Неудивительно, что заинтересованные в свеклосахарном производстве говорили о нуждах рабочих, имея в виду интересы предпринимателей, но характерно для экономического развития Франции при буржуазной монархии, что лозунг протекционистов в палате нашел живой отклик в рядах внепарламентской демократии и социалистов этой эпохи. Крайние протекционисты, действительно, составляли в палате цвет радикальной оппозиции против Гизо. Еще Гейне писал в 1843 г.: „Противники тростникового сахара в палате были или предприниматели, непосредственно заинтересованные в этом вопросе, или старые отжившие бонапартисты, благоговейно поддерживавшие свеклосахарное производство, к которому это последнее было любимой идеей императора („Франц. дела“, письмо 51). Фабрикант Гранден из Руана, выступавший всегда в парламенте с жестокими нападками против Гизо, после февральской революции проявился в учредительном и законодательном национальном собрании в качестве „фанатического орудия буржуазной реакции“ (К. Маркс, „Классовая борьба во Франции 1848—1850“, стр. 21). Эта неожиданная перемена объясняется, по мнению Маркса, относительной слабостью промышленной буржуазии в эту эпоху. Дальше он указывает на пестрый состав оппозиции и замечает, что нельзя принимать за звонкую монету все лозунги, которые она выставляла. Грандена многие осуждали за то, что он выступил в защиту определенных групп буржуазии, а не за то, что он вообще стал идеологом буржуазии.

дарственных наук. В ее уставе от 25-го октября 1795 г. имелся параграф, предписывавший ей «ежегодно посылать своих членов по одиночке или группами для раз'ездов по французским департаментам, чтобы ознакомиться с различными сторонами жизни французского народа. В круг их исследований не должно только входить земледелие». Ионское восстание побудило академию командировать двух своих членов Бенуастон-де-Шатоней и д-ра Вилерме с известными инструкциями, чтобы собрать по возможности точные сведения о положении рабочих во всех департаментах Франции. Доктор Вилерме сумел сойтись с рабочими и, пользуясь их полным доверием, узнать их жизнь, быт и настроение. Его доклад был весьма неприятным сюрпризом для крупной буржуазии, в тиши обделивавшей свои делишки, утопая в роскоши. Французское общество впервые узнало из этого доклада, какое громадное значение приобрела промышленность в стране, как она резко изменила направление французской революции, выдвинув на первый план производственные отношения, заслонившие чисто политические вопросы. Он показал, как развитие промышленности страдало на всех сторонах общественной жизни, став социальным фактором первостепенной важности. Не скрыл доктор Вилерме и того факта, что те, которые создали эту промышленность, живут в нужде и бедности, и набросал яркую картину жизни рабочих, полной горя и страданий. Буржуазия читала его потрясающие описания и делала вид, что не понимает, кто является истинным виновником этих ужасов. Рабочие же, разбуженные от долгого сна этим докладом, только теперь ясно сознали свое классовое положение и поняли, что дальше жить так нельзя—необходимы серьезные преобразования во всем общественном укладе, а этого можно добиться только путем социального переворота.

* *

Здесь будет не лишним отметить, как развивалась экономическая жизнь Франции при буржуазной монархии.

Франция занимала в эту эпоху площадь в 53 миллиона гектаров (114 гектаров = 1 кв. версте), из которых 50 миллионов подлежало обложению податями. Вся площадь распадалась на

11 миллионов участков; из них $\frac{3}{5}$ было покрыто лесами, а 4.200.000 поземельных участков обрабатывались. Число крупных землевладельцев, владевших более 140 гектаров, равнялось приблизительно 100.000, средних собственников, имевших средним числом по 35 гект., было 350.000, крестьян с владением в среднем по 5 гект.—3.750.000 чел. Таким образом, последние имели столько земли, сколько едва хватает при благоприятных условиях для прокормления семьи в 4—5 чел. Следует заметить, что к этому классу относились 1.250.000 мелких собственников-крестьян, всего владевших не более, чем 2 гект. земли.

Поземельный налог давал казне ежегодный доход в 300 миллионов франков, налог на окна и двери—40 миллионов, непомерно высокий государственный сбор при переходе имущества из одних рук в другие—220 миллионов. Таким образом, ежегодно взималось в пользу государства с земельной собственности 560 миллионов, т.е. почти половина всех государственных доходов, другими словами, земля отдавала казне больше $\frac{1}{3}$ своего чистого дохода ($1\frac{1}{2}$ миллиарда). Столько же приходилось землевладельцам платить в форме ежегодных $\frac{1}{2}\%$, так как над земельной собственностью тяготел ипотечный 5% долг в 11 миллиардов. Если к этому прибавить, что многим крестьянам приходилось прибегать к ростовщикам, за временными займами, то ясно станет, что французский крестьянин, получая едва $\frac{1}{3}$ своего чистого дохода (а иногда и того меньше), бедствовал не меньше, чем накануне великой революции. Вследствие хронического недоедания, здоровье народа так пошатнулось, что во многих департаментах половина рекрутов забраковывалась, как неспособная к отбыванию военной службы.

Особенно тяжелым было положение виноделов (2.500.000 человек), возделывавших в общем 2 миллиона гектаров земли под виноградники и добывавших ежегодно ок. 700 милл. франков. Каждый неурожай грозил подорвать в корне маленькое хозяйство винодела и заставлял его постоянно влезать в долги.

Но, главным образом, виноделие страдало от тогдашней налоговой системы. Цены низших сортов вина были настолько повышены государственным и питейным сбором, что их трудно было сбывать. Экспорт более дорогих сортов вина за границу встречал затруднения в высоких вывозных пошлинах, особен-

но со стороны Англии. Дело в том, что французское правительство почти запретило ввоз английских мануфактурных товаров, и Англия со своей стороны сочла себя вынужденной для компенсации наложить высокие пошлины на французское сырье. Парламентское большинство, состоявшее из представителей крупной промышленности, финансовой аристократии и бюрократии, за все 18 лет палец о палец не ударило, чтоб хоть несколько облегчить бремя налогов, падающих на виноделие и земледелие ¹⁾.

Излюбленным детищем июльской монархии была крупная промышленность. Во имя интересов своих 200.000 богатых избирателей, правительство оградило французскую промышленность от иностранной конкуренции целой стеной ввозных пошлин, принося им в жертву нужды и потребности всего населения, всех французских потребителей. И промышленная буржуазия прекрасно понимала свое значение в правительственных сферах и умела этим пользоваться. «Ни одно общество не может обойтись без аристократии, в ней нуждается всякое правительство. Знаете ли вы, кто играет эту роль при июльской монархии? Крупная промышленная буржуазия, она является феодальной аристократией новой династии». Так

¹⁾ См. „Классовую борьбу во Франции“, стр. 88 и 89, где подробно описан рост задолженности крестьянства со времени великой революции, передавшей им земли в свободное владение. В конце там сказано: „Случилось так, что французский крестьянин в виде ли $\frac{1}{2}\%$ за ипотечные займы, в форме ли $\frac{1}{2}\%$ разным ростовщикам уступал капиталистам не только весь чистый доход со своей земли, но даже часть своей заработной платы, так что фактически его экономическое положение было не лучше ирландского арендатора. Такой ценой французский крестьянин платил за сомнительное преимущество считаться собственником“.

„Процесс разорения широких слоев крестьянства ускорялся все возрастающей тяжестью налогов и судебными издержками. Последнее обуславливалось: 1) большими формальностями, какими французское законодательство обставило земельную собственность, 2) бесчисленными конфликтами из-за чересполосицы маленьких разрозненных хозяйств, 3) сильно развившимся в среде крестьянства сутяжничеством. Фанатически привязанные к своим убогим клочкам земли, французские крестьяне старались всеми силами отстоять свои права на собственность“. (Маркс, там же.)

воскликнул Жобер, владелец доменных печей, во время таможенных дебатов в 1836 г. После, в министерстве-Тьера (последний был еще большим протекционистом, чем Жобер) он сделался министром общественных работ, затем—графом и паром Франции, но все-таки оставался владельцем доменных печей. Вот эта-то промышленная буржуазия вкупе с примыкающей к ней финансовой аристократией всегда—и с большим успехом—навязывала свою волю правительству Луи-Филиппа при решении законодательных вопросов, касающихся промышленности, торговли и финансов, а все их стремления, как они сами неоднократно с циничной откровенностью заявляли, сводились к тому, чтобы потуже набить свой карман.

Поэтому неудивительно, что французская промышленность достигла небывалого расцвета, что вывоз французских фабрикаторов возрос от 455 миллионов в 1830 г. до 890 миллионов в 1847 г., что предприниматели сильно разбогатели и вложенный ими в промышленность капитал увеличился с 30 миллиардов в 1830 г. до 45 миллиардов в конце правления Луи-Филиппа.

Не следует, однако, закрывать глаза и на обратную сторону медали. Параллельно с ростом промышленности развивалась и спекуляция. Резкие колебания в курсе государственных бумаг создавали возможность быстрого обогащения, и закон 1832 г. сильно способствовал биржевой игре, постепенно проникшей во все слои буржуазного общества. На сцену выступил естественный спутник промышленного расцвета—дутые предприятия. Появилось бесчисленное множество анонимных акционерных компаний, т. е. обществ без личной ответственности отдельных представителей, с проектами грандиозных строительных предприятий, переселения избытка населения в колонии, с фантастическими планами разработки различных горных пород и т. д. Доверчивый обыватель отдавал свои последние сбережения, привлекаемый высоким % и часто первоначально большими дивидендами. Представители высшей бюрократии, маршалы и генералы, для виду принимали участие в этих подчас заведомо мошеннических, дутых предприятиях, чтобы авторитетом своего имени внушить доверие более осторожным людям.

и заставить их решиться на покупку акций этих обществ, соблазняясь перспективой крупных дивидендов.

Эта спекулятивная горячка достигла своего кульминационного пункта в 40-х годах, благодаря законам 1840 и 1842 г. г. о железнодорожном строительстве, которые ввели в этой области новый принцип,—гарантию процентов государственным казначейством. Это мероприятие вызвало большое оживление не только в области железнодорожного строительства, но и среди спекулянтов. Последние основывали целый ряд железнодорожных обществ, назначали себе в качестве «членов управления» крупные оклады, выпускали в обращение массу квитанций (долженствовавших временно—впредь до получения концессий—играть роль акций), продавали их и затем исчезали с горизонта, а общество, не приступившее даже к постройке железной дороги, объявлялось банкротом. Эти финансовые плутни приняли такие размеры, что правительство вынуждено было законом от 15-го июля 1845 года запретить торговлю этими квитанциями.

Безумное увлечение бумагами этих акционерных компаний охватило всю Францию. Мужчины и женщины, жившие своими сбережениями, лавочники и ремесленники, чиновники, врачи, адвокаты, торговцы, арендаторы и землевладельцы были поглощены одной мыслью—накупить железнодорожных акций или поспекулировать на них. И это длилось долгие годы, пока разразившийся перед революцией крах не положил этому конец.

* * *

Между тем произошло одно совершенно неожиданное событие. Герцог Орлеанский, старший сын короля и предполагаемый наследник престола, 13-го июля 1842 года ехал из Парижа в Нейли. Когда он проезжал Елисейские поля, лошади испугались, кучер не мог их сдерживать, герцог выскочил из коляски, упал без чувств на землю и, не приходя в сознание, умер 4 часа спустя от сотрясения мозга.

Хотя народ относился совершенно равнодушно к судьбе королевского дома и почти совсем не знал наследника престола так же, как и его братьев, но в данном случае взяло верх

чисто человеческое чувство, сострадание к семье, которую постигло такое несчастье. Это настроение еще в большей степени проявилось в парламентских кругах, сочувствие к королю заглушило на время оппозиционный дух, утихла и партийная борьба.

В 30-х г.г. выделилась в парламенте так называемая «династическая оппозиция», во главе которой стояли Дювержье д'Оран и Одилон Барро. Эта группа хотела сохранить буржуазную монархию, но требовала конституционных гарантий для более свободного проявления общественных сил страны.

После смерти герцога Орлеанского наследником французского престола стал малолетний ребенок, и, так как король был уже очень стар, то можно было ожидать, что власть скоро перейдет в руки регента. В силу этих соображений династическая оппозиция решила, что политическая мудрость и чувство политического самосохранения требуют, чтобы она отказалась от своей враждебной позиции по отношению к правительству Луи-Филиппа. Эта группа не возбуждала некоторое время в палате кое-каких второстепенных вопросов, недвусмысленно показывая правительству, что желает примирения с ним. Но последнее не пошло навстречу этим возжеланиям, стараясь только использовать в своих интересах эту перемену в тактике «династической оппозиции». Такова была политическая атмосфера Франции, когда разразился давно ожидаемый кризис.

Ближайшей его причиной был плохой урожай 1846 года, влияние которого было бы смягчено своевременными мероприятиями правительства. Напрасно купечество больших приморских городов в свое время указывало, что стране грозит голод и требовало свободного ввоза зерна. Министр торговли Кюнен-Гриден обратился с запросом о состоянии урожая к префектам и суб-префектам, а затем на основании этих докладов, составленных в тоне господствующего протекционизма, он 16-го ноября 1846 г. опубликовал официальное разъяснение с указанием, что хлебных запасов имеется в достаточном количестве и нет никаких оснований для уничтожения или понижения хлебных пошлин.

Благодаря недостатку хлебных запасов цены поднялись так высоко, что к концу того же года Кюнен-Гриден счел себя

вынужденным разрешить беспошлинный ввоз иностранного хлеба, но было уже поздно. Русские гавани Черного и Азовского морей, которые могли снабдить южную и среднюю Францию, главным образом пострадавшую от неурожая, недостаточным количеством хлеба, были уже покрыты льдом и почти недоступны для кораблей. Кроме того, чрезмерная спекуляция бумагами железнодорожных обществ и разных промышленных компаний вызвала на денежном рынке большую нужду в звонкой монете, что также неблагоприятно отражалось на хлебном импорте. Французский банк, всегда поддерживавший такого рода операции, теперь сам находился накануне банкротства. Для покрытия своих 368 милл. франков текущих долгов в кассе банка имелось только 71 милл. золота. От краха французский банк был спасен императором Николаем, который купил на 50 милл. рублей французских 5% бумаг по очень выгодному для банка курсу—115,75.

Наступивший голод вызвал волнение во всей Франции. Уже в январе 1847 г. начались грабежи хлебных складов и булочных. Толпы голодающего народа ходили из деревни в деревню и вымогали у более зажиточных крестьян хлеб. В Ренне и Нанси дело дошло до кровавых схваток, были разграблены товарные склады и корабли. В Бузансе были убиты возбужденной толпой два богатых землевладельца, известных в народе, как хлебные ростовщики; за это убийство были казнены 5 человек. Только в Париже муниципалитет пришел на помощь голодающим: он ассигновал несколько миллионов франков на приплату пекарям, и те выдавали в течение 7 месяцев нуждающимся 4-х фунтовые караваи хлеба по 80 сантимов.

Дороговизна и голод вызвали застой в торговле, а затем и торговый кризис. Все бумаги, наводнившие Францию, пали в курсе, банкротства следовали за банкротствами, средние и мелкие буржуа дорого заплатились за свои коммерческие увлечения, от которых выиграли разные авантюристы и поставители финансовой и промышленной аристократии. Они вынуждены были за бесценок продать свои акции. Крупная буржуазия, которая во время кризиса только одна пользовалась доверием кредитных учреждений, скупала эти акции и, таким

образом, удвоила свои богатства. Для нее ужасный 1847 г. был счастливым годом.

В 1846 г. происходили выборы в палату. Народ относился к ним еще более безучастно, чем к предыдущим выборам. Население привыкло к тому, что правительство для обеспечения себе большинства в парламенте прибегает к самым предосудительным средствам—обещаниям выгодных казенных поставок, должностей и разных отличий, оно привыкло к тому, что правительство сделало подкуп главным двигателем всей общественной жизни. Когда же теперь, во время кризиса, средняя и мелкая буржуазия была отстранена от участия в дележе общественного пирога, она начала искать выхода для своей злобы, и слово «подкуп» сделалось модным.

Еще с 1838 г. имели место различные скандальные процессы; в этом же году были осуждены за взяточничество члены парижской префектуры, при чем выяснилось, что полицейский префект Жиско устраивал своим родственникам, а особенно своей «приятельнице» весьма выгодные концессии. 30-го августа 1838 г. ген. Броссар был привлечен к ответственности за казнокрадство и в свое оправдание мог привести только то, что его обвинитель, маршал Бюжо, в бытность свою главнокомандующим в Африке получил взятку в 100.000 фр. от Абдель Кадера за невыгодный для Франции договор.

Сильно развившаяся биржевая игра и спекулятивные плутни вызвали в 1839—40 г.г. целый ряд скандальных процессов о мошенничестве, и теперь в 1847 г. повторилось то же самое с той только разницей, что перед судом фигурировали в качестве обвиняемых более высокопоставленные лица. Общество узнало, что маршал Султ уступил за деньги свой портфель военного министра генералу Трезелю, что новый министр финансов Дюмон—завзятый биржевой игрок, и что взятки играют очень крупную роль при решении государственных дел. Эти злоупотребления не дошли до суда, зато был обнаружен целый ряд хищений в морском и военном ведомстве. Арсеналы были подвергнуты строгому контролю, и выяснились крупные расхищения в провиантских магазинах Тулона, Бреста и Рошфора. Арсеналы Шербурга и Мурильона сгорели, и общественное мнение обвиняло бесчестных чиновников в том, что они сами

сожгли эти здания, чтобы скрыть следы своих преступлений. В одном парижском хлебном магазине военного ведомства оказался после смерти его заведующего дефицит в 140.000 п. При этом выяснилось, что один мелкий чиновник еще за 10 лет перед тем указал на проделки этого чиновника, за что был без суда и следствия удален с должности, как клеветник, и умер в бедности.

В 1839 г., когда гриондерство было в полном разгаре, генерал Кюбьер, получивший в марте 1840 г. портфель военного министра, сделался акционером одной горнопромышленной компании. Он пустил в ход всю силу своего влияния и все виды подкупа, чтобы добиться выгодной концессии для своего общества. Между прочим, он дал взятку в 100.000 фр. своему бывшему товарищу по министерству, министру общественных работ Тесту, который в это время сделался президентом кассационной палаты, высшего суда в стране. Эта история раскрылась, дело уже нельзя было замять, и в июле 1847 г. они оба предстали перед судом пэров. 10 дней тянулось судебное разбирательство, державшее в лихорадочном напряжении всю Францию, и оба присуждены были к лишению гражданских прав, денежному штрафу, а Тест, кроме того, к тюремному заключению на 3 года.

Вслед за этим процессом потянулся еще целый ряд аналогичных процессов о взяточничестве, закончившихся осуждением более или менее видных должностных лиц, что указывало на полное разложение господствующей правительственной системы.

В то время, как правительство и бюрократия, игравшие на руку крупной буржуазии, с каждым днем все больше теряли кредит в стране, высшая родовая аристократия скомпрометировала себя ужасными преступлениями, наделавшими много шума в обществе. Герцог Шуазель-Праслен, пэр Франции и глава одной из самых древних дворянских фамилий, женатый с 1825 г. на дочери генерала Себастьяни (который выдвинулся при Наполеоне, а затем стал перебежчиком в лагерь орлеанистов), после упорной борьбы, зверским образом убил свою жену, мать 9 детей. Сперва он пробовал отрицать свою вину, несмотря на то, что все улики были против него; убедившись,

что эта уловка ему не удастся, он покончил самоубийством.

В таком положении находилась Франция накануне революции 1848 г. Но прежде, чем перейти к изложению событий, непосредственно вызвавших революционный взрыв, необходимо ознакомить читателей с крайне интересным умственным течением этой эпохи, утопическим социализмом, предшествующим научному социализму.

V.

Социализм в эпоху буржуазной монархии.

Проекты преобразования существующего общественного порядка. Бабеф и „заговор равных“. Буонаротти и демократические карбонарии. С.-Симон и с.-симонисты. Социальная рабочая поэзия. Фурье и фурьеристы. Виктор Консидеран. Кабе и Путешествие в Икарию. Переселение икарийцев. Луи Блан и организация труда. Прудон и его учение. Социальная теория философа Пьера Леру. Ламенне и религиозный коммунизм. Бюше и его христианско-социальное мировоззрение. Бюше и идея рабочих ассоциаций. „Atelier“, первая рабочая газета. Отражение социалистических течений в художественной литературе. Жорж Занд. Евгений Сю. Беранже. Альфред де Мюссе. Феликс Пиа. Компетентное мнение об утопическом социализме.

Социальное движение обездоленных народных масс, проявившееся во время Великой революции в энергичном требовании «хлеба», заглохло при Империи и Реставрации; при буржуазной монархии оно выразилось в форме рабочего вопроса о заработной плате. Это общественное движение еще при Реставрации делалось предметом научных исследований, которым удалось выработки философско-экономических теорий и систем подготовить почву для решения социального вопроса.

Мысль о необходимости преобразования существующего общественного порядка еще задолго перед этой эпохой занимала передовые умы человечества. Еще *Томас Мор*, *Кампанелла* и др. пытались изложить свои взгляды по этому вопросу в форме утопий, но они не имели никакого практического значения, потому что невозможно одним смелым скачком перепрыгнуть через все ступени, по которым человечество, последовательно и преодолевая большие препятствия, идет к полному развитию всех скрытых в нем общественных сил.

Во время великой революции эти идеи приняли несколько осязательную форму. Были провозглашены права человека, и,

таким образом, установлен принцип равенства всех людей. Но при этом больше руководствовались *чувством*, чем ясной, строго продуманной целью, почему этот принцип и остался только на бумаге. В действительности новое законодательство, провозгласив принцип личной свободы, т.-е. предоставив каждому его собственной судьбе, без гарантий на средства к существованию, способствовало развитию классовых противоречий. Оно углубило и расширило экономическую зависимость рабочих от владельцев орудий производства и капитала.

Лучше всех это понял *Гракс Бабеф*, один из самых благородных народных борцов великой революции, выступивший с программой насильственного преобразования существующего общественного уклада. Природа, говорил он, наделила всех одинаковыми правами на пользование всеми духовными и материальными благами. Цель общества заключается в том, что-

бы отстаивать это равенство, оспариваемое злыми и сильными мира сего, и общими усилиями увеличивать эти блага. Труд обязателен для всех, и никто не имеет права отказаться от этой обязанности. Как труд, так и плоды человеческого труда должны быть равномерно распределены между всеми. Несправедливо, чтобы один работал до истощения сил, испытывая во всем недостаток, в то время как другие, ничего не производя, утопают в роскоши. Никто не имеет права присваивать исключительно в свою пользу продукты земледелия или промышленности. В благоустроенном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных. Цель революции заключается в уничтожении неравенства и восстановлении общего благосостояния. Дело революции еще не закончено, потому что в руках богатых находятся пока все материальные и духовные блага и государственная власть, в то время как бедные работают, как вьючные животные, терпят крайнюю нужду и не играют никакой роли в государстве.

Для проведения в жизнь своей программы Бабеф образовал революционный комитет, в состав которого вошли следующие лица: *Дарте*, тяжело раненный при взятии Бастилии правовед и бывший чиновник во время директории, *Филиппо Буонаротти*, тосканский изгнанник, получивший от конвента права французского гражданина, *Жюльен де ла Дром*, бывший член конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI, и *Фонтенель*. Этот комитет задался целью подготовить восстание с целью добиться восстановления демократической конституции 1793 г. Заговорщикам удалось привлечь к своему предприятию тысячи смелых и преданных приверженцев. По мнению Буонаротти, их общее количество достигало 17 000, но эта цифра не совсем точна, в действительности их было меньше. Но вскоре в рядах заговорщиков оказался предатель, капитан Гризель, один из военных руководителей предполагаемого восстания. Он отправился к Карно, исполнявшему тогда обязанности президента исполнительной комиссии директории, и сообщил ему весь план с именами главных руководителей, которых он успел узнать. 10-го мая 1796 г. были арестованы Бабеф, Дарте, Буонаротти и некоторые другие. Сделанная 9-го сентября попытка к восстанию была быстро

подавлена; 31 человек были расстреляны по приговору военного суда, многие были приговорены к ссылке и тюремному заключению. Арестованные руководители были незаконно преданы состоявшемуся в Вандоме высшему уголовному суду, и после 3-х месячного судебного разбирательства им были вынесены следующие приговоры: Бабефу и Дарте смертная казнь, которая и была совершена над ними на следующий день, Буонаротти и другим ссылка.

Те из участников этого заговора, которые избежали смерти, остались до конца своей жизни верными своим убеждениям. Буонаротти, освобожденный в 1815 г., опубликовал в Брюсселе в 1828 г. свою книгу «Историю так называемого заговора Бабефа во имя равенства». После июльской революции он вернулся в Париж и начал здесь проповедывать свои коммунистические взгляды. Его пламенная проповедь встретила живой отклик в парижском населении, особенно среди ремесленников, и он вскоре организовал тайный союз под названием «демократических карбонариев»¹⁾, насчитывавший много приверженцев и имевший свои разветвления даже в Германии. Буонаротти, стоявший во главе этого союза, пользовался громадным влиянием на революционные партии и служил посредником между французскими и итальянскими карбонариями. Он был против революционных вспышек в той форме, в какой проектировали их во Франции «Общество прав человека», в Италии Мадзини, и исход этих предприятий показал, что он был прав. Буонаротти умер в 1837 г., 77 лет от роду, глубоко оплакиваемый своими приверженцами. Основанные им тайные общества, во главе которых стал Бланки, позаботились о том, чтобы разбуженная им социалистическая мысль не заглохла. Его социалистический идеал был потом разработан К. Марксом в великую научную теорию.

На ряду с коммунистами из школы Буонаротти, исподволь подготавливавшими пролетарскую революцию, существовали во Франции еще два социалистических союза, сен-симонистов и фурьеристов.

¹⁾ Не нужно смешивать с союзом французских карбонариев, основанным Бюше, Флотаром и Базаром.

Сен-Симон, родившийся в 1760 г., происходил из старинной дворянской семьи. Он первый понял все историческое значение современной индустриальной промышленности и выдвинутых ею общественных задач. Еще в конце XVIII века он предсказывал, что грядущее столетие принесет с собою социальный переворот, чтобы сломать силу капитала, занявшего место отодвинутого на второй план феодализма. Он считал труд основой существования человеческого общежития, пори-

пал праздность и указал миру на необходимость заняться социальными вопросами. Он обогатил политическую экономию и финансовое право новыми идеями и выставил на первый план преследуемый законом принцип рабочих ассоциаций, как необходимое условие всякого социального прогресса. Он первый обратил серьезное внимание на справедливые требования ра-

бочих, для которых он вообще отводил первое место в государстве ¹⁾. Внимательное изучение внутренней истории Франции, говорит С.-Симон, приводит непредубежденного исследователя к тому заключению, что трудящиеся классы приобретают в государстве все больше значения в то время, как другие классы его теряют, так что естественно наступит такой момент, когда общественные классы, занятые наиболее производительным трудом, будут играть первенствующую роль в государстве. Общество подобно человеку, оно нуждается в руководстве до тех пор, пока не достигнет периода зрелости. Как только оно сделало известные успехи в науках и промышленности, всякая государственная власть является излишней. Его существование может быть вполне обеспечено соответствующей административной и промышленной системой. В разработке этой системы Сен-Симон видел главную задачу XIX-го столетия. В «Новом христианстве», своем последнем и самом важном труде, он говорит: «Все социальные учреждения нашего столетия должны способствовать физическому и моральному улучшению наиболее многочисленных и обездоленных общественных классов».

Сен-Симон не пытался разработать подробный план разрешения социального вопроса. Несмотря на всю глубину и смелость его критики существующих общественных отношений, он со свойственной ему скромностью всегда заявлял, что научное обоснование социальной проблемы он предоставляет специалисту, для которого его труды будут служить только подготовительным материалом. Эту великую задачу и выполнил К. Маркс, который нашел, что искание плана—вообще бесполезный труд. Наука может только определить творческие силы данного общества, путь прогрессивного развития, по которому оно идет, и на основании этого материала можно ускорить освобождение скрытых в недрах существующей общественной формации прогрессивных элементов.

¹⁾ Следует заметить, что в первых трудах С.-Симона, сообразно с тогдашним состоянием промышленности, под словом „рабочий“ подразумевались все занятые в производстве лица—как предприниматели, так и наемные рабочие.

В молодости С.-Симон служил солдатом и сражался под начальством Вашингтона за независимость Соединенных Штатов. В политической борьбе времен первой революции он не принимал участия, так как его привлекала к себе другая, по его мнению, более высокая цель: роль общественного реформатора. Он очень усердно занимался науками, много путешествовал, стараясь непосредственно изучить жизнь во всех ее проявлениях. Долгое время его литературные труды не имели успеха; только в 1819 г., когда он потерял все свое состояние и испытал все ужасы нищеты, ему удалось привлечь общественное внимание к своей брошюре «Парабола». В этой брошюре он резким примером старается доказать всю несостоятельность существующих общественных учреждений. Предположим, говорит он, что Франция вдруг потеряет 50 самых даровитых ученых, 50 самых талантливых художников и поэтов, 50 наиболее способных предпринимателей и т. д., в общем, около 3.000 самых выдающихся деятелей на различных поприщах,—страна уподобится телу, из которого вынули душу, и только спустя целое поколение она поправит эту потерю. Предположим теперь, что вместо этих людей Франция вдруг лишится всех своих принцев и принцесс, высших государственных чиновников, министров, советников, судей, маршалов, епископов и, кроме того, 10.000 самых крупных собственников,—великодушные французы, хотя и будут оплакивать гибель 30.000 человек, на которых они привыкли смотреть, как на самых полезных в государстве, но никакого существенного ущерба для себя они от этой потери испытывать не будут. В правительственных сферах мысль о том, что смерть королевской семьи может быть менее чувствительной для Франции, чем смерть какого-нибудь влиятельного предпринимателя, показалась такой кощунственной, что С.-Симон был привлечен к судебной ответственности, но суд присяжных его оправдал.

Сен-Симон служил в это время переписчиком в ломбарде, получая 1.000 франков в год жалованья. Он написал затем еще несколько книг. Основная его точка зрения может быть выражена его главным положением: «Каждому по его способностям, каждой способности—по ее делам». Он так бедствовал,

что свои труды мог издать только благодаря поддержке своих друзей. Когда он убедился, что не может найти действительного средства, чтобы предотвратить неминуемый крах существующего общественного строя, когда он заметил, что его стремления к всеобщему счастью не могут осуществиться, жизнь стала ему в тягость, и в 1823 г. он пустил себе заряд дробы в голову. От этого выстрела он лишился глаза, но остался в живых. Он умер 19-го мая 1825 г.¹⁾.

Ближайшие последователи Сен-Симона принадлежали к привилегированным слоям общества. Наиболее знаменитыми из них были *Проспер Анфантен*, банкир *Олинд Родриг*, экономист *Мишель Шевалье*, метафизики *Пьер Леру* и *Жан Рено*, *Ипполит Карно* (позже республиканский министр народного просвещения), композиторы *Леон Галев* и *Фелисьен Давид*, адвокат и драматург *Шарль Дюверье*, инженеры *Барро* и *Мони* (последний построил первую французскую железную дорогу), прежние карбонарии *Базар* и *Бюше*, финансисты *Эйсталь* и *Эмиль Перейр* (последний основал „Credit mobilier“), минералог *Ле-Плэ*, философ *Лерминье*, видный историк *Огюстен Тьер* и многие другие. При реставрации эта школа так называемых сен-симонистов не пользовалась успехом. После июльской революции в их руки перешел орган конституционных доктринеров «Globe», и новое учение привлекло к себе общественное внимание. Сен-симонисты решили придать своей школе более прочную форму, они

¹⁾ „Последний мой труд „Новое христианство“ не будет сейчас понят, Родриг,—говорил он на смертном одре, обращаясь к своему любимому ученику, Олинду Родригу,—не забывай этого. Помни, что для великих дел требуется большой энтузиазм, сильная вера в конечное торжество своих идей. Во всю свою жизнь я был занят одной только мыслью: обеспечить за всеми людьми возможность свободного развития своих сил.“ Наступило молчание. Через несколько минут он прибавил уже в агонии: „Через 48 часов после второго издания возникнет рабочая партия. Будущее принадлежит нам“.

В своем последнем труде „Новое христианство“ С. Симон выступает убежденным идеологом трудящихся классов против собственников и провозглашает освобождение от социального гнета. Эта книга, действительно, не была понята даже многими из его учеников, которые еще долго смешивали рабочих (travailleur) с предпринимателями (industriel)

составили новое общество под названием «Семья», во главе которой стали два «главных отца», Анфантен и Базар. Это общество занялось теоретической разработкой социальных вопросов, руководствуясь общими указаниями, которые имелись в трудах Сен-Симона. Исходя из идеи пантеизма, что мир

представляет собой проявление божества, сен-симонисты хотели прежде всего опровергнуть христианское воззрение об антагонизме между духом и плотью или, как гласила их формула, вернуть материи ее права. Но здесь обнаружились такие серьезные разногласия в самой «Семье», особенно когда вопрос

коснулся эмансипации женщин, что общество вскоре распалось. Из него выступил Базар, сопровождаемый большинством наиболее видных членов. Остальным Анфантен предложил последовать за ним в его маленькое поместье, Менильмонтан, расположенное близ Парижа, чтобы основать общегитие на новых началах и, таким образом, практически осуществить идеи сен-симонизма. Только около 40 «детей» приняли предложение «отца» Анфантена и посвятили себя полевым работам в Менильмонтане, распевая сен-симонистские песни с гимнами, созданными музыкальным гением Фелисьен Давида. Они составляли нечто вроде религиозного братства, носили особое платье, длинные волосы и бороды. Но эта идиллия была очень скоро нарушена грубой действительностью. Они должны были предстать перед судом присяжных по обвинению в противозаконном сообществе (больше 20 человек), распространении «бесправственных» учений. 27-го августа 1832 г. открылось судебное заседание; *Анфантен, Мишель Шевалье и Дюверье* были приговорены к **годовичному тюремному заключению**. «Семья» была распущена, и **школа сен-симонистов** распалась, но они еще долго пользовались влиянием в финансовых и промышленных сферах Франции. Все выдающиеся сен-симонисты заняли видное общественное положение, многие приобрели известность в качестве **финансистов и основателей** различных промышленных предприятий. Учение сен-симонистов, благодаря своему неопределенному, расплывчатому характеру, привлекло, с одной стороны, людей мысли, цвет французской интеллигенции—ученых, художников, поэтов (даже Генрих Гейне одно время просвещался у сен-симонистов), с другой стороны, оно могло быть использовано для **разных финансовых плутней**. Знаменитые в свое время сен-симонисты, дожившие до второй империи, вполне примирились с режимом Наполеона III. Сам Анфантен умер в 1864 г., занимая высокий официальный пост на железной дороге Париж—Лион—Средиземное море.

Хотя сен-симонизм почти не проник в рабочую среду, тем не менее оказал известное влияние на французский пролетариат. Непосредственным его результатом была социальная рабочая поэзия 30-х годов, собранная и опубликованная в 1841 г. Родригом. По своему содержанию эти стихотворения предста-

вляют собой жалобу на нужду рабочего люда и стремление к полному равенству всех людей. Из этих стихотворений, частью написанных работницами, заслуживают особого внимания стихи швеи *Элизы Флери*. Кроме того, сен-симонизм оказывал сильное влияние на социалистов различных оттенков, о которых речь будет впереди.

Одновременно с С.-Симоном выделяется другой мыслитель, *Шарль Фурье*, выступивший с планом преобразования су-

ществующего общественного строя. Он во всю свою жизнь вынужден был добывать себе пропитание в качестве коммивояжера в одном торговом предприятии. Фурье жил в Марсели, когда во Франции свирепствовал голод, и сам наблюдал, как алчные спекулянты отправляли за море целые транспорты хлеба, чтобы, таким образом, искусственно поддерживать высокие цены

на хлеб в стране. Он тогда дал аннибалову клятву посвятить свою жизнь выработке плана реорганизации существующего общественного строя, чтобы дать возможность всему человечеству наслаждаться плодами своих трудов. Фурье обладал такой творческой силой мысли, что в сравнительно короткий период времени напечатал целый ряд книг, несмотря на свои усиленные занятия в торговом доме. Эти труды поразили все мыслящее общество новизной и разнообразием проповедуемых им идей, оригинальным пониманием современной действительности и замечательно тонким анализом всего существующего общественного уклада.

Центральным пунктом его теории является мысль о необходимости образования хозяйственных обществ, которые он назвал «фалангами» (от греческого слова «фаланга», обозначающего македонский сомкнутый строй); совокупность фаланг—общин—по его идее, должна была составлять так называемый фаланстер. Обитатели фаланстеров—от 1.500 до 1.800 человек—занимают общий дом, составленный очень удобно, даже комфортабельно, исполняют различные работы, сельскохозяйственные, промышленные и т. д. по общему, заранее выработанному плану. В члены общины принимается всякий, независимо от пола и возраста. Каждый выбирает работу, которая ему больше по душе, о принуждении не может быть и речи. Для того, чтобы сделать труд приятным и наиболее производительным, решено было, что никого нельзя заставить заниматься более 2 часов одной и той же работой. Чистый годовой доход должен быть распределен на 3 части: 1) $\frac{1}{3}$ на уплату % за занятый в производстве капитал, 2) $\frac{2}{12}$ —на заработную плату в зависимости от трудности и продолжительности каждой данной работы и 3) $\frac{1}{4}$ как премия за обнаруженные «таланты», т. е. за умелое руководство предприятием, технические усовершенствования, специальные знания, редкую сноровку и т. д. Фаланстеры делают излишними всякого рода политические организации; должна быть сохранена в полной неприкосновенности индивидуальная воля лиц или групп, в которые каждый вступает совершенно добровольно. Отношение между отдельными хозяйственными группами, или, по терминологии Фурье, фалангами, определяются добровольным соглашением; все спору-

ные вопросы разрешаются третейским судом. Карательная власть не должна иметь места в общественной организации, созданной в полном соответствии с человеческой природой; нужно только дать этим природным наклонностям и стремлениям возможность полного и свободного проявления, тогда человечество избавится от всех современных несправедливых социальных учреждений; мораль, закон и полиция будут уничтожены, потеряв под собой почву.

Фурье умер в 1837 г. с твердой верой в непогрешимость своей теории. Его непреклонную веру разделяла и созданная им школа, несмотря на полную неудачу неоднократных попыток устроить во Франции хотя бы один фаланстер. Наиболее талантливым из его учеников был Виктор Консидеран, бывший капитан французской армии и учитель инженерной школы в Меце. Консидеран задался целью очистить учение Фурье от некоторых странных противоречий и посторонних наслоений. Он вместо фурьеристского журнала «Фаланстер» начал издавать «Фалангу», которой он в 1845 г. дал название: „*Democratie pacifique*“ (мирная демократия), желая этим показать, что фурьеристы и их орган ничего общего не имеют с революционной республиканской демократией, преследуемой правительством. После февральской революции направление этой газеты изменилось, она сделалась республиканским и социалистическим органом. Ее редактор-издатель Консидеран примкнул в национальном собрании к крайним левым, принимал участие в июне 1849 г. в попытке к восстанию Ледрю-Роллена; после ее неудачи он вынужден был бежать за границу. Школа фурьеристов была значительно ослаблена переходом ее главы Консидера в ряды социал-демократов и прекращением газеты после его бегства из пределов Франции. Оставшиеся верными своим убеждениям фурьеристы нашли некоторое удовлетворение в том, что предпринятые в Америке попытки к устройству фаланстеров имели известный успех.

Пропаганда сен-симонизма и фурьеризма долгое время не выходила за пределы буржуазных слоев французского общества. Но и среди трудящихся народных масс социалистическая мысль сделала значительные успехи, выразившись в целом ряде пока еще неясных стремлений и понятий. Все классы фран-

цузского общества были охвачены, так сказать, социалистическим духом и только этим настроением можно объяснить то глубокое впечатление, которое оказала на французов появившаяся в 1842 г. утопически-коммунистическая книга «Путешествие в

Икарию» *Этьена Кабе*. Последний еще до июльской революции выдвинулся в печати и парламенте в качестве решительного демократа. В 1833 г. он бежал от судебных преследований в Англию. Там он деятельно принялся за изучение произведений Роберта Оуэна, утопии Т. Мора и проникся их идеями. В 1837 г. Кабе получил возможность, благодаря амнистии, вернуться во Францию и начал издавать журнал: „Le Populaire„,

встреченный очень сочувственно как в буржуазной, так и в рабочей среде. Подписчики этой газеты составили нечто вроде семьи, во главе которой стоял сам Кабе. С течением времени они придумали для себя даже особую форму: короткий сюртук из черного бархата, белую круглую шляпу и называли себя «икарийцами».

В «Икарии» Кабе нет ни собственности, ни денег, ни купли-продажи. Все икарийцы одинаково работают на общую пользу страны. Весь доход распределяется равномерно между всеми

гражданами Икарии. Каждый получает от республики пищу, одежду, образование и т. д. Предметы первой необходимости приготавливаются в мастерских республики, которая сама распределяет между своими рабочими сырье, орудия производства и работы, уплачивая за труд не деньгами, а предметами потребления. Плоды коллективного труда сдаются в общие склады. В республике господствует общий принцип: каждый работает сообразно со своими силами, получает сообразно своим по-

требностям. Так как в Икарии нет частной собственности, то не бывает ни воровства, ни преступлений, а потому там нет ни тюрем, ни солдат, ни полиции. Далее, в стране царит полная религиозная свобода, а для того, чтобы обеспечить за гражданами и гражданками совершенно свободный выбор религии, было запрещено разговаривать с детьми о религиозных вопросах. Брак и семья остаются в Икарии неприкосновенными. Свободы печати не существует, повременная пресса находится в руках общин и республики. Книги печатаются в государственных типографиях, но к печатанию допускаются только произведения, разрешенные цензурой. Чиновники избираются по принципу всеобщего избирательного права. Роль правительства в Икарии играет промышленный комитет, подчиненный законодательному национальному собранию. Высшая апелляционная инстанция в стране—весь народ. Если последний недоволен деятельностью своих чиновников, он может их сместить и на их место выбрать других.

Кабе и его учение встретили очень враждебный прием не только в правительственных сферах и среди духовенства, но и со стороны руководителей революционно-республиканской партии. „Reforme“ открыла ожесточенную полемику против „Populaire“. Кабе опубликовал по этому поводу брошюру: «Война или мир между „Reforme“ и „Populaire?“, в которой он, как условие мира, предлагает „Reforme“ открыть на своих столбцах свободную дискуссию о коммунизме, выработать план организации труда и объяснить, как ее партия будет относиться к коммунизму, когда она очутится у власти. „Reforme“ уклонилась от ответа и продолжала свою резкую полемику против Кабе вплоть до самой февральской революции.

Встречаемый нападками со всех сторон, Кабе потерял всякую надежду на осуществление своего идеала во Франции и поэтому решил весной 1847 г. переселиться в Америку. В таком смысле он выпустил прокламацию к своим приверженцам, и в октябре 1847 г. в редакцию „Populaire“ собралось около 150 икарийцев, все здоровые, мужественные и решительные люди, и заключили между собою союз с целью основать Икарию по идеалу Кабе. В торговые книги они записали это новое общество под фирмой «Кабе и К^о».

Адвокат Мильер (он был коварным образом расстрелян версальцами в 1871 г. во время коммуны, несмотря на свою депутатскую неприкосновенность), сам коммунист, один из первых поднял свой голос против предприятия Кабе и предсказывал этому обществу печальный конец. Кабе отправился в Лондон и заключил договор на миллион акров земли в Техасе, которая была ему уступлена даром, но с неперменным условием, чтоб новая колония вступила во владение ею до 1-го июля 1848 г. По возвращении в Париж он был арестован и привлечен к судебной ответственности по обвинению в мошенничестве. Его обвинили в том, что он присвоил себе деньги, собранные для переселения икарийцев. Когда он предъявил суду заключенный им контракт, он был освобожден.

3-го февраля 1848 г. тронулась из Гавра в Новый Орлеан первая партия икарийцев в 69 человек. Они благополучно достигли Техаса и с большим усердием принялись за сельскохозяйственные работы. Икарийцы не приняли в соображение одного обстоятельства—местный климат, который в летние месяцы бывает очень опасен для переселенцев. Они почти все заболели лихорадкой, и многие сошли с ума. Поэтому, когда в Техас прибыла вторая партия икарийцев, покинувшая Францию 3-го июня 1848 г., она нашла колонию в очень печальном состоянии, и единогласно было решено покинуть Икарию и вернуться в Н.-Орлеан. Там они застали еще две партии эмигрантов, которые оставили Францию в ноябре и декабре 1848 г. Когда же, наконец, 19-го января 1849 г. туда приехал сам Кабе, то было принято решение продолжать начатое дело, но не в Техасе, а в покинутом мормонами городе Nauvoo в штате Иллинойс. 1-го марта 1849 г. туда отправились оставшиеся верными предприятию Кабе 280 икарийцев: 142 мужчины, 74 женщины и 64 детей. Спустя 2 года конгресс штата Иллинойс формально признал икарийскую общину, которая существует и по сие время; конечно, все возвышенные стремления первоначальных икарийцев потерпели полную неудачу.

Между тем, Кабе был вторично обвинен в мошенничестве и заочно приговорен к 2 годам тюремного заключения и лишению гражданских прав на 5 лет. С согласия общины он вернулся во Францию, сам предстал пред судом и после блестящей за-

щиты добился вторичного оправдания. По возвращении в Nauvoo он вызвал против себя сильное недовольство своими многочисленными декретами, которыми он запрещал икарийцам употребление спиртных напитков, курение табаку и т. п. Вспыхнуло восстание, и Кабе с немногими оставшимися ему верными приверженцами был изгнан из Nauvoo. Он переселился в С.-Луи, где ему, когда-то обладавшему большим состоянием и пожертвовавшему им для осуществления своих идеалов, пришлось сильно бедствовать. В 1856 г. он умер от

апоплексического удара. В его лице сошел с исторической сцены видный представитель утопического коммунизма второй трети прошлого столетия, чтобы уступить место чистому, научно-критическому социализму, проявившемуся в это же время, накануне февральской революции.

За несколько лет до «Путешествия в Икарию» обратила на себя внимание интересная книга молодого писателя Луи Блана «Организация труда». Он подверг резкой критике весь существующий общественный строй с его неравномерным рас-

пределением материальных благ, поддерживаемый исключительно в интересах господствующего класса. Капиталистический строй неминуемо погибнет, если современное буржуазное общество, единственно ответственное за все его вопиющие несправедливости, не примет своевременно соответствующих мер. Источником всех социальных зол Луи Блан считал господствующую в промышленности свободу конкуренции, поэтому он предлагал государству взять в свои руки организацию труда. Устроить это можно следующим образом: государство ассигнует известную сумму на учреждение общественных мастерских для важнейших отраслей национального производства. Деятельность отдельных частей этого огромного промышленного союза должна быть строго согласована; во главе союза стоят свободно выбранные рабочие представители, утвержденные государством, которому принадлежит верховный надзор за всем предприятием в целом. На таких же началах должно быть организовано и сельское хозяйство. Доход с ассоциаций, за вычетом сумм, которые отчисляются на погашение долга—государственным кредитом союз пользуется беспроцентно—в резервный фонд и кассу взаимопомощи, распределяется равномерно между всеми участниками предприятия. Право наследования Луи Блан считает злоупотреблением и предлагает его уничтожить, сохранив его временно только для родителей и детей. Все наследственные имущества за неимением прямых наследников должны перейти в государственное казначейство и быть употреблены на организацию новых общественных мастерских.

Таким образом, последовательное проведение системы Луи Блана должно было привести к полному уничтожению частной собственности и частной конкуренции, все капиталы сосредоточились бы в руках государства, которое естественно стало бы единственным собственником всех орудий и средств производства. Его идеи были встречены очень сочувственно не только рабочими и молодежью, но и политиками крайней левой, которые раньше относились очень скептически к социалистическим стремлениям и ограничивались только пропагандой политического радикализма. Еще в мае 1840 г. Франсуа Араго заявил с парламентской трибуны, что главная обязанность современного государства заключается в организации труда, что созда-

ло ему громкую популярность среди парижского пролетариата.

В том же 1840 г. выделился новый поборник социальных реформ, *Пьер-Жозеф Прудон*, первоклассный диалектик и софист, который хотя и не выдавал себя за социалиста, но любил щеголять хлесткими словечками социалистического пошиба.

Его брошюра, которая по своей форме удивительно напоминает брошюру аббата Снейса о третьем сословии, была озаглавлена «Что такое собственность?» На этот вопрос автор отвечает: «собственность есть воровство». Возможно, что этим лозунгом Прудон хотел дать сигнал к политической революции. По крайней мере, он был очень горд этим изречением и говорил: «Это слово останется бессмертным, и я смею утверждать, что это самое крупное событие в царствование Луи-Филиппа» Но ему сказали, что эта мысль была высказана еще в XVIII ст. жи-

рондистом Бриссо в его «Философских исследованиях о праве собственности и воровстве». «Согласно естественному праву исключительное право собственности есть воровство,—говорит он:—собственник есть вор».

Учение Прудона сводится к следующему современное общество покоится на трех основаниях. деспотизме, неравенстве и частной собственности. Первые два вытекают из третьего, если бы собственность не пользовалась таким громадным влиянием, не было бы ни деспотизма, ни неравенства Истинная справедливость означает равенство. Действительная борьба против принципа частной собственности должна быть начата с уничтожения ренты, %, оброка, аренды и т. д. Такова критическая сторона учения Прудона. Переходя к изложению своих положительных воззрений, он старательно отмежевывается от коммунистов и социалистов всех оттенков «Я не запятнан социалистической грязью!—воскликает он пагетически,—подиго прочь, коммунисты! Мне противно ваше присутствие, ваш вид вызывает во мне отвращение!» Центр тяжести его социальной программы заключается в *организации* не труда, а *кредита*, при чем единственно верным мерилom ценности он признает количество затраченного рабочего времени. Все продукты труда должны обмениваться через посредство банка, который выдает владельцам товаров особые квитанции (бонны), последние служат меновым знаком и выражают ценность овеществленного человеческого труда. Деньги будут, таким образом, вытеснены из обращения, и человечество избавится от одного из величайших экономических зол. То, что рабочий производит или получает благодаря обмену, представляет собой его индивидуальную собственность. Он нигде не выясняет, чем последняя существенно отличается от частной собственности вообще, против которой он так ополчается. Остается предположить, что серьезной разницы действительно не существует. К этому заключению приводит и высказанная Прудоном мысль, разделяемая представителями буржуазной экономии, что единственно возможным стимулом к созиданию материальных благ является чувство частной собственности.

В своем первом труде о собственности Прудон провозглашает абсолютное равенство всех людей; в появившейся в 1846 г.

«Системе экономических противоречий» он заявляет, что привилегии являются социальной необходимостью. Таких явных противоречий можно найти в его произведениях бесчисленное множество. Он сам называет себя анархистом—мысль о необходимости уничтожить все формы и виды власти была высказана значительно раньше его; он полагал, что в обществе восторжествоует справедливость, если вместо классовых антагонизмов, собственности и государственной власти будут господствовать равенство, принцип личного обладания и анархия. Несмотря на свое резко отрицательное отношение ко всяким проявлениям власти, он находил, что наука должна выработать новое законодательство на началах анархии, сохранив современную форму брака и семьи. Если он, тем не менее, в революционном движении 1848 года пользовался некоторым влиянием, то это объясняется, главным образом, выставленным им лозунгом: собственность есть воровство, что вводило в заблуждение широкие массы французского народа, принимавшие его за социалиста. Отчасти он обратил на себя общественное внимание своим смелым проектом народного банка для обмена товаров (см. выше). В начале 1849 г. он действительно открыл этот банк, но не прошло и трех месяцев, как он вынужден был ликвидировать это дело. Характерно для Прудона, что после переворота 2-го декабря 1851 г. он выпустил брошюру под заглавием «Путь к социальной революции, указываемый государственным переворотом». В ней он отчасти оправдывает Наполеона III, руки которого еще были обгажены кровью жертв 4 декабря.

В духовном родстве с Прудоном находится философ *Пьер Леру*; он также стремился к уничтожению собственности, сохраняя современную форму семьи, и отрицательно относился к коммунизму. Он был одно время сен-симонистом, и в его умственном развитии следует различать два периода: философский и социалистический. Увлечшись современной философией, он начал выпускать вместе с Жаном Рено «Новую Энциклопедию», в которой он старался распространить идеи гегелианства, но вынужден был вскоре прекратить это издание за недостатком средств и малым количеством подписчиков. Затем он некоторое время сотрудничал в „*Revue de Deux Mondes*“

журнале, неуклонно придерживавшемся политики «золотой середины», но в правительственных сферах стали косо посматривать на новую немецкую философию. Пьер Леру вынужден был отказаться от участия в журнале и создал новый орган „*Revue Indépendante*“, в котором он работал при ближайшем участии известной романистки *Жорж Занд* (М-ме Дюде-

ван), обратившей на себя внимание своими резкими нападениями на католическую церковь.

В 1839 г. вышло произведение Пьера Леру «О человечестве, его законах и будущем», указывавшее на перелом в мировоззрении автора, на переход от абстрактной философии к социализму; в трактате «О равенстве» он подробно развивает свои социально-политические идеи, а в 1845 г., с основанием журнала „*La Sociale Revue*“, он выступает в качестве социального

реформатора. Во главу угла Пьер Леру ставит принцип равенства. Общественные узы, объединяющие всех граждан, одинаково равноправных, для общей планомерной работы, он называет солидарностью. Проникнутый глубокой верой в прогресс человечества, он полагал, что оно последовательно приближается к полному равенству, сбрасывая с себя постепенно все цепи насилия и гнета. На заре своей сознательной жизни человечество страшно с себя иго патриархата, затем—иго государства в той форме, в которой оно господствовало в Греции и Риме, теперь же речь идет о том, чтобы избавить людей от гнета частной собственности. Семья, собственность и государство могут существовать лишь до тех пор, пока они не становятся тормозом к дальнейшему прогрессу человечества. Великая революция 1789 г. провозгласила равенство всех перед законом, свободу конкуренции, свободу мысли и научного исследования. Все это формы проявления принципа равенства, и существуют они пока только на бумаге, т.е. теоретически, но не фактически. В действительности, богатый и сильный остается почти всегда безнаказанным и в качестве предпринимателя высасывает последние соки из народа. Исходя из этих соображений, Пьер Леру воздвигает комополитическое государство, в котором все граждане являются чиновниками; их труд на общее благо оплачивается по следующей формуле: «Каждому—по его способностям, каждому—по его трудам, каждому—по его потребностям. Талантам должна быть обеспечена возможность полного развития и фактического приложения, вознаграждаются они по степени своей продуктивности. Наградой за труд служит следующий за ним отдых. Государство должно удовлетворить все подробности граждан, как духовные, так и материальные». Пьер Леру был больше социал-философом, чем боевым социалистом. Принимая участие в политической жизни страны, он никогда не забывал о своем пролетарском происхождении. В национальном собрании 1848 г. он решительно боролся с кровавыми репрессиями против июньских инсургентов. Ни Прудон, ни Леру не оставили по себе никакой школы. Пьер Леру умер в апреле 1871 г. Парижская коммуна послала на его похороны 2 делегатов, чтоб почтить его память.

Для полноты следует здесь упомянуть об аббате Ламенне,

представителе религиозного коммунизма. Центральным пунктом его учения является мысль о том, что счастье людей представляет собой осуществление воли божией, подтверждение этого он видит в христианской проповеди любви. Во имя религии любви должны быть уничтожены семья и собственность. Римской курии пришлось очень не по вкусу этот «нео-католицизм»; учение Ламенне было осуждено энцикликой Григория XVI, и он был вскоре покинут своими учениками, аббатом

Лакордером и Монталамбером. Первый поспешил искупить свое грехопадение вступлением в доминиканский орден, а второй, испытывая тяжелый душевный разлад, посвятил себя изучению религии. Зато к Ламенне присоединились некоторые видные буржуазные радикалы *Альфонс Эскирос, Константин Леккер* и др. Благодаря своему пренебрежительному отноше-

нию к папской энциклике он долгое время пользовался громадной популярностью во Франции. Его увлекательно написанное «письмо верующего» выдержало сотни изданий. Когда политическая борьба обострилась, и злободневные вопросы поглотили все общественное внимание, он уединился и в 1854 г. умер почти забытый всеми.

Точку зрения, сходную в общих чертах с мировоззрением Ламенна, выработал себе после долгих колебаний и бывший карбонарий—*Бюше*. Первоначально сен-симонист, он потом превратился, так сказать, в католического якобинца; он соединял воедино веру в Христа и Робеспьера. После неудачного восстания 1821 г. он был арестован в Меце и с трудом избег смертной казни. Получив амнистию при Карле X, он присоединился было к сен-симонистам, но покинул эту школу, когда убедился, что Анфантен и Базар, его бывший товарищ по союзу карбонариев, стараются придать ей характер секты. С тех пор он пошел своей собственной, самостоятельной дорогой. Как все социалисты, он начал с беспощадной критики существующего общественного уклада. Первая глава его первого литературного труда, появившегося в 1833 г.: «Введение в историческую науку» озаглавлена: «Угрожает ли гибель современной цивилизации?». В ней он доказывает, что существующий общественный порядок никого не удовлетворяет: «власть имущие недовольны, потому что испытывают страх, счастливые—сомнения и неуверенность, родовитые—неудовлетворенные желания, народные массы—гнет и страдания». Все существующие политические формы исчерпали свою силу, ни одна из них не может устранить господствующего социального неустойчивости. Единственным ответом на жалобы угнетенных и обездоленных служит тюрьма и смерть. Современное общество напоминает приговоренного к казни, который в кутеже и разгуле старается заглушить неотвязчивую мысль о смерти. Переживая такой серьезный социальный кризис, нельзя оставаться равнодушным. Но, с другой стороны, не следует впадать в отчаяние, общее недовольство и ясное сознание господствующего бесправия и произвола показывают, что в обществе сохранилось еще достаточно жизненных сил. В этом первом произведении только местами проглядывает религиозное мировоз-

зрение автора. На решительный поворот Бюше указывает его вышедший в 1839 г. «Трактат о философии с точки зрения католицизма и прогресса». Он указывает, что человечество, став на путь непрерывных социальных реформ, придет к идеальному общественному устройству и, таким образом, освободится от всех существующих социальных зол. Выражаясь современной терминологией, можно сказать, что Бюше был христианским социалистом.

Практическое значение «бюшесизма» обуславливалось идеей Бюше о производительных и потребительных рабочих ассоциациях, опирающихся на социалистическую кредитную систему. Эту мысль он развил на страницах основанной им еженедельной газеты „L'Européen“ (1831—38 г.г.). По его мнению, нужно устроить так, чтобы орудия производства перешли к рабочим, но они владеют ими только до тех пор, пока работают. Средства производства, переходя от одного поколения рабочих к другому, создают неразрывную связь между трудом и собственностью на орудия производства, и, таким образом, капитал в руках праздных собственников перестает быть орудием эксплуатации других людей. Следуя по этому пути, рабочие постоянно становятся владельцами капитала, стремятся с себя гнет и зависимость от современных капиталистов, а последние, не находя рабочих, которые согласились бы работать у них на фабриках за обычную плату, вынуждены будут прекратить производство и употребить свой капитал на удовлетворение личных нужд или сами примутся за работу.

Для выполнения этой задачи Бюше предлагал выработать известный общественный договор, который регулировал бы деятельность рабочих ассоциаций. В результате восторжествовал бы принцип коллективного накопления вместо индивидуального, и создавалась бы почва для коллективной собственности. В связи с организацией указанных товариществ должен быть учрежден специальный общественный неотчуждаемый фонд (*fond indivisible*). Действительно уже в декабре 1832 г. ему удалось устроить, согласно своему плану, ассоциацию столбярков, а затем второй союз золотых дел мастеров. Но французское законодательство было создано исключительно в интересах ассоциаций капиталистов и отнюдь не относилось друже-

любно к рабочим союзам. Когда начались суровые преследования против рабочих ассоциаций, то и товарищества Бюше потеряли свой первоначальный характер и приблизились к типу обычных торговых союзов. Наконец, в 1860 г. один выступивший из союза золотых дел мастеров рабочий обжаловал перед судом принцип неделимости фонда. Союз проиграл и вынужден был уплатить выступившему члену следуемую ему долю.

Одновременно с „L'Européen“ Бюше начал выпускать в 1833—38 г.г. вместе с *Ру-Лавернем* интересный сборник «Парламентская история французской революции» и основал вместе с *Бастидом* (самый знаменитый из его учеников, в 1848 г. министр иностранных дел) новый орган „*Revue Nationale*“; последний не имел успеха и навряд ли существовал бы более или менее продолжительное время без поддержки реформистской партии „*National*“. Гораздо большей популярностью пользовался созданный им в 1840 г. третий орган „*Atelier*“. Это был орган чистого бюшесизма. В начале сам Бюше принимал деятельное участие в журнальной работе и в первых номерах напечатал свое социально-христианское Евангелие. Затем „*Atelier*“ сделался исключительно рабочим органом. Редакторами были рабочие *Корбон* и *Наскаль*, сотрудничали в нем тоже только рабочие-бюшесисты. Бюшесисты резко отличались от других организованных французских рабочих. Это были мирные, скромные, кроткие люди, которые сами отчасти считали себя членами религиозной общины. Они неоднократно заявляли в „*Atelier*“, что не думают посягать ни на семью, ни на собственность, ни на религию, ни на национальность; что они преследуют только одну цель—осуществление насущных социальных реформ и организации труда. Бюшесисты занимали, таким образом, среднее место между революционно-настроенными, социалистически-мыслящими рабочими и членами чисто религиозных общин, появившихся в это время и носивших имена разных святых (св. Иосифа, св. Винсента, св. Павла и т. д.).

На этом мы закончим наш обзор умственных течений тридцатых и сороковых годов прошлого столетия во Франции, так как они, благодаря успехам современного научного социализма, имеют теперь только исторический интерес.

«Больные вопросы» французской общественной жизни нашли себе яркое выражение и в художественной литературе этой эпохи.

Особенной популярностью пользовались талантливые романы *Жорж Занд* и *Евгения Сю*. Своими стихотворениями на «гражданские мотивы» выделились, главным образом, *Беранже*

и *Альфред де Мюссе*. Мы еще раньше упоминали о стихотворениях рабочих, собранных Родригом и выпущенных отдельным сборником. В рабочих кварталах с особенной любовью декламировали и распевали стихи *Пьера Дюпона*, *Густава Леруа*, *Пьера Лашамбоди* и др., теперь уже почти забытых народных поэтов. В области драматического искусства привлекал к себе всеобщее внимание «Парижский ветошник» *Феликса Пиа*, который ставился в театре сотни раз.

Интересную характеристику утопического социализма дает Энгельс в своем «Анти-Дюринге». Творцы социализма,—говорит он,—находились под непосредственным влиянием переживаемого ими исторического момента. Мало развитое состояние капиталистического производства, слабая дифференциация общественных классов обуславливали появление незрелых социальных теорий. Социальные задачи, скрытые еще мало развитыми экономическими отношениями, решались абстрактным путем. Современное общество било в глаза своими неустройствами, и передовые умы Франции начали изыскивать способы для их устранения. Речь шла о том, чтобы найти новую, более совершенную систему общественного порядка... Эти новые социальные теории отличались утопичностью; чем старательнее разрабатывались их детали, тем более они уходили из мира действительности в мир фантазии... Мы с удовольствием отмечаем тонкие наблюдения и яркие мысли, которые пробиваются через эту фантастическую оболочку. С.-Симон уже в своих женевских письмах провозгласил, что «все люди должны работать». Он уже тогда понял, что эпоха террора была периодом господства неимущих классов. Взгляд на французскую революцию, как на проявление классовой борьбы и не только между дворянством и буржуазией, но между дворянством, буржуазией и *обездоленными массами*, является в 1802 г. прямо гениальным открытием... Фурье нам дает написанную с своеобразным французским остроумием, но тем не менее, глубокую и меткую критику существующего общественного порядка».

Этой оценкой предвестников современного социалистического рабочего движения мы закончим наш обзор исторического периода, предшествовавшего февральской революции. Мы уже указали, как сильно страдало французское общество под гнетом июльской монархии, как недовольство охватывало все больше широкие круги народа, какой глубокий отпечаток оно наложило на умственную жизнь страны. Таким образом, налицо были все признаки надвигающейся революции, и она была ускорена близорукостью и непониманием правящих сфер.

Революция и учреждение республики. 1848 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Повременная пресса. Партии. Парламентская оппозиция. Решение оппозиции соединиться с народом. Законопроект Дювержье-де-Оран. Бавкетная кампания. Ламартин в Макоме, Делеклюз и Ледру-Роллен в Лилле. Народные движения в Польше, Италии и Швейцарии.

Июльская монархия жестоко подавляла всякое проявление общественной самодеятельности, что, однако, не подорвало значения общественного мнения, ставшего к тому времени силой, с которой должны были считаться правящие сферы. Ее органом стала повременная пресса. К концу июльской монархии в Париже выходило от 12 до 15 газет, из которых одни принадлежали правительству, другие—различным политическим партиям.

К услугам министерства Гизо были „Moniteur“ и „Journal des Débats“, раньше правительство пользовалось также „Presse“ и некоторыми другими менее влиятельными газетами, получавшими правительственные субсидии. „Gazette de France“ и „Quotidienne“ были главными органами легитимистской партии. Конституционная и династическая оппозиция была представлена газетами „Courrier Français“, „Constitutionnel“, „Siècle“, а позднее также „Presse“, издаваемой Эмилем де Жирарденом. Буржуазно-республиканские воззрения проводил редактируемый сначала Арманом Каррелем, а затем Арманом Марра „National“. „Réforme“ была органом республиканцев с социалистическим оттенком.

Арман Марра, впоследствии член временного правительства, начал свою литературную карьеру в начале 30-х годов

в качестве главного редактора основанной им и Годфруа Кавеньяком „La Tribune“. Это был человек с очень быстрым и гибким умом; к сожалению, он проявлял свое остроумие и гибкость не только, как полемист, но и как политический деятель. Это был жуир, скрывавший свои прежние воззрения под маской скептицизма и принаравливавший их к тому, что пользовалось в данный момент успехом. Благодаря своему роскошному образу жизни, он получил впоследствии кличку «республиканца в лайковых перчатках», «маркиза республики». Он был наиболее подходящим редактором для „National“, органа партии, которая, хотя и заигрывала с республикой, но вместе с тем весьма мало верила в возможность ее осуществления.

Сознавая ненадежность „National“, решительные социалисты-республиканцы основали в 1843 г. „La Réforme“. Ничто не может лучше выразить направление этой газеты, как следующие строки ее программы, составленной Луи Бланом:

«Люди—братья!

«Там, где нет равенства, свобода — ложь.

«Рабочие были раньше рабами, потом крепостными; теперь они—наемники; надо стремиться к тому, чтобы они заняли место участников промышленных предприятий».

В этих строках уже чувствуется дух социализма. Хотя не все члены редакции разделяли образ мы-

слей Луи Блана, но все они жили воспоминаниями о «Горе» 1793 г. и были проникнуты стремлениями, связанными с пред-

ставлением о «красной республике». Поэтому они, по крайней мере в принципе, признавали своего рода солидарность, и если они не могли решиться внести в свою программу требование полного преобразования современного общества, то они все же поняли всю необходимость коренных социальных реформ. Главными сотрудниками «Réforme» были Ледрю-Роллен, Луи Блан, Этьен Араго, Фердинанд Флокон и М. Рибейроль.

В палате депутатов буржуазно-республиканский „National“ имел довольно значительное число представителей, „Réforme“ же, напротив, немногих. Монархически-конституционная левая присвоила себе исключительное право выражать и обосновывать в палате точку зрения оппозиции. Лидером этой партии был Одилон Барро, яркий представитель буржуазного либерализма с его половинчатостью и трусливой нерешительностью. Свою политическую карьеру Одилон Барро начал в качестве приверженца реставрации. Когда новое правительство начало склоняться к абсолютизму, то он по своему буржуазно-конституционному образу мыслей не мог последовать за ним. По отношению к июльской монархии он держался точно таким же образом, имея в виду занять со временем место парламентского вождя. Другой руководитель династической левой, Тьер, также заигрывал немного с оппозицией, надеясь таким путем достигнуть министерского кресла.

На-ряду с ним стоял Ламартин, один из наиболее влиятельных литераторов того времени. Он происходил из знатной семьи и в молодых годах горячо отстаивал религиозно-монархическое мировоззрение. Под влиянием духа времени и обстоятельств его личной жизни, он стал меньше внимания уделять поэзии и взялся за исторические исследования. Он занялся изучением великой французской революции, и в 1847 г. появилась его книга «История жирондистов», обнаруживающая в авторе глубокое уважение к деятелям великой революции. Появился этот труд почти одновременно с произведениями о великой французской революции Мишле и Луи Блана и произвел на возбужденное уже общество довольно сильное впечатление. К этому времени Ламартин отказывается от своих прежних политических воззрений и является приверженцем

республиканского образа правления. Он не ограничился при этом одними теоретическими исследованиями, а начал борьбу с монархией в качестве парламентского деятеля и не дал себя обмануть неоднократными предложениями Луи-Филиппа занять министерское кресло. Он был превосходным оратором, но

большим красноречивым. На-ряду с ним выступали многие красноречивые республиканцы, которые, хотя и уступали Ламартину в изяществе и красоте своих образов, но большей убежденностью и страстностью своих речей сильнее выражали глубокую ненависть народа к королевской власти. Из них на первом плане стоит Ледрю-Роллен. Ледрю-Роллен был коренастым человеком с представительной наружностью, воспитанный в

благочестивых воспоминаниях о монтаньярах великой революции. Гуманные идеи крайней левой конвента были его символами веры и выдающиеся люди этой партии служили ему образцами, которым он искренно старался подражать.

В рядах передовой оппозиции—тогда еще маленькой партии,—которая открыто и честно высказалась за республику, находились, кроме того, люди со значительным влиянием в научном и литературном мире, как Дюпон (де л'Эр), братья Франсуа и Этьен Араго, Ипполит Карно, Гарнье-Пажес и др.

В последние годы буржуазной монархии различные группы оппозиции довольно часто и умело пользовались, как общим средством борьбы против правительства, требованием *избирательной реформы*, но эти настойчивые требования не менее настойчиво отклонялись правительственными партиями. Оппозиционные группы всех оттенков были согласны с тем, что действующая избирательная система должна пасть. Эта система была настолько непригодна, что даже Тьер воскликнул 16-го марта 1846 г. по поводу проекта реформ Ремюза. «Неужели мы так низко пали, что удовлетворяемся только фикцией парламента в то время, как другие его действительно имеют? О, если бы нам это сказали в 1830 г.»

Само собою понятно, что проекты избирательной реформы, исходившие из рядов наиболее сильной буржуазной оппозиции, династической левой, отнюдь не имели целью передать политическую власть в руки трудящихся масс. Вся избирательная кампания носила такой резко буржуазный и настолько слабо революционный характер, что решительные республиканцы из оппозиции, как, напр., Ледрю-Роллен, сначала отказались принять в ней участие. Тем не менее правительство, руководимое г. Гизо, оказало самое упорное сопротивление этому движению, которое оно рассматривало, как посягательство на свои верховные права.

Новые выборы в палату депутатов происходили в 1846 г. при полном безучастии всех общественных слоев, не имевших права голоса. Накануне выборов какой-то сумасшедший стрелял в короля. Это покушение имело обычные в конституционном государстве последствия: реакция использовала его в своих целях. Действительно, влияние реакционеров настолько уси-

лилось, что оппозиция располагала в обновленной палате только 98 голосами, которые и были поданы за Одилона Барро при выборах президента; таким образом, победа правительства оказалась полной. Оппозиция считала себя разбитой и лишенной всякого влияния в парламенте. Это заставило ее решиться на такой шаг, который годом позже привел к падению Луи-Филиппа. По словам Тюрю-Данжена, один член оппозиции в разговоре с приятелем Гизо в кулуарах палаты определил положение вещей следующими меткими словами: «Вы сильнее нас. Это ясно.... здесь мы ничего не можем сделать, ничего не можем сказать: наши речи пропадают даром, но мы «откроем окно».

Но прежде чем «открыть окно», т. е. обратиться к народу, оппозиция хотела использовать все средства, чтобы заставить палату выслушать свой голос. В начале 1847 г. депутат Дювержье де Оран опубликовал наделавшую много шуму брошюру, где он привел решительно все аргументы в пользу избирательной реформы. Ею и стала пользоваться оппозиционная печать, доказывая необходимость реформы. Последняя стала центром, вокруг которого все сильнее закипала борьба. 6-го марта 1847 г. автор этой брошюры внес в палату законопроект, согласно которому избирательный ценз должен быть понижен до 100 фр., и, кроме того, граждане с известным образовательным цензом должны были получить избирательные права. По этому законопроекту число избирателей должно было увеличиться на 200.000; число депутатов приблизительно на 100, увеличение, хотя само по себе и незначительное, все же направленное к тому, чтобы усилить влияние парламентской левой.

23-го марта Дювержье де Оран взошел на трибуну с целью обосновать свой законопроект. Он говорил очень энергично и замечательно красноречиво, указывая на всю нелепость действующего избирательного закона, передавшего власть всего народа в руки немногих собственников, и вскрыл все противоречия между существующим избирательным правом и широковещательным либерализмом провозглашенной конституции. Одилон Барро и Бомон присоединились к нему и умоляли парламентское большинство—представителей крупной буржуазии,

не отворачиваться от реформаторских стремлений и принять законопроект. Но все эти разумные доводы не действовали на большинство, ослепленное своей избирательной победой. В насмешливых и презрительных выражениях Гизо нападал на законопроект и с горделивой самоуверенностью указал на «преимущества» существующей системы, которая не уделяет широкой массе избирательных прав и предоставляет их людям, обладающим государственным умом. С величайшим презрением он отозвался об общем избирательном праве; тогда ему крикнул Гарнье Пажес: «День общего избирательного права наступит!». Он на это ответил: «Этот день никогда не наступит!».

Хотя законопроект Дювержье был отклонен 252 голосами против 154, все-таки среди членов большинства не было уже прежней солидарности. Действительно, вскоре из рядов правой выделилась так называемая прогрессивно-консервативная фракция, принявшая в избирательном вопросе сторону оппозиции. Во главе этой фракции стал чрезвычайно энергичный и талантливый деятель Эмиль де Жирарден. Поэтому, когда 19-го апреля Ремюза, не испугавшийся «славного поражения» своего друга Дювержье, внес новый законопроект, направленный против предоставления зависимым чиновникам избирательного права (на чем настаивал Гизо, связав с этим вопрос о доверии кабинету), палата, хотя и не приняла его, но большинство выразилось уже цифрой 49, а не 98, как за месяц перед этим. Внесенное в это время Кремье предложение, запрещающее депутатам участвовать в железнодорожных и других предприятиях, нуждавшихся в специальном разрешении правительства, не было доведено даже до голосования, а было положено под сукно.

Теперь, наконец, постоянный парижский избирательный комитет объединенной радикальной и династической оппозиции решил выполнить давно задуманный им план и «открыть окно». Опасаясь быть совершенно уничтоженной после своего поражения в парламенте, оппозиция решила обратиться к массовым петициям, возбудить общественное мнение и, таким образом, нагнать страх на короля и его министров. И вот разыгрались события, которые можно было наблюдать 18 годами рань-

ше. Накануне 1830 г. старшая линия Бурбонской династии настолько склонялась к абсолютизму, что стала невыносимой даже для буржуазии или, по крайней мере, для известной части ее. Буржуазия и ее представители принялись за антиправительственную агитацию, надеясь таким путем заставить правительство ограничить свою власть определенными рамками. Они меньше всего думали довести народ до революции, так как последняя и в них вызывала священный трепет. Младшая линия Бурбонов и ее глава, Луи-Филипп, выбрали тот же скользкий путь и дошли до того поворотного пункта, как и старшая линия; либеральная буржуазия 1847 г., как и буржуазия 1830 г., также покинула палату, где она потеряла всякое влияние, и обратилась за помощью к народу, в надежде, что правительство, опасаясь народного возмущения, пойдет на уступки и согласится на либеральные реформы. И как в 1830 г., так и теперь огонь, который развели представители буржуазии, ни в коем случае уже не мог быть потушен по первому знаку, но против их воли распространился так широко, что вместо того, чтобы только запугать короля, он привел к гибели его и всю династию.

Потерпев неудачу в палате в марте и апреле 1847 г., оппозиция решила обратиться туда, где она надеялась найти сочувственный отклик—она апеллировала к общественному мнению Франции. После того, как первоначально принятая петиция была распространена по всей стране и была покрыта многочисленными подписями, оппозиция обратилась к другому, еще более сильному средству, к устройству банкетов. Депутаты из оппозиции соединились с центральным избирательным комитетом, и, кроме того, были приняты меры к объединению всех оппозиционных групп для общих действий против правительства. Марра из „National“ заявил от имени своей партии, умеренной группы республиканцев, о своем присоединении к протесту. Чтобы дать возможность крайней левой фракции оппозиции участвовать в общем деле, решено было говорить на банкетах не о законопроекте Дювержье, а вообще о необходимости социальных реформ. Тем не менее последовательные республиканцы не могли решиться принять участие в этой кампании. Они боялись, как бы их не обвинили в том, что они агитировали в пользу дела, связанного с сохранением королевской власти.

Первый банкет, устроенный центральным избирательным комитетом и депутатами оппозиции 9-го июля 1847 г. в «Château-Rouge», носил чисто буржуазный характер. Народ участвовал в этом банкете в качестве зрителя. Толпа, стоявшая у решотки сада, подпевала гимн марсельезы, доносившийся до нее из залы, и выражала свое одобрение аплодисментами. Речи на самом банкете были весьма умеренные. Барро указал, что истинный характер июльской революции систематически искажался в течение последних 17-ти лет. Дювержье де Оран заметил, что правительство Луи-Филиппа хочет хитростью достигнуть той же цели, которой реставрация старалась добиться силой. Участники банкета пели дифирамбы июльской революции и только несколько робких голосов раздалось за улучшение положения трудящихся масс.

Характерной особенностью этого банкета было то, что ни один бокал не был поднят в честь короля, об этом даже не было упомянуто в порядке дня. Умеренные члены оппозиции воздержались от этой дурной привычки, не желая отталкивать от себя более прогрессивные элементы. Это показывало, что подготовляемая оппозицией буря разразится и над самим тронном Луи-Филиппа ¹⁾.

Парижский банкет положил начало целому ряду подобных митингов в провинции. Наиболее демонстративный характер имел банкет 18-го июня в Маконе, родном городе Ламартина. Больше 6.000 избирателей и земляков поэта собрались, чтобы устроить ему оvation по поводу появления его «Истории жиро-ндистов». В то время, когда участники торжества собирались сесть за стол, поднялась очень сильная буря; полотно палатки, в которой они находились, было сорвано ветром. Рассказывают, что это обстоятельство сильно подействовало на пылкую фантазию поэта: «Если правительство,—воскликнул он,—не заботится о духовных и материальных нуждах народа, если оно окружает себя аристократией из среды избирателей, вместо того, чтобы слиться с народом, если оно Францию хочет превра-

¹⁾ Только г.г. Тьер, Дюфор, Ремюза и Вивьен не хотели отказаться от традиционных форм и не приняли участия в торжестве, потому что было решено не произносить тоста в честь короля.

тить в нацию мелких торгашей, готовых продать за хорошую плату добытую кровью их предков свободу..., если оно заставляет краснеть всю Францию за пороки своих чиновников, если оно доводит нас до злополучных подлогов, как мы это видим в настоящее время из скандального судебного процесса, если оно позорит нас и наше потомство бесчестьем представителей власти, то такое правительство падет, в этом вы можете быть уверены. Оно попадает в те же сети, которые оно расставило для других. И после того, как вы пережили революцию свободы и контр-революцию славы, вам придется пережить революцию общественной совести, революцию, вызванную ненавистью и презрением». Эта речь произвела огромное впечатление во всей Франции.

Банкеты следовали за банкетами, и это начало немного беспокоить правящие сферы. Их, главным образом, смущало то обстоятельство, что помимо количественного роста банкетов тон речей на этих собраниях делался все более резким, некоторые речи уже отчасти носили социалистический характер. Так, Виктор Консидеран, также принимавший участие в политическом движении, на банкете в С.-Кантене, где председательствовал Одилон Барро, произнес тост за «организованное братство народов». На другом банкете умеренный республиканец не только коснулся невыносимого положения трудящихся классов, но указал, что в моральном отношении они стоят гораздо выше буржуазии...

Когда воспитанные в традициях великой революции республиканцы увидели, какое направление принимают банкеты, то покинули свою выжидательную позицию и примкнули к общему движению. Их участие придавало, конечно, собраниям еще более резкий характер, нагнавший такой страх на некоторых умеренных оппозиционеров, что они тут же решили отказаться от дальнейшего участия в движении.

На одном банкете, в Лилле 7-го ноября 1847 г., впервые проявилось это более радикальное направление. Лилльский организационный комитет находился под влиянием журналиста *Шарля Делеклоза*, славного мученика парижской коммуны, имя которого покрыто неувядаемой славой в истории современной демократии. Благодаря ему были приглашены *Ледрю-*

Роллен и *Флокен*, два главных руководителя республиканской «Горы».

Они оба приняли предложение, но тут же оговорились в „*Réforme*“, что они отправляются в Лилль, чтобы опять водрузить там знамя революции, опущенное на других банкетах. Одилон Барро, который должен был председательствовать на этом банкете, как он председательствовал на многих других, сильно испугался такого оборота дел и выставил с своей стороны противоположное требование, чтобы на банкете был произнесен тост в честь июльских учреждений, т.е. в честь июльской монархии. В противном случае, объяснил он, он и его друзья не примут участия в торжестве. Но организаторы банкета не согласились на это и предоставили Одилону Барро с его свитой удалиться, и руководство собранием перешло в руки Ледрю-Роллена. Он провозгласил тост в честь трудящихся масс и ясно указал, что он и его единомышленники только от серьезной революции ждут исцеления от всех социальных зол. «Иногда,—воскликнул он,—в засуху Нил оставляет на своих берегах гнилые отбросы, гибель и заразу; но когда наступает половодье, то река в своем неукротимом течении смывает всю грязь, все нечистоты, и на ее берегах остаются плодородные ростки, зачатки новой жизни».

«Народ еще не сложил оружия,—воскликнул в Бетюне оратор,—он еще может наложить руку на корону, которую он сам дал, и может, разбив ее на куски, бросить в морские волны Шербурга». Из Шербурга, как мы видели, Карл X бежал в Англию.

Во многих местах говорили о политической революции, как о средстве к организации социальной революции. И, наконец, Флокен охарактеризовал положение вещей следующими словами: «Каждый стоит под своим знаменем! Пусть каждый борется за свои убеждения! Демократия с ее 25 миллионами пролетариев хочет всех освободить и приветствовать, как граждан, как братьев, равных и свободных! Смешанная оппозиция с ее денежной аристократией, напротив, говорит о мелких реформах, 100-франковом цензе! Мы требуем большего, мы требуем человеческих и гражданских прав для всех!»

И это, действительно, было конечной целью, для достиже-

ния которой должна была содействовать и банкетная кампания. Когда последняя находилась под влиянием династической оппозиции, она напоминала ручеек, который своим спокойным течением никому не угрожает; тогда при каждом официальном заявлении указывали на свое уважение к королевскому величеству. Но скоро другие, более сильные течения влились в спокойно текущий ручей, и он вздулся и сделался сильным, стремительным потоком, разрушительные волны которого не остановились даже перед королевским престолом.

Следует заметить, что в это время не одна только Франция была потрясена революционным движением. Французское движение за реформы было только звеном в цепи революционных бурь, которые разразились над большей частью европейского континента. И ораторы на банкетах не упустили случая использовать по мере своих сил это обстоятельство. Они напомнили своим слушателям об их старых симпатиях к Польше, годом раньше снова проявившихся при известии, что Польша ломает оковы. Душа и кошельки французов тогда раскрылись, чтобы оказать помощь несчастной стране. От Польши ораторы, сделавшиеся выразителями чувств французского народа, переходили к родственной стране латинской расы, к Италии, охваченной в течение последних месяцев 1847 г. сильным революционным брожением. В июне 1846 г. Пий IX был выбран папой и, по образцу многих князей, достигнув власти, сначала прикинулся либералом и согласился на некоторые реформы, которые, как ничтожны они ни были, все же встретили во всей Италии восторженный отклик, но вместе с тем они возбудили желание дальнейших политических и социальных преобразований. Особенно *Мадзини* и его сторонники старались обратить это народное движение на путь борьбы за национальную независимость и республиканскую конституцию. Правительственная власть скоро почувствовала себя бессильной против этого народного движения, и вот великий герцог Тосканский весной 1847 г. счел себя вынужденным уступить. Ему пришлось примириться с существованием оппозиционной печати и созвать сейм. Сардинский король, *Карл-Альберт*, также вынужден был сделать буржуазии подобные же уступки. Папа был доведен до того, что уже не мог не дать своим тогдашним светским

владениям, церковной области, своего рода конституцию. В действительности, последняя была фиктивной, так как созданный областной совет имел только совещательный голос и только наполовину состоял из выборных страны, другая его половина была назначена папой.

Французские ораторы на банкетах в очень резких выражениях отметили роль дома Габсбургов в этом движении.

Они указали на деспотические мероприятия, которыми Габсбурги старались подавить движение, охватившее почти всю Италию. Они также указывали, что, вопреки договорам 1815 г., Австрия уже овладела Феррарой и, таким образом, нанесла удар зарождавшейся итальянской свободе.

Ораторы при том указывали на факты, которые их слушателям, еще не забывшим великих дел первой республики, должны были показаться более страшными. Они подчеркнули, что конституционная июльская монархия сделалась добровольным слугой и пособником монархического абсолютизма; что заядлый кальвинист *Гизо* поддерживает тайные сношения с *Меттернихом*, который был душой самой злой и низкой европей-

ской реакции и главным организатором так называемого «священного союза» государей против европейской революции. Меттерних был палачем всяких либеральных стремлений, и Гизо считался его преданным помощником, ему приписывали провокаторское распространение волнений в Италии, что должно было служить поводом к быстрому подавлению зарождающегося итальянского конституционализма. И это в такое время, когда даже Бурбон Фердинанд Неаполитанский, яркий представитель абсолютизма, счел себя вынужденным начать заигрывать с конституцией (в январе 1848 г.).

Какую жалкую роль, говорили ораторы, заставляют эти ничтожные мракобесы, распоряжающиеся судьбами Франции, играть страну, пережившую великую революцию и доставившую многим европейским государствам либеральные учреждения! Поэтому нетрудно понять, как сильно такие жалобы и гневные вспышки должны были волновать народ, сознававший, что его честь топчут в грязь ничтожные правители Франции.

О министре-президенте Гизо было известно, что вся его внутренняя и внешняя политика является исключительно выражением «непреклонной воли» его повелителя Луи-Филиппа. Поэтому весь позор его ухаживания за Меттернихом, пользовавшимся всеобщей ненавистью, падал одинаково на обоих: на короля и его министра. Позорная политика французского правительства особенно ярко выразилась по отношению к либеральной Швейцарии. В Швейцарии в течение последних лет до 1848 г. демократические идеи охватывали все более широкие общественные слои. Во многих кантонах абсолютистские правительства были свергнуты, церкви закрыты и интригующие иезуиты изгнаны. Для борьбы с этим движением Меттерних содержал в Швейцарии целый штат провокаторов, подстрекавших католические кантоны образовать отдельную лигу «Зондербунд». Зондербунд представлял собой политический союз внутри Швейцарии, ставивший себе целью поддерживать государственную и церковную реакцию. Светской власти он помогал тайно и явно, а в случае крайности, вооруженным вмешательством соседних великих держав, Франции и Австрии; духовной власти—призывом изгнанных из швейцарского союза иезуитов. Этим стремлениям Зондербунда, издававшегося над

сильно окрепшим национальным чувством швейцарцев, действующая согласно союзной конституции центральная власть (кантональное правительство Берна и состоявший из представителей 22 кантонов союзный совет) решила положить конец, хотя бы даже пустив в ход вооруженную силу. 20-го июля 1847 г. совет большинством 13 голосов против 9 постановил распустить Зондербунд, и 9-го сентября состоялось решение спясть изгнать иезуитов, вновь допущенных в зондербундские кантоны. В этот критический момент французский посол при швейцарском союзе, фанатический католик, граф Буа ле Конт, убеждал не менее фанатического руководителя Зондербунда, католического шведа Зигварта Мюллера, оказать сопротивление совету, обещая поддержку Франции. Эта поддержка выражалась только в доставке оружия, денег и амуниции, в угрожающих нотах к Швейцарской республике, анкетах к великим державам и официальном заявлении в „Revue de Deux Mondes“. Но Швейцария не позволила себя обмануть, и 24-го октября совет решил мобилизовать союзную армию из 50.000 человек, назначив женевского генерала Дюфора главнокомандующим; призванные под ружье швейцарцы охотно и радостно начали собираться со всех кантонов в защиту свободы своей родины.

Уже 14-го ноября пал Фрейбург, 24-го ноября сдался без боя Люцерн. Таким образом, было покончено с замыслами Зондербунда, затеянный дипломатический поход г. Гизо не удался, потому что лорд Пальмерстон отказался «ополечить Швейцарию».

Оппозиционные ораторы в палате и на банкетах нашли в этих событиях благодарный материал для иллюстрации своей мысли, что июльская монархия играет роль жандарма в реакционных выходках иезуитов.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Король открывает заседание палаты. Вызов брошенный оппозиции. Методы борьбы оппозиции. Дебаты по поводу адреса. Подкуп, покрываемый правительством. Токвиль предсказывает социальную революцию. Отмена права собраний. Запрещение собраний в 12-м парижском округе. Вечер накануне боя.

28-го декабря 1847 г. открылась сессия палаты, которой суждено было стать последней. Первое заседание открыл лично король. Многих занимал вопрос, пойдет ли правительство на уступки или доведет дело до крайности? Тронная речь короля должна была дать ответ на этот злободневный вопрос и положить конец всем сомнениям. Поэтому с лихорадочным нетерпением ждали, что скажет король.

Вошел король; он казался постаревшим, надломленным и начал свою речь неуверенным, почти беззвучным голосом.

С напряженным вниманием слушали его депутаты, надеясь найти в его словах хоть тень уступчивости. Сделай король хоть незначительную уступку, и они бросились бы в объятия короля, чтобы избежать революции, приближение которой они чувствовали. Но Луи-Филипп говорил холодно, угрожающе. Вопросы же об избирательной реформе он коснулся в выражениях вызывающих и оскорбительных для оппозиции.

Он сказал: «При господствующем возбуждении, вызванном враждебными, слепыми страстями, меня ободряет и поддерживает убеждение, что в конституционной монархии, в единстве нашей сильной государственной власти мы имеем верное средство преодолеть все препятствия и удовлетворить все духовные и материальные потребности нашего дорогого отечества».

Оппозиция, почувствовав в этих словах смертельное оскорбление, огласила залу криками ярости и возмущения.

Согласно конституционному обычаю, палата имела право ответить на тронную речь адресом, и оппозиция во время этих дебатов, конечно, не пропустила случая излить на министерство всю накипевшую в ней злобу.

22-го января начались бурные прения в недавно еще мирной палате пэров, состоявшей большей частью из высоких сановников монархии. Теперь, ввиду открытого недовольства, нашлись и здесь некоторые люди, осмелившиеся напасть на безумную реакционную политику министерства. Молодой еще пэр, *о Альтон Ше*, говорил с пламенным воодушевлением. Он дошел до того, что начал прославлять республиканское восстание борцов С.-Мери. Другой пэр, *де-Баусси*, указал на подкуп, к которому прибегает бесчестное правительство Франции. Но речи этих двух главных ораторов оппозиции произвели слабое впечатление на старых аристократов, привыкших с детства раболепствовать перед монархией. Только указание на предстоящее торжество революции могло вывести их из состояния полной анархии. Это и было выполнено горячим ультрамонтаном графом Монталамбером, восплаавшим благочестивым гневом против министерства Гизо, допустившего, чтобы Зондербунд и замыслы иезуитов в Швейцарии потерпели крушение. В своей речи Монталамбер старался доказать, что революция со всех сторон надвигается на границы Франции и своим железным кулаком стучится в двери старого общества.

«Франция», воскликнул пламенный апостол католицизма, «находится в критическом положении. Знамя, которое вы победили в 1832 и 1834 г.г. в Лионе, это самое знамя опять подымется по ту сторону Юры... Новое нашествие варваров угрожает социальному порядку всей Франции».

«С дрожащими от волнения губами молодой оратор набрасывал перед охваченным трепетом собранием яркую картину разрушения: имущества будут разграблены, права нарушены, самые священные и лучшие чувства граждан грубо оскорблены с нашествием новых варваров». (Daniel Stern, „Histoire de la Revolution de 1848“ volume 1, chap. 5.)

Это было более, чем достаточно, чтобы перепуганные пэры Франции громадным большинством одобрили политику правительства.

В палате депутатов дебаты носили еще более страстный и резкий характер, но и здесь оппозиция совершенно безрезультатно ломала копыя. Прения начались не прямо с адреса. Новый случай подкупа, более возмутительный, чем все предыдущие, дал оппозиции повод перейти к личным нападкам на добросовестность премьер-министра, с чьего разрешения, как говорили, происходила самая низкая торговля государственными должностями. Один впутавшийся в грязную историю чиновник, по имени Пти, сознался, что он занял свое высокое должностное положение, купив у своего предшественника за 6.000 фр. ежегодной ренты место в счетной палате.

Факт был несомненный, и Гизо не мог его отрицать, но он только заметил, что такого рода обмен и продажа должностей издавна практиковались правительственными чиновниками. Таким образом, лишний раз узнали, что при господстве буржуазной монархии, как и вообще буржуазии, за деньги все можно купить.

Далее Гизо заявил, что он с удовольствием констатирует тот факт, что общественное мнение с возрастающей строгостью осуждает такие поступки; разбираемый случай он назвал «незначительной аферой». Это заявление было для оппозиции неожиданным козырем, чтобы втянуть самого министра в эту грязную историю.

«Вы называете это мелочью, вы, министр великой и благородной нации», воскликнул Одилон Барро громовым голосом, «торговать высшими должностями Франции и эти деньги употреблять на ваши нужды! С давнего времени я знал, что в политических вопросах мы придерживаемся различных взглядов, но что касается вопросов порядочности и элементарной честности, то я должен сознаться, что до сегодняшнего дня я думал, что наши мнения на этот счет вполне совпадают». На послушное большинство палаты (223 ч.) филиппики Барро не подействовали; напротив, правительственная партия, удовлетворенная объяснением Гизо, нашла образ действий премьера вполне корректным. Но в глазах озлобленного народа Гизо проиграл не мало: раньше в его личной добропорядочности никто не сомневался, теперь его начали считать продажным.

Это было только начало, и если оно вызвало бурю, то пре-

ния по поводу самого адреса должны были привести к еще более бурному взрыву общественного недовольства.

Первый взял слово Тьер, мечтавший о свержении министерства, надеясь занять место Гизо. Он обрушился на министерство в области финансового хозяйства, и на время ему удалось вызвать волнение в палате, исполнилось даже правительственное большинство. Никакой буржуа не может оставаться равнодушным, когда речь заходит о деньгах и процентах. Тьер, обладавший в финансовых вопросах большими познаниями, показал, как, благодаря правительственной политике, стремительно возрастает ежегодный дефицит при уже имеющемся государственном долге более, чем в 5 миллиардов. Он ясно указал палате, какими опасностями грозит стране продолжение такой политики.

Приведенные им неопровержимые цифры значительно усилили и без того напряженное настроение палаты. Но все-таки большинство отклонило все поправки, порицавшие финансовую политику правительства.

Во время дебатов оппозиция еще раз показала всему буржуазному миру всю его внутреннюю гниль. Это разложение, прямое следствие абсолютного господства финансовой аристократии, в действительности настолько возросло и так глубоко проникло во все слои буржуазного общества, что даже те, в чьих интересах было скрыть свое участие во всеобщей продажности, больше уже не осмеливались отрицать факта ее существования. Член правительственного большинства, депутат Билло, предложил внести в ту часть адреса, которая касается внутренней политики, следующую поправку: «палата призывает правительство непрерывно содействовать подъему морального уровня народонаселения и не ослаблять его больше дурным примером». Эта поправка была равносильна пощечине правительству Луи-Филиппа.

Во время дебатов, вызванных этой поправкой, взошел на трибуну Токвиль, также принадлежавший к правительственному большинству. Он, указав на опасность, которой подвергаются имущие классы, выставляя на показ перед глазами низших слоев населения всю глубину своего нравственного падения, пророческим тоном прибавил: «Разве вы не видите, что в ра-

бщем классе политические страсти превратились в социальные? Разве вы не замечаете, что в их сознание проникают идеи, направленные не против того или иного закона, не против того или иного министерства, но клонящиеся к тому, чтобы уничтожить все современное общество.. Рано или поздно они вызовут ужасную революцию... Мы спим на вулкане»... Однако, и это предостережение, как и многие другие, не повлияло на большинство палаты. Последнее желало, прежде всего, чтобы не нарушали его покоя. Если речь Тьера была достаточно сильна, чтобы поколебать на несколько часов несокрушимую веру в Гизо, то это потому, что он указал на опасность, которая более всего понятна буржуазии, на опасность финансового кризиса. Только вопрос о деньгах может заставить разыграться буржуазные страсти. Призрак социальной революции, который вызвал Токвиль, показался всем слишком далеким; ввиду того, что они не могли его нащупать рукой, они и не верили в его существование. К тому же вообще не верили в успех народных восстаний. Как часто последние в течение 18 лет бывали жестоко подавляемы! Разве недостаточно одной кавалерийской атаки, чтобы разбить наголову инсургентов?

Приблизительно так рассуждали представители крупной буржуазии. Они не предчувствовали, что пророческие слова Токвиля скоро сбудутся, что уже собирается буря, что им придется трепетать от страха при виде рвущихся в бой парижан, при виде взрываемых для постройки баррикад мостовых и торжествующей массы презренных блузников, которые на некоторое время станут хозяевами Франции.

После нападков на внутреннюю политику наступила очередь внешней. Последняя была и труслива, и реакционна. Направленная исключительно в интересах финансовой аристократии, она была проникнута страхом вызвать какое-нибудь столкновение с континентальными великими державами. Она самым грубым образом оскорбляла воспитанное целыми поколениями национальное чувство французов.

На трибуне появилась высокая фигура *Ламартина*. Его лицо казалось более бледным и морщинистым, чем обыкновенно. Он уже давно не говорил в палате и напряженное ожидание выражалось на всех лицах. Сильно и внушительно зазвучали

в зале слова поэта, его голос достиг крайней степени напряжения, когда он начал упрекать министерство за его рабочую политику по отношению к европейской реакции. Ламартин обвинял министерство в том, что оно помогает Австрии подавить Италию и иезуитам уничтожить швейцарскую свободу. В заключение он следующими словами охарактеризовал всю внешнюю политику правительства: «Таким образом, Франция, вопреки своим традициям и всем своим насущным интересам, в Риме и Пьемонте держит сторону Австрии, в Берне — иезуитов, в Кракове — России, только родные интересы она нигде не защищает, зато с революцией она борется везде».

Гизо не легко было оправдать свою внешнюю политику. Своим сухим и резким голосом он начал прославлять австрийское правительство, которое в общественном мнении Франции было самым непопулярным из всех реакционных правительств. Он назвал его даже «умеренным» и закончил свою речь резкой вылазкой против либералов, как раз в это время взявших верх в Турине и Милане, Риме и Палермо.

Эффект речи Ламартина был уничтожен тем, что *Тьер* взошел на трибуну и высказался в пользу того, что он назвал «делом европейской революции». «Меня поражает изумительная смелость, — воскликнул он патетически, — с какой правительство взяло на себя дело контр-революции». Но бывший министр никогда не выпускал из виду возможности опять занять свое кресло, поэтому он решительно воздержался от резких нападков на договоры 1815 года. Их, дескать, нужно оставить в силе, хотя они и достойны порицания. Другими словами, Италия не должна быть освобождена от австрийского ига. На это Гизо ему возразил с холодной насмешкой, что он желает того же, что и г. Тьер, только ему никогда не приходило в голову тратить столько слов, сколько последний. Этим же возражением он разбил Тьера, когда речь коснулась позиции, занятой правительством в швейцарских делах.

Если правительство добилось во всех пунктах адреса вотума доверия от покорного большинства палаты, то оставалось еще одно место-тронной речи, по поводу которого министерству было особенно трудно войти в соглашение с палатой. Проект ответного адреса, выработанный Гизо, сохранил оскорбитель-

ные слова короля по отношению к руководителям освободительного движения почти без всякого изменения; только упрек во враждебности, т. е. в злом намерении, был заменен словом «ослепление». Гизо хотел, чтобы оппозиция, оскорбленная королем, получила также пощечину и от палаты; этим он еще больше усилил ее озлобление.

Положение вещей обострилось еще следующим обстоятельством: до сих пор правительство никогда не принимало никаких административных мер против банкетов; оно никоим образом не пыталось делать какие-либо предписания против происходивших политических собраний. Но в виду того, что движение принимало все более грозный характер, правительство вдруг оставило свою выжидательную позицию. К началу 1848 года банкеты стали устраиваться реже, так как депутаты оппозиции боялись утомить своих приверженцев слишком частыми собраниями и старались во время дебатов по поводу адреса сосредоточить их внимание на положении дел в палате. Тем не менее, центральный избирательный комитет решил устроить 19-го января банкет избирателей 12-го округа департамента Сены (Париж). Таким образом, сама столица могла принять активное участие в движении, а это правительство Луи-Филиппа считало недопустимым. Префект полиции запретил банкет, на что организационный комитет ответил, что он считает запрещение префекта актом грубого произвола, а потому незаконным и недействительным.

Таким образом, правительство нарушило право собраний, на которое привыкли смотреть, как на право, гарантированное конституцией. Этим оно вызвало новую бурю, долженствовавшую, в конечном счете, привести к падению июльской монархии.

Депутаты оппозиции из-за прений по поводу адреса сначала не намерены были присутствовать на банкете 12-го округа, но под влиянием общего возбуждения, вызванного запрещением банкета, они изменили свое решение.

На вопрос делегатов 12-го округа, думают ли они и теперь после вызова, брошенного правительством, оставаться пассивными, представители парламентской оппозиции выразили свою полную готовность содействовать организации большого ми-

тинга протеста против правительственного произвола с одним только условием: день банкета должен быть назначен после окончания прений в палате по поводу адреса.

Вопрос об этом банкете постепенно принял характер решительного столкновения между оппозицией и королевской властью, потому что правительство, не долго думая, приняло на себя ответственность за распоряжение префекта. Когда об образе действий последнего был сделан запрос в палате, министр внутренних дел *Дюшатель* заявил, что согласно закону 1791 г. правительство вправе запретить всякое политическое собрание, если оно имеет основание опасаться, что при этом будет нарушен общественный порядок. В ответ на этот новый вызов, *Дювержье де Оран*, шедший рука об руку с *Одилоном Барро* в первых рядах банкетной кампании, заявил от имени оппозиции, что она не будет обращать внимания на запрещение префекта и, что бы ни случилось, примет участие в банкете.

Свое заявление *Дювержье* сделал 7-го февраля, тотчас же, как были открыты прения по вопросу о банкетной кампании. Наружно спокойный, взшел он на трибуну и сказал твердым, решительным голосом: «Я лично считаю политические собрания законными и свободными и прямо заявляю, что я готов присоединиться к тем, которые путем открытого и законного сопротивления хотят испытать, могут ли и в какой степени быть нарушены права граждан спустя 18 лет после нашей революции простым полицейским распоряжением». Вся оппозиция присоединилась к этому призыву криками: «мы также, мы все!»

«Политические собрания будут подавлены,—возразил граф *Дюшатель*,—и если вы предполагаете, что правительство, которое только исполняет свой долг, испугается каких-либо манифестаций, то я вам заявляю, что вы глубоко ошибаетесь».

Эти слова вызвали целую бурю, со всех сторон раздались крики и угрозы. *Одилон Барро* бросается на трибуну и напоминает, что право свободно собираться есть одно из необходимых условий существования конституционного государства. На это ему министр юстиции *Гебер* (*Hébert*) грубо возразил, что, по его мнению, во Франции не существует никаких других прав, кроме тех, которые точно обозначены в конституции.

Свою речь он закончил угрозой, что, если оппозиция не откажется от вызывающей тактики, то правительство вынуждено будет исполнить свой долг пред страной. Эти слова вызвали новую бурю. Одилон Барро закричал: «Вы идете еще дальше реставрации». Оппозиция его поддержала, а правая ответила противоположными криками. Наконец, среди шума и бурных возгласов раздался громовой голос Ледрю-Роллена. Он объяснил, что ни одна конституция, действующая согласно естественному праву, не осмелилась посягнуть на свободу собраний. «Подумайте, куда это вас заведет», воскликнул он, «с вашими софизмами вы дойдете до того, что станете отрицать всякий неписанный закон. Другими словами, вы парализуете живительную силу человеческой морали, вы нарушаете неписанные, но священные и неотъемлемые права человека и гражданина».

Борьба в парламенте продолжалась уже четыре дня, когда 11-го февраля, принадлежавший к министерской партии депутат *Демуссо де Живрэ* сделал последнюю попытку примирить враждующие стороны. Он предложил зачеркнуть в адресе слова «слепые и враждебные», которые были особенно оскорбительны для оппозиции. Умеренный депутат *Шарль Ремюза* поддерживал это предложение. По его мнению, Франция никогда не находилась в таком критическом положении, никогда еще не были так потрясены все общественные устои и никогда еще не чувствовалась такой потребности в посредничестве и примирении.

Как и Токвиль, он апеллировал к общественному чутью буржуазии, указывая на опасность грозящего народного восстания. По некоторым признакам немногие вдумчивые люди уже предчувствовали наступление революции.

Однако все эти предостережения не оказали никакого влияния на правительственное большинство. Вообще в палате царило такое настроение, что на нее не действовали никакие разумные доводы. Когда-то спокойное буржуазное собрание напоминало теперь бурные дни великого конвента. Какое-нибудь резкое замечание вызывало шум и пререкания, ораторов прерывали оскорбительными и провоцирующими криками, страсти разыгрались. В последнюю минуту, 10-го февраля, когда

уже хотели пустить на голосование пункт, касающийся вопроса о банкете, Ламаргин еще раз взшел на трибуну. Моментаً стало тихо: «Пожалуйста, гг. министры,—воскликнул он,—подавляйте голос народа полицейскими мерами! Но прежде, чем решиться на этот шаг, вам не мешало бы вспомнить о том, что произошло в зале мяча, где также речь шла только о произвольном нарушении свободы собраний. Зала мяча, господи, была местом для собраний. Ее закрыли правительственные чиновники и открыл ее сам народ».

Это риторическое предостережение Ламаргина имело также мало успеха, как и поправка, внесенная Демуссо, и речь Ремюза. Преданное министерству большинство палаты одобрило образ действий правительства 228 голосами против 185: было решено оставить в тексте слова «враждебные и слепые страсти».

Многие консерваторы только в силу необходимости поддерживали правительство Луи-Филиппа: инстинкт самосохранения им подсказывал, что правительство находится на краю гибели. Поэтому они все выискивали средства, чтобы предупредить конфликт. Один из них, парижский крупный торговец Саландруз, личный друг короля, предложил внести следующую поправку: «мы надеемся, что правительство возьмет на себя инициативу разумных и умеренных реформ, которые требуют общественного мнения».

Возможно, что парламентское большинство приняло бы это предложение, внесенное одним из его же членов; оно только ждало знака от Гизо. Но последний не хотел себе связывать рук: «Министерство не берет на себя никаких обязательств насчет будущего. Консервативная партия не солидарна по вопросу о реформах. Деятельность министерства будет проникнута неуклонным стремлением сохранить единство в консервативной политике».

Парламентское большинство почтительно выслушало это наставление и с большой готовностью присоединилось к точке зрения премьер-министра. Поправка Саландруза была отвергнута.

Так закончились дебаты по поводу адреса; они продолжались с 22-го января до 12-го февраля. Никогда еще за все время Луи Эригэ.

мя июльской монархии «меньшинство» палаты не держалось так демонстративно. Все либеральные идеи были осмеяны, и оппозиция потеряла всякую почву для деятельности в палате. Она могла надеяться на успех только вне стен палаты, потому что эта парламентская борьба должна была возбудить в народе дорогие воспоминания, она должна была ему напомнить о его прежних победоносных восстаниях.

Не потерял же народ, боровшийся раньше так умело и успешно за демократические принципы, говорили себе многие энтузиасты, не потерял же он теперь эту способность!

Под непосредственным впечатлением своего поражения в палате, возмущенная оппозиция обратилась к народу и указала ему путь борьбы с господствующим режимом. 13-го февраля собрались депутаты оппозиции около 100 человек, выработали текст протеста против действий правительства и напечатали его во всех газетах. В этом официальном заявлении они выражали свое негодование против адреса, особенно против последнего пункта, касающегося вопроса о банкетах. Не менее решительно они протестовали против попыток уничтожить во Франции свободу собраний. Они заявили, что будут бороться всеми законными средствами за сохранение этого права. Для этой цели они выбрали комиссию, которая должна была войти в сношения с центральным комитетом парижских избирателей, чтобы вместе устроить митинг протеста.

Вызов был брошен, и правительство не замедлило его принять; оно начало делать чрезвычайные военные приготовления.

Депутаты оппозиции, повидимому, не особенно торопились с организацией банкета, о котором они возвестили с такой помпой. Многие открыто жалели, что зашли так далеко. День проходит за днем, а о банкете ни звука. Более решительные либералы и революционеры, думавшие об организации внушительной демонстрации, теряли терпение и настойчиво требовали более энергичного образа действий. Трусливые руководители парламентской оппозиции оправдывались тем, что они еще не нашли удобного места для предполагаемого банкета.

Наконец, стало известно, что депутат Ташеро, нашел подходящее место вблизи Елисейских полей, что уже приступили к постройке большого павильона, который к 22-му февраля дол-

жен быть готов. Следовательно, в этот день, во вторник, будет устроен банкет.

В это время между буржуазными фракциями палаты происходили всевозможные совещания и переговоры, конечная цель которых была лишить предстоящий банкет, по крайней мере, всякой революционной окраски. Консерваторов охватывал трепет при мысли, что грандиозная демонстрация может разжечь народные страсти; буржуазные члены оппозиции дрожали перед возможными последствиями ими же начатой агитации. Как те, так и другие, из страха перед *народной* революцией хотели притти к какому-нибудь компромиссу, который позволил бы им вести борьбу с правительством без участия народных масс. Консерваторы сделали первый шаг в этом направлении. Посредниками для ведения переговоров явились Витэ и граф Морни, которые и отправились к Дювержье де Орану и Одилону Барро; предложение консерваторов сводилось к следующему: депутаты оппозиции должны присутствовать на банкете чтоб этим показать, что они попрежнему стоят за свободу собраний и не считаются с запрещением префекта. Правительство в свою очередь сделает то, что оно считает своей обязанностью. Полицейский комиссар объявит банкет незаконным и предложит участникам разойтись. Президенты собрания будут привлечены к судебной ответственности, и суд решит, кто был прав, оппозиция или правительство. Таким образом вопрос о свободе собраний будет перенесен в судебную инстанцию, приговору которой и подчинятся обе стороны — и оппозиция и правительство.

Как ни оскорбительно было это предложение, все-таки руководители династической оппозиции ухватились за него обеими руками. Они надеялись таким образом замаскировать свое отступление и разыграть комедию, истинную подкладку которой широкая масса не поймет.

Между тем, содержание этих переговоров стало известно в городе. Средняя буржуазия и значительная часть мелкой, главным образом лавочники, были согласны с предложением консерваторов; но в радикальных кругах, среди студенчества и особенно в рабочих кварталах, где с каждым днем возрастало влияние революционеров, задуманный план вызвал неожидан-

ный энергичный протест. Умеренная оппозиция потеряла в их глазах всякий кредит, что имело громадное влияние на дальнейший ход событий.

Говорят, крайности сходятся. Это случилось и здесь. При дворе тоже были недовольны этим компромиссом. «Мне изменяют вместо того, чтоб исполнять свой верноподданныческий долг», воскликнул Луи-Филипп, когда он узнал о происшедшем соглашении. Он так часто подавлял вооруженные восстания, что не верил в возможность серьезной опасности для своего трона со стороны народных масс. На этот раз он глубоко ошибался. Гораздо ближе к истине была другая его мысль: что руководители оппозиции представляют собою только кучку задорных краснобаев. Между тем, именно сошлись на этом компромиссе, несмотря на то, что он вызывал большое недовольство как в правительственных сферах, так и в прогрессивных кругах интеллигенции и народа. Утром 21-го февраля оппозиционные газеты опубликовали программу предстоящей манифестации. Редакции „Reforme“, „Democratie pacifique“ и „National“ поместили ее на первом столбце своих газет. Программа была составлена почти одним Арманом Марра, редактором „National“.

По мнению многих историков, руководители оппозиции были слишком заняты, чтоб ее просмотреть более внимательно. Этим, дескать, и объясняется, что она носила несколько официальный характер. Участники процессии, гласило в этой программе, должны соблюдать общественную тишину и спокойствие: шествие, состав которого вычислялся в несколько десятков тысяч человек, должна сопровождать национальная гвардия, без оружия, со своими офицерами во главе. Рабочие группы должны расположиться шпалерами и, с депутатами во главе, направиться от церкви св. Магдалины по улице Рояль через площадь Согласия к месту банкета.

Этой умеренной программой реакция воспользовалась, как предлогом, чтоб отказаться от сделки. Правительство все еще не имело представления о том, что оно находится на краю гибели. Влиятельные реакционеры думали только о том, как бы им опять приобрести расположение короля, на которого произвела плохое впечатление сделанная ими уступка. Они осыпа-

ли организаторов банкета целым градом упреков: последние, мол, усвоили тактику инсургентов, осмеливались посягнуть на права верховной власти и обратились за помощью к национальной гвардии и народу. Все эти измышления консерваторы пустили в ход для того, чтобы замаскировать свой отказ от данного ими слова. Морни и Витэ сейчас же известили Одиллона Барро об изменившемся настроении правительства. Это привело его и Дювержье в большое смущение. Они предложили составить объяснительную записку, которая смягчила бы значение этой программы и ясно указала, что, приглашая к участию национальную гвардию, они руководствовались исключительно желанием сохранить порядок во время банкета. Граф Морни поспешил с этим заявлением к Гизо и Дюшателю, но он встретил с их стороны одни только насмешки.

Между тем, на улицах Парижа появились войска; с утра до поздней ночи они двигались по разным направлениям. На стенах домов появились официальные извещения. В одном из них полицейский префект заявляет о запрещении банкета; в другом он предписывает парижскому населению не собираться в процессии. Третье извещение гласило, что начальник национальной гвардии, генерал Жакмино, запрещает национальным гвардейцам участвовать в банкете.

Трудно себе представить более жалкую роль, чем та, какую играла парламентская оппозиция во время этих событий. Правда, Одиллон Барро интерпеллировал министерство и требовал снятия запрещения, но все его поведение обнаруживало страх и неуверенность. Он боялся взять на себя ответственность за предполагаемую манифестацию; с другой стороны—у него не хватало мужества отклонить ее от себя. Он в общем производил впечатление школьника, которого строгий учитель накрыл на предосудительной шалости.

21-го февраля в 5 часов пополудни собрались депутаты оппозиции у Од. Барро, чтобы обсудить вопрос о том, какой им следует принять образ действий. Дебаты были непродолжительные, но очень горячие. Тьер дрожащим от страха голосом доказывал, что бороться с правительством невозможно, что теперь уже речь идет не о манифестациях, а о восстании, которое нельзя допустить. Большая часть руководителей оппо-

зии соглашалась с ним, один только Ламартин, возмущенным вызывающим образом действий министерства, в замечательной речи,—может быть, самой лучшей из всех его речей,—заклинал своих товарищей продолжать оказывать сопротивление правительству ¹⁾).

Его бурная речь не оказала почти никакого влияния на членов оппозиции. Большинством 80 голосов против 17 они решили отказаться от банкета. Испытывая, вероятно, некоторый стыд за свое позорное отступление, они тут же подписались под мотивированным протестом против распоряжений министерства Гизо.

Ясно, что в тот момент никто не верил в возможность революции; государственный переворот казался возможным только в далеком будущем. Вечером 21-го февраля состоялось собрание «Горы» и некоторых полу-социалистических элементов в бюро „Réforme“. Присутствовали также Луи Блан и Ледрю-Роллен. Последний отзывался с большим презрением о революционерах, которые настолько наивны, что считают при данных обстоятельствах возможную успешную борьбу с правительством. Луи Блан поддерживал это мнение, а Флокон написал статью для „Réforme“, в которой он призывал народ к спокойствию. Другие представители этого направления, напротив, верили в возможность вооруженного восстания, но все-таки подчинились мнению своих товарищей и направились в предместья на собрания тайных обществ, чтобы ознакомиться с тамошним настроением.

Не подлежит никакому сомнению, что тогда существовало

¹⁾ Ламартин пользовался тогда огромной популярностью в народных массах. Он прекрасно сознавал всю шаткость господствующей политической системы, однако и в данном случае, как и вообще за все время своей политической карьеры, он действовал по чисто личным побуждениям. Спустя год, когда он не имел уже никакого влияния на политические круги Франции, он открыто заявлял, что его несогласие, которое, между прочим, не вышло за пределы тесного круга присутствующих товарищей, было величайшей или скорее единственной ошибкой всей его политической деятельности. Все это достаточно характеризует этого господина. Во время второй империи он принимал милости Луи-Наполеона (т.-е. Бонапарт принял участие в национальной подписке для Ламартина).

в Париже и в провинции много тайных революционных союзов. Сохранились даже обломки «Времен года». Но и среди руководителей этих тайных обществ только немногие верили в успех вооруженного восстания.

Мы сейчас увидим, как думал народ, как он действовал и чем он ответил на призыв к спокойствию со стороны трусливой оппозиции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

22-го февраля. Народ на площади Согласия. Участники из студенчества. Вторжение в палату. Парламентская оппозиция. Баррикады. Париж наводнен войсками. События 23-го февраля. Утренний бой. Падение Гизо и его министерства. Кажущийся мир. Драма на бульваре Капуцинов. Ночь с 23-го на 24-е февраля.

Утро 22-го февраля было пасмурное. Покрытое мрачными тучами небо повисло над столицей. Дул сильный, холодный ветер и накрапывал мелкий дождь. Но, несмотря на дождь и резкий ветер, в северных и восточных предместьях показывались группы народа, которые сначала вели себя очень сдержанно и медленно шли вдоль больших бульваров по направлению к площади Магдалины.

Правительство и его приверженцы радовались дурной погоде и смотрели на это, как на ниспосланное свыше спасение. Они надеялись, что дождь и холод рассеют многочисленные толпы любопытных, которые во время политических волнений наводняют улицы и площади столицы и из-за пустяка способны притти в сильное возбуждение.

Но на этот раз правительство ошиблось в своих расчетах. Дурная погода не помешала народу выйти на улицу. Да это и не были просто любопытные, которые раньше во время подобных демонстраций в большом количестве наводняли улицы Парижа. Это были большей частью люди решительные, с сильно развитым революционным инстинктом. Агитация последних дней, приготовления, делаемые правительством, движение войск по городу, распоряжения полиции об удалении с улиц всякого материала, пригодного для постройки баррикад, все это вместе взятое должно было вызвать в народе предчувствие

надвигающейся бури и создать в более решительных демократических элементах известное боевое настроение.

Мало-по-малу, небольшими группами народ собрался на площади Согласия ¹⁾.

Не опасаясь серьезной манифестации и не желая зря вызывать конфликт, правительство не сосредоточило свои войска на площади Согласия. Толпа все росла, ее настроение делалось все более напряженным. Марсельеза, революционный гимн жирондистов, огласила воздух, сменяемая непрерывными криками: «Да здравствует реформа! Долой Гизо!». Казалось, что проливной дождь действовал только возбуждающим образом на народ. Вскоре случилось одно обстоятельство, которое дало возможность собравшимся проявить всю накипевшую в них ненависть в другой форме, не ограничиваясь одними только возгласами и революционным пением. Дело в следующем: на другом сборном пункте, на площади Пантеона, народная масса приняла довольно угрожающий вид. Эта площадь находится в Латинском квартале, где живет, главным образом, студенчество; поэтому здесь ядро манифестантов составляли студенты, к которым в большом количестве присоединились и рабочие. Еще накануне условились собраться на этой площади, чтобы отсюда двинуться на соединение с предполагавшейся процессией, в твердой уверенности, что банкет состоится. Теперь собравшиеся убедились, что их обманули, но все-таки они решили устроить шествие. Правда, некоторые буржуазные сынки пытались удержать своих товарищей-студентов, но они потерпели неудачу. Слившись в одну компактную колонну, с пением марсельезы, толпа, уже насчитывавшая несколько тысяч человек, быстро прошла Латинский квартал, направилась по новому мосту на другой берег Сены и, двигаясь по улицам С.-Оноре и Дюфо, достигла, наконец, площади Магдалины, продолжая громко распевать революционные песни.

Но и здесь толпа долго не оставалась. Подкрепленная собравшейся на этой площади массой, она опять направилась к

¹⁾ Она лежит между Тюльерийским садом и Елисейскими полями. С севера ее окаймляют общественные здания, с юга — Сена; на последней имеется мост, т. е. мост Согласия, ведущий к Бурбонскому дворцу, где находилась зала заседаний народных представителей

кгу по улице Рояль, площади и мосту Согласия к Бурбонскому дворцу. На мосту ей загородил путь полицейский комиссар с отрядом муниципальных гвардейцев. Демонстранты приостановились, оттеснили солдат и увлекли их за собой—это была первая победа над вооруженной силой, сильно поднявшая дух массы. Из Бурбонского дворца к ним вышли депутаты Кремье и Мари, приняли петицию от студентов и убеждали толпу держаться в рамках законности. Некоторые демонстранты ворвались в залу заседаний, но нашли ее пустой (собрание состоялось позже). Напевая марсельезу, они удалились—в пустой зале им нечего было делать. По словам Гарнье-Пажеса, один из них, проходя мимо слуги, сказал ему следующую весьма характерную фразу: «Мы опять придем, и тогда у нас будет правительство такое же красное, как твой жилет». Но прежде, чем шествие успело повернуть назад, были вызваны войска. Появились драгуны из расположенных по соседству казарм (на набережной д'Орсэ), чтобы «очистить» площадь перед зданием палаты. Только благодаря рассудительности офицера, который, видя перед собой безоружную толпу, вложил обратно в ножны свою шпагу, дело обошлось без кровопролития. Толпа добровольно оставила площадь, солдаты прогнали некоторых отставших и заняли улицы, прилегающие к Бурбонскому дворцу. Как рассказывают некоторые историки, демонстранты, заметив, что офицер вкладывает свою шпагу в ножны, разразились радостными криками «ура» по адресу драгун.

Часть демонстрантов, собравшихся перед палатой, опять образовала шествие, которое без определенной цели тянулось по городу. Другая часть вернулась обратно на площадь Согласия. Здесь и произошла первая стычка с войсками. Администрация решила сделать попытку вооруженной силой рассеять толпу. Это было возложено главным образом на муниципальную гвардию, игравшую во Франции роль жандармов: к ней всегда прибегало правительство для подавления волнений. Понятно, какую ненависть к ней питал французский народ. Эти грубые солдаты немедленно набросились на безоружную толпу и сбили с ног всех, которые не успели разбежаться, так что пострадали даже женщины и дети. Грубость этого нападения вызвала ожесточенный отпор. Парижские гамены (уличные

мальчишки), благодаря своей ловкости и подвижности игравшие роль авангарда почти во всех революциях, первые оказали упорное сопротивление. Они притащили камни и начали бросать ими в всадников. Муниципальные гвардейцы, пустив в ход шашки, опять напали на демонстрантов, намереваясь совершенно очистить площадь. В ответ на это нападение на голову солдат посыпался целый град камней. Гамены дошли до того, что начали хватать за ноги лошадей с целью свалить их, что нередко удавалось им вследствие того, что после дождя мостовая сделалась очень скользкой. Даже пехотинцы и те едва держались на ногах, так как походное снаряжение сильно стесняло их движения. Демонстранты отступили на такие пункты, куда кавалерия с большим трудом могла за ними последовать. Они осыпали солдат насмешками и ядовитыми парижскими шуточками, не обнаруживая ни малейшего желания покинуть площадь. Это упорное, неожиданное сопротивление и, главное, язвительные насмешки демонстрантов привели в безумную ярость муниципальных гвардейцев. Во время новой, более дикой и стремительной атаки, многие были изрублены шашками, а многие попали под копыта лошадей. Между прочим, была убита одна женщина.

Это вызвало у народа жажду мести, и можно было предвидеть, что предстоит серьезный бой. Толпа, вынужденная отступать под ударами сабель кавалеристов, рассыпалась по Елисейским полям и улице Рояль, ругаясь, и опять собираясь в одну компактную массу, как только войска удалялись. Все это сопровождалось пением революционных песен и криками: «Долой Гизо! Долой министерство! К оружию!».

Части демонстрантов, находившиеся на площади Согласия, надоели в конце-концов непрерывные стычки, и раздавшийся клик: «В министерство иностранных дел! К дворцу Гизо!» был очень сочувственно встречен тысячной толпой, и она направилась туда. Вскоре на бульваре Капуцинов, где жил премьер-министр, раздались звуки марсельезы, и целый град камней посыпался в окна его дома. Но этим нападающие не ограничились: они хотели проникнуть внутрь дома. Рослые, крепкие люди бросились к главному подъезду и воротам. Дерево затрещало под их стремительным натиском. Еще момент, и их уси-

лия увенчались бы успехом, но в это время появились поспешно вызванные войска, и народ вынужден был рассеяться, не будучи в состоянии противостоять сабельным и штыковым ударам солдат.

Таким образом завязался бой в разных местах. Революционный огонь, который еще утром казался едва заметной искрой, в течение нескольких часов превратился в грозное пламя, охватившее почти всю столицу. Восстание принимало все более широкие размеры.

Депутаты оппозиции не показывались на улице. Они забыли свой долг перед страной и не пытались ни успокоить народ, ни взять на себя руководство восстанием. В то время, когда озлобленная толпа демонстрантов старалась ворваться в дом ненавистного Гизо и восстание стало свершившимся фактом, с которым надо было считаться руководителям оппозиции, последние собрались у Одилона Барро, чтобы разыграть какую-то жалкую комедию. Вместо того, чтобы действовать решительно, они занялись составлением нового бумажного протеста против министерства Гизо.

В 2 часа пополудни депутаты направились в палату. На площади Согласия стояла огромная толпа народа, готовая к бою. Мост Согласия был занят драгунами и линейными войсками. Бурбонский дворец был также окружен кордоном, чтобы предупредить вторичное вторжение народа в палату. Депутатам оппозиции демонстранты устроили овацию; они хотели этим показать, что оппозиционеры могут вполне рассчитывать на их поддержку. Депутаты правительственного большинства были осыпаны целым градом насмешек.

Прибыв в палату, члены оппозиции пустили по рукам составленный ими протест, чтобы собрать как можно больше подписей. В результате оказалось, что только у 350 депутатов хватило гражданского мужества подписаться под этой бумагой. Одилон Барро торжественно передал президенту палаты Созе этот мотивированный протест, в котором были перечислены все «преступления Гизо». Созе бегло просмотрел бумагу и с презрительной миной бросил ее на президентский стол.

Не нашелся ни один человек в этом собрании, который упомянул бы о лихорадочном возбуждении, охватившем с самого

утра весь Париж. Очень медленно и с напускным спокойствием разбирали вопрос о возобновлении привилегии Бордосского банка. Перед закрытием собрания Одилон Барро просил председателя назначить день для обсуждения внесенного им предложения, поддержанного достаточным числом депутатов. Дебаты были назначены на четверг, 24-го февраля.

Восстание, между тем, охватывало все более широкие круги парижского населения. В Елисейских полях сделана была попытка построить баррикады из стульев и деревьев. Благодаря этому, демонстрантам удалось задержать лошадей муниципальных гвардейцев и за неимением другого оружия осыпать камнями всадников. С минуты на минуту росло озлобление с обеих сторон. Толпа не ограничивалась более насмешками по адресу блюстителей порядка, она перешла к наступательному образу действий. Недалеко от Елисейских полей, на улице Матиньон держали наготове полицейскую стражу. От толпы отделилась группа людей, притащила связку дров и смолу и, окружив дом, где находилась стража, собиралась уже поджечь его. Только в последний момент удалось кое-как конным муниципальным гвартам проложить себе дорогу к дому и спасти полицейских.

Внешний вид Парижа резко изменился. Во многих местах начали строить баррикады. Первая была воздвигнута на углу улиц С.-Флорентен и де-Риволи, недалеко от площади Согласия. Группа демонстрантов, подавшаяся назад под напором кавалерийского отряда, начала при помощи заостренных железных полос, вырванных из решетки дома министерства Гизо, разрушать мостовую и запасаться камнями для постройки баррикад. Эти железные прутья заменяли демонстрантам такое же оружие, которого еще не могли достать.

Но войска не дали толпе довести до конца эту баррикаду. Стремительный натиск заставил инсургентов отступить на улицу Риволи. Около Лувра преследование прекратилось; демонстранты опять начали взрывать мостовую, чтобы построить новую баррикаду, но и здесь им пришлось уступить превосходным силам войска.

Толпа, оттесненная от Тюльери и площади Согласия, собралась в тех кварталах, которые издавна служили ареной для

больших восстаний. Это был так называемый старый Париж с целым лабиринтом глухих закоулков и переулков, представлявших большие удобства для инсургентов. Эта часть города расположена между большими бульварами и Сеной. Ее составляют кварталы Лувра с торговыми рядами, ратуша и собор: их пересекают улицы Монмартр, С.-Дени, С.-Мартен, улица Тампля и бесчисленное множество улочек и переулков. В те времена было еще не трудно укрепить и защищать эти кварталы. Здесь-то и должны были на следующий день разыграться самые серьезные стычки между народом и королевскими войсками. Наиболее энергичные и боевые элементы, следуя революционным традициям французского народа, раздобыли оружие из оружейных складов. Сначала опустошили магазин Лепаже на улице Ришелье, а затем по порядку все склады, находившиеся в этом квартале. Таким путем, народ достал очень много оружия, но без пороха, так как правительство было настолько предусмотрительно, что, за несколько дней перед тем, конфисковало все запасы пороха.

Но народ нашел очень простой выход из этого положения. Небольшие группы рабочих отправились на квартиры национальных гвардейцев и потребовали от них оружие и аммуницию. Получив требуемое, они делали надпись мелом на дверях: «Оружие выдано!» и шли дальше. Таким образом они обезоружили почти всю национальную гвардию этого квартала.

Около 4 часов пополудни все боевые приготовления были закончены. Стало очевидно, что все революционные элементы парижского населения решились на серьезную борьбу с королевскими войсками. Только теперь поняли в Тюльери всю серьезность положения. Во дворце же находились главные начальники парижской армии, генерал Жакмино, командовавший национальной гвардией, и Себастьяни, командир регулярных войск; люди бездарные и лично враждовавшие друг с другом. В Тюльери они назначили свою главную квартиру. До сих пор в правительственных кругах думали, что речь идет о мимолетном возбуждении народа, но по мере того, как из города стали доходить все более тревожные известия, завеса спадала с глаз даже у самых близоруких.

Около 5 часов пополудни перепуганное правительство от-

дало приказ генералу Себастьяни занять войсками кварталы, находящиеся в руках инсургентов. Национальной гвардии не доверяли и до поры до времени предпочитали к ней не обращаться. Но в виду все возрастающей опасности решился наконец генерал Жакмино призвать к оружию и «гражданскую милицию» из некоторых кварталов, которые считались более благонадежными. Но только немногие отозвались на этот призыв.

В 6 часов вступили в город линейные войска, вызванные из ближайших гарнизонов, и заняли все площади и наиболее важные стратегические пункты по плану, составленному заранее маршалом Жераром. Они нигде не встретили серьезного сопротивления, хотя во многих местах разрушенные баррикады затрудняли их путь, и они весьма медленно подвигались к своей цели.

Между тем наступила ночь. Темнота увеличивалась вследствие того, что инсургенты уничтожили уличные фонари и газовые проводники, чтоб под покровом ночной темноты им легче было ограбить оружейные склады и соорудить баррикады. Только на Елисейских полях был виден огонь. Это гамены подожгли скамьи и балаганы, чтобы наслаждаться этим приятным зрелищем. Также на внешних бульварах северной части города, в кварталах Монсо, Клиши и Батиньоль было большое оживление. Здесь в этот поздний час пообчистили оружейные магазины. Таможенные заставы в Этуали, Руле, Батиньоли были ограблены и сожжены.

Около 8 часов произошла кровавая стычка около заставы парка Монсо. Многие из толпы были смертельно ранены. Это привело повстанцев в такое возбуждение, что в 11 часов они вернулись, чтобы отомстить за смерть павших товарищей, но они опять потерпели поражение и должны были рассеяться. После полуночи наступила относительная тишина. Поэтому сочли возможным часть войск, промокшую от дождя и измученную от шлепанья по непролазной грязи, увести в казармы для отдыха.

Что делали в эту критическую минуту тайные общества, которые принимали такое деятельное участие в народных волнениях? Все историки согласны с тем, что их отношение к этим событиям было более, чем сдержанное. Со времени по-

следнего восстания «Времен года» в 1839 году наиболее талантливые и энергичные вожди революционно-республиканской партии, как Бланки, Барбес, Мартен Бернар, мечтавшие о социальном перевороте, находились в тюрьме, много смелых и преданных республиканцев пало в бою. Руководители, оставшиеся в живых и бывшие на воле в феврале 1848 г., были слишком слабы и недальновидны; у них не хватило ума, чтобы понять смысл совершающихся на их глазах событий и не доставало мужества решиться на какой-нибудь серьезный шаг.

Люсьен де ла Ода, писатель, состоявший раньше членом тайных обществ, а потом продавшийся правительству, рассказывает в своих разоблачениях о деятельности «республиканской партии и тайных обществ», что тайное общество, к которому он принадлежал, получило приказ от своего центрального учреждения оставаться пассивным. Так мало верили вожди в успех восстания. Если верить его рассказу, то главные руководители этого общества, *Марк Коссидьер*, впоследствии полицейский префект, и *Альбер*, впоследствии член временного правительства, сказали, при виде инсургентов, строящих баррикады на улице С.-Оноре: «К этому нельзя относиться серьезно. Мы видим только людей, но не слышим еще выстрелов». В тот же вечер, 22-го февраля, рассказывает дальше де ла Ода, состоялось собрание вожakov «Времен года», на котором обсуждался вопрос, какой им следует держаться тактики. Они не могли прийти к какому-нибудь определенному решению и постановили созвать на следующий день всех своих членов на бульвар С.-Мартэн, чтобы действовать сообразно с обстоятельствами.

По словам де ла Ода, одна часть этого тайного общества оказала все-таки решающее влияние на начало восстания. Эта группа «отколовшихся» членов еще утром 22-го февраля приняла будто бы все меры к тому, чтобы убедить рабочих не ходить в этот день в мастерские, а, соединившись с революционерами из предместий, постараться проникнуть в центр города. «Если бы эти негодяи не взяли на себя инициативу действий,—пишет де ла Ода,—то, по моему мнению, мятеж не вспыхнул бы в Париже». Мы не можем проверить, насколько

разглагольствования этого предателя соответствуют истине. Если верить его словам, то февральская революция является делом незначительной части тайных обществ, действовавших вопреки прямому предписанию своих руководителей.

В среду, 23-го февраля, погода была еще хуже, чем накануне. Небо было покрыто тучами, и дождь лил, не переставая. В 7 часов утра часть войск заняла площади и улицы, покинутые ими в час пополудни. Таким образом, наиболее важные в стратегическом отношении пункты оказались опять в руках правительства, увеличившего, как сказано выше, свои вооруженные силы войсками из окрестных гарнизонов. На перекрестках улиц, у ратуши, на мостах и т. д. были поставлены батареи ¹⁾.

Правительство глубоко ошибалось, если думало напугать народ, развернув перед ним всю мощь своих вооруженных сил. 23-го февраля вновь поднялись рабочие массы г. Парижа. Пролетариат, поддерживаемый некоторыми слоями мелкой буржуазии, поставил на карту свою жизнь за дело, которое косвенным образом касалось его жизненных интересов. Он поднял знамя борьбы потому, что считал это дело составной частью «прав человека», провозглашенных великой французской революцией.

¹⁾ По словам Гизо (8-я часть мемуаров), численность расположенных в Париже войск равнялась:

43 батальона пехоты по 500 ч.	21.500
20 эскадронов кавалерии (драгуны, кирасиры, егеря) по 100 человек	2.000
1 эскадрон конных жандармов	200
27 батарей артиллерии	3.000
3 роты саперов	450
4 „ выслужившихся унт.-офицеров	400
5 „ пожарных	500
1 „ из нестроевой команды	150
1 эск. ж. д. солдат	200
	28.400

Кроме того:

2 батальона пешей муницип. гвардии	2.000
5 эскадронов конной муницип. гвардии	600

Всего 31.000

Уже с раннего утра инсургенты направились опять в внутренние кварталы города. Большая часть воинственно настроенных пролетариев все еще не имела оружия. В то время, как вооруженные взрывали мостовую, срубали и таскали деревья и телеги для постройки баррикад, безоружные врывались в магазины и дома, чтобы захватить все, что им могло бы пригодиться для предстоящего боя.

Враждебные действия начались очень скоро, но сначала стычки были совсем некровопролитными. Инсургенты ограничивались тем, что подтрунивали над солдатами и нападали на отдельные посты. С другой стороны, войска были уже сильно деморализованы. Большая их часть провела почти всю ночь под дождем без жизненных припасов и была очень мало расположена проливать свою кровь за правительство, которое о них так мало заботилось. Правительство было вообще непопулярно в армии. Радикальные газеты от 23-го февраля не делали никаких нападок на армию собственно, а выражали свое возмущение по поводу жестокостей, учиненных муниципальными гвардейцами. И едва инсургенты заметили, в каком настроении находятся солдаты, как они инстинктивно приняли тактику, которая не могла не произвести впечатления на значительную часть войска. Подвергая насмешкам муниципальную гвардию, они в то же время приветствовали регулярные войска криками: «да здравствует армия!». Такие выражения симпатии были, конечно, приятны солдатам, они медлили пустить в ход оружие против народа, который их так дружески встречал, и в сущности предоставили муниципальным гвардейцам вести бой.

Восстание распространялось все шире и шире. Народ без серьезного сопротивления уступал баррикады под напором войск, но как только последние удалялись с поля сражения, он очень быстро снова занимал их. Около 10 ч. утра завязались схватки на многих пунктах, в особенности на площади перед театром Шателе, где в стычке был убит один из командиров королевских войск. Бой шел на улице С.-Дени, С.-Мартэн, С.-Оноре, дю Руль, Карфур-Пуассоньер и др. Народ стягивался в этот уже упомянутый революционный центр. Хотя войскам иногда и удавалось туда проникнуть, но они никак не могли там

укрепиться. Местами раздавался грохот пушечных выстрелов. На улицах Рамбюто и Бобур бой был очень ожесточенный, здесь инсургенты с успехом боролись с огнем солдатских ружей. Эта битва покрыла неуывдаемой славой оружие революционеров.

Но, несмотря на геройский дух повстанцев, этот неравный бой не мог долго продолжаться и кончился бы поражением народа, если бы не случилось одного обстоятельства, которое с новой силой раздуло пламя революции, начинавшее было постепенно затихать.

Национальная гвардия, состоявшая, главным образом, из представителей средней буржуазии, была в этот день, как и накануне, призвана к оружию. Она весьма неохотно и далеко не в полном составе явилась на сборный пункт. Крупная буржуазия, входившая в состав национальной гвардии, предпочла остаться дома; она вообще бывает недовольна, когда ее отрывают от ее обычных удовольствий, особенно когда дело ударит порохом. Большая часть собравшихся батальонов национальной гвардии единогласно решила, что им незачем защищать политику правительства. Они разошлись с криками, ставшими в этот день лозунгами народа: «Да здравствует реформа! Долой Гизо!». По словам де ла Ода, эта тактика национальной гвардии была плодом агитации передовых республиканцев. Он говорит, что около 10 час. утра Флокен пришел к бюро „Réforme“ и воскликнул: «Мы должны одеть свою гвардейскую форму, направиться в мерию и с криком: «Да здравствует реформа!», став во главе национальной гвардии, взять на себя посредничество между народом и войсками».

Весьма возможно, что республиканцы приняли такое решение, но несомненно и то, что им не удалось бы привлечь на свою сторону национальную гвардию, если бы средняя буржуазия вообще не относилась сочувственно к движению. Хотя гражданская милиция сама участия в битвах и не принимала, но своим вмешательством она не давала обостряться борьбе. Она маршировала по городу с непрерывными криками: «Да здравствует реформа! Долой избирательную систему!». Около 2½ час. пополудни легион национальной гвардии направился в палату с петицией, в которой он требовал отставки Гизо. На

площади Виктуар, недалеко от дворца Пале-Рояль, другой легион преградил дорогу кирасирам, собиравшимся напасть на инсургентов. В другом месте национальная гвардия не дала муниципальной гвардии арестовать группу повстанцев и заставила ее отступить.

Поведение национальной гвардии приводило в изумление регулярные войска. В течение 18 лет они привыкли во время народных волнений сражаться в одних и тех же рядах с национальной гвардией, а теперь они заметили, что последняя всецело присоединяется к лозунгам народа. Это значительно понизило их боевое настроение. Тюро-Данжен в своем последнем томе «Истории июльской монархии», появившемся сравнительно недавно в печати, метко характеризует положение дел следующим разговором, происходившим между начальником отряда национальной гвардии и армейским батальонным командиром: «Как вы себя будете держать, спрашивает первый, когда вы встретитесь с народной массой?»—«Я буду делать то, что и вы», отвечает армейский офицер.—«Я на нее не буду нападать».—«Я буду делать, что и вы», повторяет армейский офицер.

До сих пор король не верил в серьезный характер восстания. Он с презрением и насмешкой отзывался об этой «вспышке». Сдувая песок с приказа, который он подписывал, он заметил: «Если бы я только захотел, я бы мог их рассеять так же легко, как вот эти песчинки!». Когда же 23-го февраля после полудня стали доходить до дворца одно за другим тревожные известия об отношении национальной гвардии, король потерял голову. Дело в том, что он считал себя избранником гражданской милиции и никак не ожидал, что она оставит в критическую минуту своего «вождя». Страх напал и на придворных. Они почувствовали, что их праздной, веселой жизни при дворе Луи-Филиппа наступает конец. Но они еще не теряют последней надежды. Они были уверены, что народная ненависть направлена главным образом против Гизо и, если удасться его выкинуть за борт, то народ успокоится. Но король был так расположен к своему первому министру, что они не осмелились прямо ему это высказать. Они прибегли к посредничеству королевы. Последняя пришла в ужас при мысли, что ее

муж может потерять корону и решила добиться отставки Гизо. В 2 часа пришел Дюпатель с докладом к королю. Когда королева его увидела, она обратилась к нему со следующими словами: «Если г. Гизо нам хочет доказать свою преданность, то он должен немедленно передать свой портфель. Он доведет короля до гибели!». Дюпатель придал своему лицу такое выражение, как будто у него под ногами открылась пропасть, и, не говоря ни слова, пошел разыскивать премьер-министра. Он застал его у короля. Последний, уступив настояниям королевы, доказывал с большим смущением министру, что ему необходимо подать в отставку. Гизо, благодаря которому июльская монархия очутилась на краю гибели, ничего не оставалось делать, как подчиниться этому решению.

Между тем, и на депутатов напал страх перед неизвестным будущим. В 1½ часа пополудни состоялось собрание палаты, в 2½ часа депутат от Парижа Вавэн взобрался на трибуну, чтобы сделать запрос министерству, почему так поздно была вызвана национальная гвардия. Гизо еще не было в палате, и Вавэн пришлось поневоле ждать его прихода. Наконец, он явился... Медленной, колеблющейся, неверной походкой, с расстроенным, бледным лицом, он вступил на трибуну и сказал: «Господа! Я думаю, что вы выбрали неподходящий момент для дебатов по поводу этой интерпелляции». Со стороны оппозиции раздались протесты. «Король пригласил к себе графа Моле», продолжает экс-министр, «чтобы уполномочить его...» Поведение оппозиции совершенно изменилось, возражения прекратились, и палата огласилась громкими, радостными криками. Правительственная партия пришла в негодование, она думала, что министерство хочет ее покинуть в критический момент. Но Гизо заставил ее замолчать, крикнув: «Кто вам сказал, что министерство оставляет короля?». После непродолжительных прений решено было отложить заседание до следующего дня. В 3 часа пополудни некоторые политические деятели разослали гонцов повсюду, чтобы оповестить Париж о падении кабинета. Они надеялись, что это примирит народ с министерством. Но они ошиблись в своих расчетах. Народная масса приняла равнодушно это известие, она так же мало верила графу Моле, как и Гизо. Она полагала, что эта перемена мини-

стерства такая ничтожная победа, что для нее не стоило брать-ся за оружие и проливать свою кровь. Напротив, средняя буржуазия пришла в восторг, усмотрев в этой уступке гарантию предстоящих реформ. С наступлением ночи она зажгла иллюминацию в домах в честь одержанной победы. Республиканцы и другие революционные элементы Парижа были недовольны этой переменной в составе кабинета, полагая, что эта, хотя ничтожная, уступка может положить конец борьбе, которая была начата с таким успехом для прогрессивных партий. Чтобы предупредить такой исход, они не сложили оружия, а напротив, оставались готовыми к бою, маршируя по городу с факелами и развевающимися знаменами. Во многих местах появились прокламации, начинавшиеся словами: «Моле или Тьер, это для нас совершенно безразлично»...

Растерянность и нерешительность господствовали повсюду. Никто не мог определенно указать, в какую форму должна вылиться дальнейшая борьба с правительством. По словам де ла Ода, руководители тайных обществ решили не складывать оружия, но не могли столковаться между собой ни относительно места, ни относительно боевых лозунгов.

В этот критический момент произошла одна из тех случайностей, которые так часто играют роль в жизни народов. Она влила новые силы в народное движение.

Многие историки революции 1848 г. охотно верят, что это все было подстроено революционными партиями. Ламартин, который в своей «Истории революции 1848 г.» любит давать волю своей поэтической фантазии, сделал из этого события романтическую главу. Нам кажется более правильной та точка зрения, которая усматривает в этой роковой случайности сцепление различных, совершенно не связанных между собою, обстоятельств. Впрочем, это еще вопрос, было ли это неожиданное событие нечто большее, чем внешний толчок, который привел к окончательной гибели июльской монархии. Вероятнее всего, это было искрой, вновь воспламенившей народные массы, в которых еще не успела остыть жажда борьбы с существующим политическим режимом. В то время, как значительная часть войска была возвращена в казармы и народ покинул боковую часть баррикад, в некоторых местах, как, например, в пред-

месты С.-Дени, инсургенты остались на баррикадах и содержали их в полной боевой готовности, так как там решили продолжать бой во что бы то ни стало.

Около 9 часов вечера толпа народа, о составе которой имеются самые разноречивые сведения, потянулась с площади Бастилии по направлению к бульварам. Многие писатели, в том числе и Ламартин, утверждают, что это был отряд, составленный из членов тайных обществ, выполнявший возложенную на него миссию вновь открыть военные действия в качестве авангарда революционной армии. Де ла Ода идет дальше и называет даже имена. По его словам, этот отряд был сформирован одним экзальтированным руководителем тайных обществ, по имени *Собрье*. Но никто из этих писателей не представил пока никаких доказательств в подтверждение своих слов.

Во главе этой толпы, состоявшей из огромной массы рабочих, шли национальные гвардейцы, в том числе несколько офицеров. Красное знамя развевалось над головами демонстрантов, неверный, колеблющийся свет факелов придавал какой-то фантастический характер этому шествию. Колонна двигалась очень медленно, так как ей приходилось прокладывать себе дорогу через толпу любопытных, внимание которых было привлечено этим удивительным зрелищем. На Итальянском бульваре, недалеко от улицы Лепеллетье, она свернула в сторону, чтобы пройти мимо бюро „National“. Здесь редактор Арман Марра произнес краткую речь, проникнутую уверенностью в торжестве народного дела, и процессия тронулась дальше. На бульваре Капуцинов она наткнулась на неожиданное препятствие. Батальон 14-го пехотного полка загородил всю улицу перед министерством иностранных дел, чтобы защитить Гизо от возможных нападений. Между полковником, командовавшим батальоном, и начальниками колонны завязались переговоры о том, по какому пути следовать процессии. В это время из толпы раздались оглушительные возгласы: «Долой Гизо! Да здравствует реформа! Да здравствует армия! Иллюминации!» Поднялась страшная суматоха. Полковник оборвал разговор и сухим, грубым голосом крикнул своим, несколько ошпыленным от неожиданности, солдатам: «Штыки вперед!». По-

слышался лязг железа, и вдруг раздался залп. Вся солдатская цепь, казалось, утонула в море огня, и густой пороховой дым окутал улицу. На мгновение стало совершенно тихо, народ остолбенел от ужаса, но сейчас же воздух огласился криками ярости. Все пули попали в цель, в результате 6 убитых и масса раненых со стороны демонстрантов. Толпа в ужасе разбежалась. Солдаты также пустились бежать; на них напала какая-то паника, и они исчезли в соседние улицы.

Когда толпа несколько оправилась от неожиданности, ее охватила жажда мести. Яростные крики: «К оружию! На баррикады! Убивают наших братьев!» одновременно вырывались из тысячи уст. Офицеры и солдаты 14-го полка почувствовали, какие ужасные последствия может иметь их безумный поступок, вернулись на место кровопролития и старались объяснить народу, что роковой залп был вызван недоразумением; возмущенная толпа не хотела ничего слышать, и офицер, явившийся в качестве парламентаря, едва не был убит на месте.

В это время по этой улице проезжала телега, которая должна была доставить на Руанский вокзал переселенцев. Рабочие окружили телегу, положили туда трупы павших товарищей, некоторые забрались внутрь этой колымаги, и освещенная мерцающим светом факелов процессия тронулась в путь. Поместившиеся на телеге подымали вверх трупы убитых революционеров, чтобы показать их народу, между прочим, окровавленный труп женщины. «Месть! Месть!», — кричали они, «Месть! Убивают народ! Убивают наших братьев! К оружию! На баррикады!». И повсюду уличная толпа, потрясенная и озлобленная, повторяла эти возгласы. Все сливалось в один общий гул негодующих голосов: «Смерть убийцам! К оружию! На баррикады!».

Ударили в набат. Среди глухого колокольного звона можно было различить барабанный бой, раздававшийся на всех улицах и призывавший народ к оружию. Залп на улице Капуцинов вновь вызвал жажду борьбы в народе; восстание возгоралось с новой силой. Бой велся на улице Тампль, где инсургенты воздвигали очень сильную баррикаду. Караульный дом при академии искусств и промышленности был взят штурмом и сожжен. Овладели казармой, расположенной в нескольких

шагах от Тюльери, и обратили в бегство находившуюся там муниципальную гвардию. Площадь перед дворцом Пале-Рояль приняла весьма грозный вид. Здесь еще пока не сражались, но готовились весьма деятельно к сражению. Свинец с кровельных желобов был сорван для отливки пуль. Лил преливной дождь, дул резкий, холодный ветер, а работа кипела, подвигаясь вперед с лихорадочной быстротой. Инсургенты решили построить несокрушимые баррикады на всех перекрестках.

Между тем, траурная процессия продолжала свой путь по городу, вербуя новых мстителей за народное дело. Она проследовала мимо бюро „National“, и один из представителей этой газеты, депутат Гарнье-Пажес, обратился с прочувственным словом к толпе, составлявшей это печальное шествие. Его совет спокойно разойтись и предоставить это дело парламенту и карающему мечу правосудия был оставлен без внимания. Процессия отиралилась в кварталы С.-Дени, Пуассоньер и Монмартр, остановились перед бюро „Réforme“, где речи носили более резкий характер, прошла торговые ряды, и только в 2 ч. пополудни трупы были положены в мерии 4-го округа.

Таким образом, 23-го февраля, второй день уличной борьбы, закончился могучим, непреодолимым народным восстанием. Всю ночь с 23-го на 24-е все окна даже в самых бедных домах рабочих кварталов были освещены. Мужчины всю ночь были заняты чисткой и приведением в порядок своего оружия, женщины и дети стреляли пули из свинца оловянных обшивок, пули, которые должны были на следующий день уничтожить трон Луи-Филиппа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

24-го февраля. Бюжо, главнокомандующий армией. Один день управления Тьера. План нападения. Выполнение. Победа народа и деморализация войска. Попытка внести успокоение. Взятие ратуши. Король в Тюльери. Битва на площади Пале-Рояль. Отказ от престола. Республика в ратуше. Бегство Луи-Филиппа.

В Тюльери не спали в эту ночь. Король ждал известий от Моле, которому он поручил составить новый кабинет. Моле подыскивал подходящих людей для предполагавшегося министерства примирения, когда узнал о бойне на улице Капуцинов. Он сейчас же сообразил, что о примирении теперь не может быть и речи, и дал знать королю, что он отказывается составить министерство.

Король почувствовал, что почва уходит у него из-под ног и совершенно потерял голову. С церковной башни С.-Жермен де л'Оксерруа до него доносились глухие звуки набатного колокола, того самого колокола, который за 275 лет перед тем в ужасную Варфоломеевскую ночь (с 23-го на 24-е августа 1572 г.) дал сигнал к избиению протестантов. К набату примешивался глухой шум начавшейся около дворца битвы. Наконец, около полуночи он убедился, что дальнейшее сопротивление немислимо, и необходимо пойти на уступки. Он решил составить министерство реформ и наметил в качестве премьер-министра Тьера, лидера левой фракции центра, который ему был известен, как реакционный член оппозиции. Как ни ничтожна была эта уступка, все-таки Луи-Филипп счел необходимым в противовес либеральному кабинету назначить главнокомандующим над всеми собранными в Париже войсками известного своим консервативным образом мыслей маршала

Бюжо. Король не считался с тем обстоятельством, что народные массы ненавидели маршала, считая его главным виновником бойни, учиненной 14-го апреля 1834 г. войсками на улице Транснонэн. Руководители инсургентов поняли назначение Бюжо как прямую угрозу со стороны короля, а составление полулиберального министерства как ловкий шахматный ход. «Если бы король, действительно, хотел примирения с народом, то зачем бы ему понадобился Бюжо, этот вешатель? Его назначение указывает на то, что нам объявлена война не на жизнь, а на смерть. Граждане, будьте готовы к бою!». Такие речи слышны были повсюду.

В 2 часа пополудни король послал за Тьером. Прошло больше часу, пока последний добрался до дворца, так как путь был занят многочисленными баррикадами и перед каждой из них приходилось вести переговоры, чтобы получить свободный пропуск. Он имел продолжительную беседу с королем с глазу на глаз. Наконец, они пришли к соглашению, и Тьер был уполномочен составить новое министерство из представителей умеренной оппозиции. Бюжо также узнал о своем назначении довольно поздно и явился во дворец перед самым приходом Тьера. Его решительный, самоуверенный вид несколько ободрил офицеров генерального штаба, вставших было в большое уныние. Он ознакомил их с тактикой уличных сражений и указал на такие приемы, которые являются наиболее целесообразными для подавления восстания. «В 4 часа,—воскликнул он,—бой должен быть начат на всех пунктах. До сих пор никто еще не одержал надо мною победы, и я не думаю, чтобы я на этот раз мог потерпеть поражение».

Согласно быстро составленному плану, нужно было сформировать 4 колонны. 1-я, под начальством генерала Себастьяни, должна была проследовать от французского банка к ратуше через улицы Монмартр, С.-Дени, С.-Мартен. 2-я, с генералом Бедо во главе, должна была проникнуть от Биржи через бульвары на площадь Бастилии, 3-й приказано было действовать в арьергарде первых двух, чтобы помешать постройке баррикад в тылу армии. 4-я должна была направиться с левого берега Сены к Пантеону. На национальную гвардию не возлагали никаких обязанностей, ей больше уже не доверяли.

После беседы с королем Тьер случайно встретился с маршалом. Последний недовольным тоном ему заметил, что в городе очень мало войска, всего 16.000 человек вместо тех 31.000, о которых ему говорили раньше ¹⁾. Но он все-таки надеется и с этими небольшими силами быстро подавить восстание. Если же это не удастся, «то я, по крайней мере, буду иметь удовольствие расстрелять много этой сволочи. Это что-нибудь да значит», прибавил он с циничным смехом.

Только в 6 часов утра наступательные колонны могли выступить в путь. Маршал обехал ряды войск и напомнил им, чтобы они не жалели ни свинцу, ни пороху. Это был грубый, жестокий солдат!

Инсургенты сильно укрепили Карусельскую площадь, между Тюльери и Лувром. Их баррикады поднимались почти на уровень с королевским дворцом. На каждом шагу Себастьяни встречал упорное сопротивление; если ему удавалось взять какую-нибудь баррикаду, то он должен был потратить много времени и усилий на разборку ее и очистку места. Он подвигался вперед очень медленно, оставляя много убитых и раненых.

Выступившая несколько позже колонна генерала Бедо из 2.000 человек без особых трудностей прошла от Биржи через улицу Монмартр до бульвара Бон-Нувелль. Но здесь, на углу улицы С.-Дени, она наткнулась на гигантскую баррикаду; за ней по всем главным и боковым улицам было также построено много баррикад. В одну ночь было воздвигнуто *больше 1.500 баррикад*; для этого свалили *4.000 деревьев* и притапили огромное количество камней.

Большая баррикада на бульваре Бон-Нувелль была сильно укреплена, и ее защитники были хорошо снабжены оружием и амуницией. Генерал Бедо понял, что штурм баррикады обойдется ему слишком дорого, так как и с фронта, и с флангов его войска подверглись бы очень сильному перекрестному огню, но он получил определенное приказание пробраться на площадь Бастилии и должен был идти вперед. Он уже хотел отдать

¹⁾ Значительная часть войска уже была отрезана от центра, другая часть была рассеяна по сторожевым заставам и проч.

приказ к наступлению, но в это время его окружили офицеры национальной гвардии и стали умолять обождать некоторое время. «Разве мало уже было пролито крови? — заметили они, — народ, находящийся за баррикадами, еще не знает о перемене министерства; обождите по крайней мере, пока эта новость станет общеизвестной». Они стали настойчиво просить генерала, чтобы он обратился к маршалу за новыми распоряжениями. Сначала он оставался непреклонным, но когда собралось много граждан и надели на него со своими просьбами, то он начал колебаться. Наконец, он согласился, чтобы один местный купец, Фовель-Делабар, был послан к маршалу, обрисовал ему положение вещей и испросил бы новые приказания.

Третья колонна в это время достигла уже Пантеона. Между тем, в главную квартиру маршала Бюжо стали приходить тревожные известия. Он узнал о сооружении очень сильных баррикад, о занятии инсургентами стратегически важных пунктов, что делало совершенно невозможными сношения между отдельными отрядами войск, о потере 5 казарм, перешедших в руки народа, об отступлении войск, занявших под начальством генерала Дюго и капитана Вандерекена площадь Басти-

лии. Наконец, ему сообщили, что обозы с амуницией вынуждены были отправить в Венсенский форт, чтоб они не попали в руки инсургентов, которые уже овладели почти всеми мерами.

Ввиду все возрастающей опасности маршал начал терять свою первоначальную уверенность. Он, наконец, понял, что с парижским населением не так легко справиться, как с бедуинскими племенами в Африке.

Представители парижской буржуазии предложили ему себя в качестве посредников между народом и войсками, роль, которую они разыгрывали еще накануне. Они старались доказать маршалу, что трон Луи-Филиппа, спасенный ценой массовых избиений, будет покрыт несмыслаемым позором и возбудит в народе сильную ненависть и страшную жажду мести. Эти доводы не произвели почти никакого впечатления на Бюжо. В это время появляется Фовель-Делабар, возбужденный от быстрой ходьбы и весь покрытый потом: «Если солдаты сделают еще один выстрел, — воскликнул он громким, взволнованным голосом, — то все будет потеряно, посредничество станет невозможным, и Париж будет купаться в море крови». Свита Бюжо сначала возмутилась поведением этого бюргера, который осмелился в таком тоне разговаривать с маршалом Франции, да и сам Бюжо почувствовал себя оскорбленным и ответил ему весьма резко. Но буржуа, присутствовавшие при этом разговоре, поддержали слова посла. Маршал начал колебаться и, наконец, удалился вместе с герцогом Немурским в соседнюю комнату. Содержание их беседы осталось неизвестным, но, повидимому, они пришли к заключению, что продолжение военных действий едва ли приведет к победе, так как войска были настолько деморализованы, что даже без боя уступали инсургентам казармы и сознательно допускали, чтоб народ одерживал над ним победы. Отдать приказ колонне Бедо наступать, значило обресть 2.000 солдат на гибель. Если бы ей даже удалось взять и разрушить все баррикады, находящиеся на пути к площади Бастилии, то она нашла бы площадь пустой. Колонна оказалась бы совершенно изолированной в центре революции, ввиду С.-Антуанского предместья, окруженная со всех сторон инсургентами, которые воспользовались бы этим

случаем и истребили бы весь отряд. И вообще можно ли положить на солдат? Ясно стало, что при помощи военной силы не удастся достигнуть победы. Оставалось последнее средство: сделать вид, будто хотят заключить мир с народом, прикрываясь именем короля, который, дескать, зарекомендовал себя своей преданностью народным интересам. В таком духе и решил действовать Бюжо: «Передайте мой приказ по войскам,—сказал он своим генералам,—чтобы прекратили огонь. Пусть национальная гвардия возьмет на себя сторожевую службу. Вооружайтесь кротостью и миролюбием».

В то время, как это происходило в генеральном штабе, Бедо со своей колонной стоял в ожидании на бульваре. Такой образ действий не мог не понизить боевое настроение солдат и ослабить военную дисциплину. Войска были со всех сторон окружены инсургентами, которые призывали их к миру и указывали им на всю преступность их поведения, на измену народным интересам, если они примут участие в возгоревшейся борьбе и будут проливать народную кровь. Наконец, вернулся Фовель-Делабар и передал Бедо приказ маршала к отступлению. Народ начал обмениваться выражениями симпатии с солдатами, от дисциплины не оставалось и следа.

Непрерывные успехи повстанцев приводили в большое смущение генералитет, заседавший в главном штабе. Растерянность в правящих сферах увеличивалась с часу на час. Нужно было поторопиться с осуществлением провозглашенной миролюбивой политики. Эта задача была возложена на Одилона Барро и популярного генерала Ламорисьера. Первый направился на бульвары, второй—в центральные кварталы города, в очаг революции. Руководитель буржуазной оппозиции скоро убедился, что последняя потеряла всякий кредит в народных массах. Накануне еще его приветствовали дружески, теперь же он был встречен глухим ропотом, который вскоре перешел в прямые угрозы. С баррикады на улице С.-Дени он слышал крики: «Долой Тьера! Долой Барро! Долой Луи-Филиппа!». Это была та самая баррикада, перед которой вынужден был остановиться Бедо; на ней теперь развевалось большое красное знамя. Он поторопился вместе со своей свитой убраться воссояся, когда увидел, что инсургенты с баррикады прицели-

ваются в него из своих ружей ¹⁾. Он не мог остановить победоносного шествия революции, которая железным кольцом все теснее оковывала королевский замок. Инсургенты приближались со всех сторон к Тюльери, не выработав предварительно какого-нибудь определенного плана действий.

Ратуша, которую народ во время всех революций во Франции захватывал в свои руки, имела для него и теперь большую притягательную силу.

Генерал Себастьяни успел еще с утра занять ратушу сильным отрядом войск. Между тем, в 9 час. утра он получил тот же приказ, что и Бедо: не проливать крови и постараться успокоить народ миролюбием и мерами кротости. Вблизи ратуши, на площади С.-Жан, народ напал на караульный дом и, обезоружив стражу, отпустил ее на все четыре стороны. Таким образом, инсургенты овладели казармой на левом берегу Сены. Около „Collège de France“ повстанцы с таким героизмом защищали баррикады и открыли такой убийственный огонь по войскам, что некоторые роты 14-го и 15-го армейских полков вынуждены были отступить. Перед политехнической школой также происходил кровопролитный бой, но здесь инсургенты должны были отступить под напором королевских войск. Около 11 часов народ занял Гревскую площадь перед рату-

¹⁾ Партия „Réforme“, редакция которой сделалась теперь главной квартирой передовых республиканцев, выпустила следующее лаконическое известие как контр-прокламацию против заявления министерства примирения Барро-Тьера: „Граждане! Луи-Филипп позволяет вас убивать, как некогда Карл X. Пусть постигнет его судьба Карла X“. Эта прокламация была набрана крупным шрифтом и распространена по городу. Составлена она была Прудоном, который в письме от 25-го февраля 1848 г. к одному приятелю в ироническом тоне описывает это, как и вообще свое участие в событиях этого времени. Кроме этой фразы, он себя „упрекает в том, что вырвал дерево на площади Биржи, сломал перила на бульваре Бон-Нувель и таскал камни для постройки баррикад“. Таким образом народное движение увлекло и этого человека, который в том же письме говорит, что восстание отличалось политическим „убожеством“. По мнению Прудона, было бы вполне достаточно 10.000 решительных, вполне преданных своему долгу солдат, чтобы разбить наголову парижский пролетариат, несмотря на героизм, проявленный им во время восстания. Решающее значение имела деморализация, господствовавшая в рядах как власть имущих, так и войск.

шей. Народные массы братались с солдатами, которые присоединились к их возгласам: «Да здравствует реформа!».

Вскоре на Гревской площади слышали глухой шум, доносившийся с задней стороны ратуши. Это группа в несколько сот рабочих старалась высадить задние двери ратуши. Почти одновременно со стороны Гревской площади капитан национальной гвардии в сопровождении воспитанников политехнической школы прорвался сквозь цепь солдат, проник в кабинет префекта и заявил ему, что от имени победоносного народа он пришел занять ратушу.

Чиновники префектуры охотно приняли предложение оставить ратушу. Казалось, что у них гора свалилась с плеч.

После того, как инсургенты овладели ратушей, для них уже не представляло большого труда захватить в свои руки и Тюльери. Хотя правительство имело еще в своем распоряжении от 8 до 10 тысяч человек на Карусельской площади, около Бурбонского дворца и на площади Согласия, но по мере того, как росла революционная энергия победоносных народных масс, увеличивалась деморализация в рядах охранителей политического режима Луи-Филиппа.

* * *

Было около 10 часов утра; королевская семья сидела за завтраком. У всех было несколько беспокойно на душе, но никто еще не понимал всей серьезности положения. Вдруг открывается дверь, и в комнату вбегает капитан генерального штаба. Луи-Филипп инстинктивно почувствовал, что он принес недобрую весть. Он сделал знак капитану, чтобы тот последовал за ним в кабинет. Дрожащим от волнения голосом офицер обрисовал, в каком положении находится столица, рассказал о безостановочном движении инсургентов по направлению к Тюльери, о поражении колонны Бедо и заметил, что королевская семья не может уже здесь считать себя в безопасности. Во время этого доклада король одел генеральскую форму и воскликнул: «Следовательно, вы хотите, чтобы я показался на улице?». Затем он вернулся в столовую, чтобы устроить нечто вроде семейного совета.

Страшно возбужденная королева повторяла, что нужно остаться во дворце и здесь умереть. Вскоре стали доходить более успокоительные известия. Король несколько ободрился и, чтобы поднять дух войска, он, уступая настояниям королевы, решил сесть на коня и показаться войскам. В 11 часов он явился на Карусельскую площадь в сопровождении Тьера, своего сына, герцога Немурского, маршала Бюжо и многих офицеров. Некоторые передние ряды приветствовали его обычным: «Да здравствует король!». Но и здесь он мог уже услышать кое-какие возгласы, сочувственные реформе. Несколько регионов национальной гвардии были налицо. Король подехал к ним. Его встретили криками: Долой существующую систему, да здравствует реформа!». Ей сочувствуют, ей сочувствуют», буркотал Луи-Филипп, отворачиваясь. Куда он ни бросал взор, он везде встречал демонстративно опущенные шпаги и ружья.

На короля напал панический страх. Он повернул коня и поспешил, вернее, полетел стрелой во дворец. Там он бросился в кресло и застыл в неподвижной позе, подпирая голову обеими руками. Его окружали придворные, обезумевшие от ужаса, среди них находилась герцогиня Орлеанская, вдова его старшего несчастного сына с ее двумя детьми, из которых старший, молодой граф Парижский, считался наследником престола. Тут же был и новый премьер-министр Тьер. От страха он, видимо, совсем лишился рассудка; разводя беспомощно руками, он все повторял: «Поток вздымается, поток вздымается; через два часа он, возможно, нас всех проглотит». В это время врывается Кремье, депутат левой, со словами, что не все еще потеряно, пусть только король решится устранить Тьера и Бюжо, о которых народ и слышать не хочет, и призовет к себе Од. Барро и Жерара. Луи-Филипп согласился и на это. Но не успели еще высохнуть чернила, которыми он подписал этот декрет, как явился генерал Ламорисьер с тревожными известиями. Он долго ходил по городу, выяснил настроение народа и решительно заявил, что замена Тьера и Бюжо Одилоном Барро и Жераром ни к чему не приведет. По его мнению, которое он, впрочем, не высказал вслух, народ будет настойчиво требовать свержения короля. Он сказал

Луи-Филиппу: «не удовлетворяются тем, что я обещал от имени вашего величества, требуют нечто другое». — «Нечто другое, — воскликнул король, — хотят, чтобы я отказался от престола, но я скорее расстанусь с жизнью. Этого они не добьются».

А между тем, устранение Луи-Филиппа было единственным исходом. Присутствовавшие два сына короля, герцоги Немурский и Монпансье, согласились с этим; также из комнат, занимаемых привыкшей к беззаботной жизни камарильей, дошло до старого короля глухое требование об отказе в пользу графа Парижского под регентством его матери герцогини Орлеанской.

Вдруг во дворце услышали оживленную перестрелку, чередующуюся с яростными криками народа. На площади Пале-Рояль находился так называемый «Château d'Eau», нечто вроде форта, сооруженного для защиты Пале-Рояля и Тюльери. Инсургенты хотели взять штурмом эту небольшую крепость и обезоружить стражу. Последняя не сдавалась, завязался жестокий, кровавый бой; солдаты, защищенные толстыми стенами крепости, обстреливали через узкие амбразуры густые толпы народа.

Не успел еще король со своей свитой притти в себя от испуга, вызванного этой перестрелкой, как с шумом открылась дверь залы и без доклада вбежал журналист Эмиль де Жирарден. Он проложил себе путь через толпу придворных и поспешно подошел к королю. «Что случилось?» — спросил Луи-Филипп. — «Ваше величество! Нельзя терять ни минуты. Вы должны сейчас же сложить свою власть, если Вы только хотите спасти престол!». Он набросал текст прокламации, в которой Луи-Филипп в коротких словах извещает французский народ о регентстве герцогини Орлеанской, распусчении палаты и всеобщей амнистии. Чтобы придать словам Жирардена больше весу, придворные вскричали диким голосом: «Отречение, отречение!». Третий сын короля, герцог Монпансье, в резких и злых выражениях заметил отцу, что он должен отказаться от престола. Луи-Филипп, наконец, уступил, королева с плачем бросилась ему на шею, чтоб его удержать: «Лучше умереть, чем уйти через эту дверь!» — воскликнула

она. Один государственный деятель, более дальновидный, чем другие, заметил: «Через два часа после отречения будет провозглашена республика!». Придворные же думали, что теперь все спасено, и они просили маршала Жерара оповестить как можно скорее народ об отречении короля, чтоб приостановить битву.

Луи-Филипп, которому все же нравилась больше жизнь, хотя бы и без короны, чем геройская смерть, составил, уступая желаниям своих близких, извещение о своем отречении. Он подошел к своему рабочему столу и написал медленно и вдумчиво следующее: «Я слагаю с себя корону, которую я волею народа был призван носить, в пользу моего внука, графа Парижского. Да выполнит он счастливо великую задачу, которая ему выпала на долю».

Но и эта уступка не могла остановить наступательного хода революции. Слишком поздно! С каждым успехом увеличивались народные требования. Весть о победе инсургентов над королевскими войсками облетела Париж с быстротою молнии и возбудила в народе надежды, которые еще накануне казались фантастическими. Слово «республика» было тем лозунгом, который привлек к себе всеобщее внимание и сконцентрировал все чаяния и надежды народа.

В это время в ратуше происходило следующее: после ухода префекта был созван общинный совет, чтобы «наблюдать за безопасностью столицы». Только 14 членов явилось на это приглашение; они обсуждали проект прокламации к народу, как вдруг толпа ворвалась в залу заседания. Один из этой группы обратился к общинному совету со следующими словами: «Мы хотим знать, какие цели вы преследуете вашей прокламацией. Мы желаем уничтожения монархии, провозглашения республики и смертного приговора для Луи-Филиппа, потому что он единственный виновник происходящих междуусобий». Последние слова очень не понравились членам общинного совета. Была прочитана прокламация, и так как о республике там не было ни слова, то это вызвало настоящую бурю среди инсургентов; они все в один голос закричали: «Республику! Провозгласите республику!».

В это время пришел Гарнье Пажес, посланный Одилоном

Барро, с целью воздействовать на общинный совет, чтобы он высказался за регентство герцогини Орлеанской. Гарнье Пажес совершенно забыл о своей миссии, он заметил, что компромиссы уже тут не помогут, и высказался перед толпой в том смысле, что Луи-Филипп и вся его семья навсегда потеряли право на французский престол, и что нужно объявить республику.

Король же думал, что ему удастся спасти корону, если не для себя, то по крайней мере для своего внука. Он был все-таки настолько предусмотрителен, чтобы сейчас же покинуть Францию, не дожидаясь конца восстания. Он снял генеральскую форму и одел штатское платье. Во дворце были заняты приготовлениями к бегству, в это время прибегает депутат Кремье и, запинаясь, выкрикивает: «Ваше величество! Нельзя терять ни минуты. Народ приближается, через несколько минут он будет в Тюльери».

Король был весьма склонен поверить этим уверениям. Хотя он не понимал всей силы угрожающей ему опасности, но чувствовал, что его положение в Париже весьма шаткое. Кремье указывал, что все заставы пали, часть мостов через Сену разрушена, все улицы, ведущие к дворцу, заняты инсургентами, так что на помощь извне рассчитывать нельзя. Маршалу Жерару не удалось остановить битву на площади Пале-Рояля. Солдаты как бы обезумели и непрерывно стреляют через амбразуры. Напрасно генерал Ламорисьер, желая остановить кровопролитие, бросился между сражающимися. Он был сбит с лошади, ранен и взят в плен инсургентами. Бой будет продолжаться до тех пор, пока крепость не будет разрушена и все ее защитники перебиты. Народ горит жаждой мести и вскоре с Карусельской площади нагрянет в Тюльери.

Как бы в подтверждение этих слов раздался залп чуть ли не под самыми окнами замка. Народ был уже на Карусельской площади. Заметили королевские экипажи, спешившие к дворцу, чтобы увезти короля. Инсургенты очень быстро овладели каретами, при чем было ранено несколько слуг и убит фореитор.

Услышав выстрелы, королевская семья начала метаться и кричать от ужаса. Она не стала дожидаться, пока пригото-

вления к бегству будут закончены, а поторопилась уйти тайными ходами, через Тюльерийский сад, вдоль Сены на занятую еще войсками площадь Согласия и поместилась в две приготовленные для нее кареты, на их счастье спасенные от общего разгрома. Сопровождаемый отрядом кирасир, Луи-Филипп со своей семьей направился в С.-Клу.

Войсками на Карусельской площади командовал герцог Немурский; под напором инсурентов он вынужден был отступить за решотку замка. Когда королевской семье удалось скрыться, ему не зачем было защищать дальше опустевший замок, и он, уступая настояниям одного парламентаря, отдал приказ войскам отступить на площадь Согласия. Еще не успел арьергард очистить дворец, как уже появился у решотки передовой отряд инсурентов. Здесь он остановился на мгновение, мертвая тишина, господствовавшая в замке, вызвала у него опасение наткнуться на засаду. Но во дворце по-прежнему было безмолвно, не слышно ни шороха, ни звука. Народ собрался с духом и, смеясь и ликуя, ворвался в за-

мок. В знак победы он начал стрелять в окна. Толпа, стоявшая в ожидании перед замком, ответила криками торжества и тоже начала стрелять в воздух. Все теперь присоединились к передовым борцам, и вскоре залы Тюльери огласились веселыми шутками инсургентов.

Сначала они не обращали внимания на роскошные эмблемы королевского достоинства. Только при виде трона народ впал в шаловливое, дурачливое настроение. Остротам и шуткам не было конца. Один инсургент с напускной важностью, взойдя на ступеньки трона, уселся на место короля и с величественной снисходительностью раскланялся с народом. Эта выходка была встречена громким хохотом и одобрительными залпами из ружей. Пример всегда заразителен. Один за другим баррикадные бойцы всходили на трон и старались превзойти друг друга остроумными выходками. До февральских дней народ считал королевскую власть каким-то фетишем, теперь он сам удивлялся, каким образом он мог ее так долго уважать и бояться. Он теперь радовался, как дитя, что имеет возможность дать пинка своему разбитому идолу.

Эта шуточная комедия была вскоре прервана звуками марсельезы, раздававшимися с Карусельской площади. Это приближалась возбужденная народная толпа, состоявшая из сражавшихся на площади Пале-Рояля, которой, наконец, удалось в 2 часа пополудни завладеть крепостью.

Упорное сопротивление, оказанное гарнизоном крепости, привело инсургентов в безумную ярость. Несмотря на то, что больше, чем $\frac{1}{4}$ часть солдат была перебита, они все-таки не могли взять штурмом форт. Тогда осаждающим пришла в голову дикая мысль. Они наполнили захваченные королевские кареты смолой и другим легко воспламеняющимся материалом, зажгли их и подкатили к форту. Последний сейчас же был об'ят черными клубами дыма, и изнутри раздались отчаянные вопли задыхающихся солдат. И когда храбрые солдаты не могли больше терпеть эту пытку и открыли ворота, чтобы сдаться, их встретили градом пуль; почти все они были ранены или убиты. Только удовлетворив свою жажду мести, народ попалдил тех немногих, которые остались в живых.

Возбужденные этим кровавым боем, инсургенты двинулись

в Тюльери. Первая группа повстанцев вступила во дворец в веселом, мирном настроении духа. Осаждавшим форт было не до смеха. С хмурыми, грозными лицами они ворвались в королевский замок и уничтожали все, что напоминало о королевских прерогативах. Портреты королевы были сорваны со стен и растоптаны ногами, роскошные ковры были в миг превращены в кучу клочьев, зеркала и бюсты они сделали мишенью для ружейных выстрелов. Они долго не могли успо-

коиться и продолжали громить дворец, мстя за смерть павших товарищей. В это время первая группа потащила трон Луи-Филиппа на площадь Бастилии, в качестве трофея победы, и с громкими криками торжества, под звуки марсельезы, предати его сожжению.

Однако более продолжительное пребывание в Тюльери могло оказаться не безопасным. Раздались предостерегающие голоса, призывавшие народ не праздновать победы преждевременно. «В Бурбонский дворец, в палату депутатов!». С криками: «Да здравствует республика» толпа в несколько сот человек тронулась в путь.

Во время описываемых событий король был уже вне Парижа, сопровождаемый некоторыми членами своей семьи и некоторыми личностями. Для которых тоже выгоднее было убраться из Франции.

Тайно и воровским образом июльская монархия была учреждена. тайно и позорно она исчезла с горизонта, сопровождаемая проклятиями французского народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Впечатление, произведенное отречением короля в республиканских кругах. В „National“ в палате депутатов. Герцогиня Орлеанская. Народ проникает в палату. Временное правительство. В „Réforme“. Грозный вид Гревской площади. В ратуше. Народ требует республики. Провозглашение республики. Ночь с 24-го на 25-е февраля.

Луи-Филипп отказался от престола в надежде, что он перейдет к его внуку, графу Парижскому. Это означало бы только перемену лиц, политический режим июльской монархии остался бы в силе.

В республиканских кругах, видевших близость, осуществления своих заветных идеалов благодаря победе, так неожиданно одержанной народом, весть об отречении короля и о предполагаемом регентстве вызвала новую тревогу. Наиболее влиятельные члены республиканской партии толпились в бюро „National“ и „Réforme“, улицы, на которых находились редакции этих газет, были запружены народом. Около часу пополудни в бюро „National“ собрался маленький республиканский парламент; на собрании присутствовали и представители „Réforme“, как, например, Луи Блан и Эммануил Араго, сын знаменитого математика. Участники собрания с большой страстностью высказывались против регентства; республиканец Дюмениль воскликнул: «Бойня на бульваре Капуцинов похоронила монархию во Франции. Верховная власть народа—вот наш руководящий принцип. Мы должны иметь республику; а для этого нужно учредить временное правительство». Арман Марра, только что вернувшийся из палаты, пошел еще дальше и заявил, что он бесповоротно решил от имени республики выпустить официально воззвание к наро-

ду. Единогласно было решено назначить временное правительство. Луи Блан предложил, чтобы оно было составлено равномерно из представителей обеих фракций республиканской партии, но большинством голосов было решено выставить кандидатуру следующих буржуазных республиканцев: Дюпон де л'Эра, Франсуа Араго, Ледрю-Роллена, Армана Марра, Мари и Гарнье Пажеса.

Луи Блан остался недоволен этим списком. Он поспешил в редакцию „*Réforme*“, рассказал о случившемся в „*National*“ и настаивал перед своими социалистически настроенными товарищами, что необходимо опротестовать этот список кандидатов. Некоторые члены редакции „*National*“, в том числе и депутат Мартэн (из Страсбурга), последовали за ним, чтобы постараться предупредить раскол.

Между тем, в „*National*“ дали знать, что герцогиня Орлеанская собирается в палату депутатов, чтобы настоять на провозглашении своего сына королем Франции, а ее—регентшей. Тут же решили послать в палату Эммануила Араго, Пажеса, Саррана, Шэ и Дюмениля в качестве делегатов от республиканцев „*National*“, чтобы помешать осуществлению этого плана и добиваться учреждения временного правительства.

Около полудня в палате уже было много депутатов. Они были очень взволнованы и растеряны. Их смущение увеличилось еще тем обстоятельством, что налицо не было ни одного партийного руководителя. Наконец, около часу пополудни явился Тьер. Маленький человечек был молчалив и расстроен. Депутаты окружили его и начали расспрашивать. Но он сначала как будто даже не понимал, о чем его спрашивают. Наконец, он собрался с духом и рассказал, что король бежал. О намерениях герцогини Орлеанской он, казалось, ничего не знал, вернее, делал вид, что не знает и знать не хочет. Как в Тюльери, он все выкрикивал: «поток вздымается! поток вздымается!». Вдруг он круто повернулся и ушел. Все попытки вернуть его ни к чему не привели.

Между тем республиканцы „*National*“ направились в палату в сопровождении огромной толпы народа. Они беспрепятственно прошли через занятую войсками площадь и мост Согласия и явились в Бурбонский дворец. Здесь они категори-

чески заявили, что о регентстве не может быть и речи, а должно быть учреждено временное правительство. Еще до прихода их некоторые решительные республиканские депутаты энергично протестовали против таких мероприятий, которые могли бы привести к восстановлению июльской монархии. Этот решительный образ действий привлек к республиканской партии много депутатов левой. Даже Ламартин, увидевший всю серьезность положения и необходимость провозгласить республику.

Но все-таки отношение палаты к этому вопросу еще не определилось. В это время открылись двери и в зал заседания вошла молодая дама в трауре, ведя за руки двух мальчиков. «Да здравствует регентша! Да здравствует король!»—воскликнули в один голос депутаты-монархисты. Одновременно с герцогиней вошли делегаты „*National*“ с значительным количеством решительных республиканцев. Было около половины второго. Президент палаты Созе распорядился поставить стулья для августейших гостей против ораторской трибуны. Глаза герцогини были красны от слез, лицо покрыто смертельной бледностью.

Депутат Дюпен был уполномочен своими товарищами из центра высказаться в пользу регентства. Он принял это предложение весьма неохотно. Взяв слово, он указал на то, с каким уважением отнесся народ к герцогине, когда она направлялась в палату, и прибавил, что и здесь ее появление было встречено весьма сочувственно. Эти слова вызвали на одних скамьях одобрение, на других—протесты. С галерки все настойчивее и громче раздавался крик: «Временное правительство!».

Тогда Ламартин потребовал закрытия собрания из уважения перед народным представительством и перед «высокопоставленной принцессой».

Многие депутаты начали убеждать принцессу оставить палату; она, повидимому, не соглашалась. Президент в отчаянии закричал, чтобы все посторонние лица удалились из залы заседания, так как в их присутствии она не может обсуждать свои дела. Никто на это не обратил внимания. Все как-то почувствовали, что официальные власти уже теперь потеряли

свое значение, что народ является единственным носителем власти. Хаос и сумятица все росли в палате; либеральный депутат Мари взмолился на трибуну и заявил, что, согласно действующему закону, регентство герцогини недопустимо и предложил немедленно учредить временное правительство. Кремье высказался в пользу этого предложения. В это время появляется Одилон Барро. Его поджидали с большим нетерпением и очень обрадовались его приходу, так как надеялись, что этому влиятельному лидеру оппозиции удастся склонить палату в пользу регентства. Новойспеченный премьер-министр начал распространяться насчет того, что палата должна руководиться принципами гуманности и великодушия, он апеллировал к рыцарским чувствам депутатов: «Июльская корона,—воскликнул он,—покойтесь на голове женщины и ребенка». Центр покрыл эту речь шумными аплодисментами, которые были заглушены раздавшимися протестами и криками негодования. Герцогиня поднялась и хотела говорить, но ее голос затерялся в общем шуме. Только могучий голос легитимистского депутата Ларош-Жаклена был слышен среди невообразимого хаоса. Он требовал апелляции к народной воле и кричал депутатам: «Вы здесь ничто, ваше значение равно нулю!».

Как бы в подтверждение этих слов, раздался стук в дверь ружейными прикладами, дверь отворилась и в залу заседания ворвалась толпа победителей из Тюльери, оборванных, с почерневшими от порохового дыма лицами. Они начали бряцать своим оружием и пробрались к трибуне, где водрузили трехцветное знамя с криком: «Не нужно регентства! Не нужно короля! Да здравствует республика!». Во время этой суматохи Ледрю-Роллену удалось привлечь внимание палаты к своим словам. От имени победоносного народа он отрицал за палатой право учреждать регентство. Легитимист *Беррье* прервал поток его красноречия возгласом: «Предложите временное правительство!». Ледрю-Роллен последовал этому совету и тотчас же, действительно, высказался за временное правительство и созыв национального конвента. Наконец, удалось и Ламартину, одновременно вступившему с Ледрю-Ролленом на трибуну, обратиться с речью к собранию. Последнее больше напоминало

теперь революционный клуб, чем законодательное учреждение. Когда на трибуне появился Ламартин, у приверженцев регентства опять мелькнула надежда... ведь он так часто выбирал золотую середину между различными общественными течениями. Они думали, что эту впечатлительную натуру тронет вид плачущей красивой женщины и ее двух трепещущих детей. Разве при виде этого потрясающего зрелища могло не тронуться чуткое сердце поэта, который так трогательно оплакивал людские страдания и с таким восторгом воспевал женскую красоту. Но с первых же слов Ламартина поборники регентства увидели, что обманулись в своих надеждах. «Меня тоже сильно волнует это трогательное зрелище,—начал он,—но я с меньшим уважением отношусь к победоносному народу, который уже в течение трех дней ведет борьбу, чтобы свергнуть вероломное правительство», и он закончил свою речь, требуя немедленного учреждения временного правительства. Ламартин был уверен, что в последнем он будет влиятельным лицом.

В этот момент вторично раздался громовой удар ружейными прикладами в дверь, и в залу заседания ввалилась еще большая толпа инсургентов с засученными рукавами, обнаженной грудью и, бряцая оружием, воскликнула: «Долой палату! Не нужно больше депутатов! Вон продажных! Да здравствует республика!». Один из толпы прицелился в Ламартина, все еще стоявшего на трибуне, но находившийся по близости рабочий крикнул ему: «Стой! Это Ламартин!» и ударом кулака направил выстрел вверх. Другой подошел к президенту и сорвал с него шляпу, которую тот надел в знак того, что собрание закрыто, и крикнул: «Президент продажной шайки! Марш отсюда!». Созе моментально исчез. Депутаты тоже разбежались в разные стороны. Герцогиня и ее дети были увлечены общим потоком бегущих.

Во время этой суматохи Ламартину, наконец, после долгих усилий удалось заставить народ себя выслушать. Он прочел список нового правительства. Там значились следующие имена: *Франсуа Араго, Дюпон (де л'Эр), Ледрю-Роллен, Ламартин, Мари*. Повидимому, эти имена были встречены сочувственно. Дюпон, занявший президентское кресло, еще раз прочел этот список, но к голосованию еще не приступили. Раздался голос:

«В ратушу с Ламартином во главе!». Ламартин последовал этому призыву и тронулся в путь в сопровождении громадной толпы народа и многих депутатов радикальной левой.

После ухода Ламартина Ледрю-Роллен овладел трибуной и, стараясь перекричать толпу, указал, что провозглашение временного правительства есть акт величайшей общественной важности, что он еще раз прочтет список кандидатов, и если этот список понравится собранию, то пусть голосует словами «да» или «нет». Он прочел: «*Дюпон де л'Эр* (да, да!), *Араго* (да, да!), *Ламартин* (да, да!), *Ледрю-Роллен* (да, да!), *Гарнье-Пажес* (да, да, нет! голос: «бедняга уже умер!¹⁾), *Мари* (да, да! нет!), *Кремье* (да да!). «На вновь назначенном правительстве», заключил Ледрю-Роллен, «лежит масса обязанностей. Мы должны закрыть собрание, чтобы дать возможность ему состояться».

В палате все было кончено, и толпа рассеялась, направляясь в ратушу, где, как полагали, должны были разыграться серьезные события. Только там могло быть окончательно составлено новое правительство, потому что не только в палате занимались выбором членов, но и в бюро «Réforme», как и в «National», откуда Луи Блан после собрания и отправился в «Réforme». Здесь к 2 час. пополудни собрались передовые фракции республиканской партии. Некоторые историки, да и сам *Луи Блан*, передают, что перед зданием газеты находилась большая толпа повстанцев. В бюро происходили горячие прения из-за кандидатов, при этом присутствовал *Маргэен* (из Страсбурга), делегат «National'a»; наконец, согласились на следующем: в список кандидатов должны быть внесены те, которые были одобрены палатой, а также *Арман Марра* и *Флокон*, как представители демократической прессы, *Луи Блан* и рабочий *Александр Мартем*, названный *Альбером*, — из уважения к социалистически настроенным слоям пролетариата.

Луи Блан в своих «Разоблачениях о революции 48-го года» придает состоявшемуся соглашению и провозглашению нового правительства мелодраматический характер. По его словам, он,

¹⁾ Это была ошибка. Умер его брат, бывший очень честным республиканцем.

подойдя к одному из окон бюро редакции, прочел собравшимся инсургентам упомянутый список. Список одобрили, но вдруг он услышал имя Альбера, сопровождаемое шумными знаками одобрения. Охваченный сильным волнением, Луи Блан занес это имя в список. Однако, эту патетическую сцену мы находим только у Луи Блана, в повременной печати об этом совершенно не упоминается. Вероятнее всего, назначение Альбера имело принципиальное значение. Лично Альбер, перекочевавший из Лиона в Париж, не был знаком с другими кандидатами, да он и не отличался выдающимися способностями. Он был призван к власти не из-за его личных заслуг, а во внимание к заслугам пролетариата. Представители привилегированных классов сочли себя вынужденными уделить рабочим массам хоть небольшую долю влияния на государственные дела, на что они имели право, в виду той роли, которую они теперь сыграли в государстве.

Республиканцы «Réforme» не ограничились одним только составлением временного правительства. Они постарались подчинить своему влиянию такие важные для данного момента общественные учреждения, как полиция и почта. На должность полицейского префекта назначили *Коссидьера*, человека большого роста, крепкого телосложения, средних способностей, но с твердым характером. Оборванный, грязный, с прокопченным от порохового дыма лицом, Коссидьер, только что явившийся с места восстания, направился в ратушу и без боя овладел ею. Также *Этьен Араго*, назначенный главным почт-директором, без всяких трудностей вступил в отправление своих обязанностей.

Между тем вновь назначенное правительство собралось в ратушу. Провожавшая его народная толпа была немногочисленна. Возможно, что многие боялись идти по городу, в котором политические страсти свирепствовали с небывалой силой. Достаточно было небольшого кавалерийского отряда, чтобы рассеять это новое правительство. Может быть, в силу этих соображений Ламартин и решился на театральную выходку: проходя мимо казарм по набережной д'Орсей, он подошел к решетке, за которой стояли драгуны, с большим любопытством рассматривавшие новую правительственную коллегия и ее

свиту, и попросил солдат дать ему напиться. Драгуны подали ему бутылку вина и стакан. Ламартин выпил за мир и согласие между народом и армией. «Друзья», воскликнул он, «это банкет!» Раздались аплодисменты со стороны солдат и народа, и опасность миновала. На набережной, ведущей к ратуше, эта толпа с Ламартином во главе вынуждена была перебираться через многочисленные баррикады. Путь был завален трупами, оторванными частями человеческих тел, убитыми лошадьми и разными разорванными и разбитыми предметами. Карета 80-ти летнего Дюпона де л'Эра ни на шаг не могла уже двинуться вперед, и старика пришлось на руках доставить в ратушу.

Небо все еще было покрыто тучами. Со старой башни собора Парижской Богоматери гремел призывный звон набата, и народ стекался из отдаленнейших предместий в центр столицы. Охваченный энтузиазмом, он с криком, пением и непрерывными возгласами: «Да здравствует республика!» собирався на Гревскую площадь перед ратушей. Хотя народ и был опьянен своей победой, но все-таки он еще не чувствовал себя господином положения. Из толпы часто раздавались недоверчивые и предостерегающие голоса: «Граждане! нас хотят обмануть, как в 1830 г. Берегитесь предателей!» И в знак того, что народ решил отстоять завоеванное и в случае крайности опять готов взяться за оружие, инсургенты поставили 4 пушки против главного фасада ратуши. Повстанцы, опираясь на свои ружья, стояли тут же, исполняя обязанности стражи.

Было уже около 5 час. вечера, когда члены нового правительства собрались в ратуше, которую парижское население любило называть народным Тюльери. Все здание было битком набито людьми. Стоял невообразимый гам. Ораторы взбирались на столы и, потрясая в воздухе своим оружием, выкликали любимых политических деятелей в качестве членов временного правительства.

Не без труда удалось, наконец, некоторым членам избранного в Бурбонском дворце правительства пробраться в залу заседания общинного совета, где бестолочи было не меньше, чем в других комнатах. Государственные деятели, собиравшиеся взять в свои руки судьбы Франции, сочли нужным еще

раз представить свое избрание на утверждение народа. Почтенного старца Дюпона поставили на стол, но... он сватился без сил. Тогда Ледрю-Роллен поднял свой могучий голос и в сильных выражениях охарактеризовал события этого дня, поздравив народ с победой. Любимого оратора наградили аплодисментами. Ламартин также обратился с речью к народу и заявил, что, по его мнению, временное правительство не может окончательно решить вопрос о форме правления. Эти слова были прерваны взрывом негодования. «Республика! Провозгласите республику!» кричала толпа. Один рабочий выступил вперед и показал оратору свой штык, на конце которого торчал лист бумаги с надписью: «Да здравствует республика!» Тогда поэт-легитимист счел себя, наконец, вынужденным прямо и определенно высказаться в пользу республики. После этого Ледрю-Роллен заявил, что он с товарищами удалится, чтоб решить вопрос о том, в какой форме известить французский народ о провозглашении республики.

С большим трудом удалось членам временного правительства пробраться сквозь густую толпу в маленькую, отдаленную комнату, которую для них приготовил парижский мэр, Гарнье Пажес. Здесь они забаррикадировались, и воспитанники политехнической школы стали перед дверью на страже с обнаженными шпагами.

Наступила ночь. Народная толпа на площади продолжала волноваться и шуметь. Ей надоело долгое ожидание, от времени до времени ею овладевал гнев, и она старалась прорваться в ратушу. Собравшейся толпе сказали, что там находится избранное палатой временное правительство. Это еще усилило ее недоверие. Каждый задавал себе вопрос, что такое представляет собой палата. Продажную пайку, часть того самого правительства, против которого народ восстал? Почему бы новому правительству быть лучше старого?

Возбуждение несколько улеглось, когда услышали имена Ледрю-Роллена, Луи Блана и Дюпон де л'Эра.

Как уже было выше сказано, существовавшие в Париже тайные общества не могли в февральские дни выработать какую-нибудь определенную программу действий; лучшим подтверждением этой мысли служит сумятица, господствовавшая

в ратуше и вне ее. Действительно, если бы тайные общества приняли активное участие в событиях, то провели бы план, который всегда лежал в основе их неоднократных попыток к воссанию, а именно, захватить в свои руки власть с целью изменить всю социальную и политическую структуру общества. Им не стоило бы большого труда при помощи хотя бы маленькой, но сплоченной группы решительных людей подавить хаос в ратуше, удалить опасные элементы из состава временного правительства и, таким образом, подготовить почву для осуществления своей намеченной цели, т. е. создать благоприятную обстановку для деятельности социальной демократии. Но, к сожалению, такова уже судьба почти всех заговоров. Они неудачно выбирают время для нападения и пропускают удобные моменты, когда смелый, энергичный натиск мог бы решить дело в их пользу. Временное правительство заперлось в маленькой комнате. С площади сюда доносился гул тысячной толпы и грозные требования «республики». Поэтому первой же его заботой было составить прокламацию к народу, в которой последний извещается о падении июльской монархии и учреждении нового правительства. Необходимо было уже коснуться и будущей формы правления, высказаться «за» или «против» республики. Ледрю-Роллен настаивал на провозглашении республики, Ламартин колебался, Араго и Дюпон были того мнения, что нельзя установить определенно какую-нибудь форму правления для всей Франции, когда даже сама столица не может дать руководящей нити для решения этого вопроса. Ламартин предложил обойти этот щекотливый пункт и ограничиться общей, ни к чему не обязывающей фразой: «Не смотря на то, что временное правительство действует исключительно в интересах французского народа и само предпочитает республиканскую форму правления, тем не менее ни парижское население, ни временное правительство не считают себя в праве навязывать свое мнение всем французским гражданам».

Затем перешли к распределению важнейших государственных должностей, прежде всего, министерств. Дюпон де л'Эр был утвержден в звании министра-президента, Ламартин—министром иностранных дел, Кремье—министром юстиции,

Франсуа Араго—морским министром, Мари—общественных работ, Гарнье Пажес—мэром Парижа, Коссидьер—префектом полиции и Этьен Араго—главным почт-директором. Позже Карно был назначен министром народного просвещения, адвокат Бетмон—министром торговли и генерал Суберви, старший волонтер 1792 г.—военным министром, Куртэ, бывший офицер, получил начальство над национальной гвардией. Заведывание финансами сначала было поручено банкиру Гудшо, позже—Гарнье Пажесу.

Короткое время спустя после начала совещания опять заметно стало оживление в зале С.-Жана, одной из больших зал ратуши, предназначенной для торжественных случаев. Явились выбранные в „Réforme“ и утвержденные „National“ем новые члены временного правительства: Флокон, Марра, Луи Блан и Альбер. Маленького Луи Блана, который едва не был раздавлен во время давки в толпе, сильные рабочие вынесли на своих плечах и доставили в ратушу. Вновь прибывшие также считали необходимым, чтобы их избрание было одобрено народом. Луи Блан, все еще сидя на плечах рабочих, говорил о преимуществах республиканского образа правления. Он в нем видит единственную форму общезжития, обеспечивающую за пролетариатом возможность вполне наслаждаться плодами своих трудов и достигнуть полной гражданской свободы. Эти слова были встречены громовым криком: «Да здравствует социальная республика!» В это время пришел Флокон, он целиком присоединился к мнению своего товарища по перу. Народ, таким образом, открыто выразил свои симпатии Луи Блану и Флокону. Их коллеги по управлению страной, напротив, были не очень то довольны их приходом. Араго и Кремье даже не скрывали этого и прямо заявили им, что они не имеют права на участие в министерстве. Правительство, дескать, уже конструировалось, и для новых членов нет больше места. На это Луи Блан возразил, что если они и были выбраны в Бурбонском дворце, то, как потом признал сам Кремье, это было сделано в палате, а не палатой. Все же, что имело отношение к палате, было уничтожено народом. Луи Блан говорил очень резко и решительно, указывая рукой на площадь, переполненную повстанцами, и угрожал, что он будет апеллировать к на-

роду. Если бы Луи Блан выполнил свою угрозу, то новое правительство, к которому народ уже питал недоверие, полетело бы за борт. Гарнье-Пажес понял эту опасность и предложил назначить новых членов секретарями. Марра и Флокон согласились; Луи Блан считал неудобным настаивать, потому что вопрос уже принял почти исключительно личный характер. Он только поставил им на вид, что рабочий *Альбер* тоже должен быть назначен секретарем. Это требование было удовлетворено. Между тем нетерпение толпы вне ратуши все росло. Всех очень интересовал вопрос, чем собственно так занято новое правительство. Вспоминались события 30-го года, и у массы возникли опасения, как бы у нее опять не отняли республику, добытую такой дорогой ценой. Они тут же выбрали делегатов и послали их осведомиться, что делают члены временного правительства. Делегаты, хорошо вооруженные, решительной походкой направились в ратушу, пробрались до двери комнаты, где находился Ламартин с своими товарищами, и потребовали, чтобы их впустили туда. Угрожающим жестом они указали на площадь и заявили, что если сейчас же не будет провозглашена республика, то народ все разнесет вдребезги. Ламартин тотчас же явился в залу С.-Жана и успокоил толпу своими благозвучными, пышными фразами. Он вообще в первые дни временного правительства часто и не без успеха пускал в ход свое известное красноречие. Одновременно Луи Блан с этой же целью — успокоить толпу — направился на площадь; у главного крыльца он взобрался на стол и, напрягая всю силу своих легких, крикнул: «Правительство желает республики!». Эти слова, передаваемые из одной группы в другую, вызвали бурное, долго несмолкаемое одобрение. Раздобыли большой кусок полотна и написали на нем большими буквами: «Франция провозглашена единой и нераздельной республикой». Несколько рабочих взобрались на карниз и, при свете факелов, развернули этот плакат при непрерывных криках восторга собравшейся толпы. Вдруг этот взрыв восторга сменился криками ужаса: один из рабочих, прикреплявших это полотно, оступился, сорвался со стены и свалился наземь. После горячих дебатов временное правительство, наконец, решило объявить республику. С первых же шагов проявился внутренний

раскол в среде самого правительства, раскол, имевший такое сильное влияние на дальнейшую судьбу республики во Франции. Луи Блан с большой страстностью доказывал, что *должно* провозгласить республику, если только хотят сохранить принцип народовластия, так как эти два понятия совпадают. Ламартин, повидимому, склонялся к этому мнению. Он находил, что обойти вопрос о форме правления значит вызвать в стране междоусобицу, жестокую партийную борьбу. Каждая партия будет напрягать все силы к тому, чтобы уничтожить другие и захватить в свои руки власть. Восстановить же монархию немислимо при наличности 300.000 хорошо вооруженных, возбужденных борцов. Остается, таким образом, объявить республику. Наконец, Кремье составил формулу, на которой и сошлись члены временного правительства. Она гласила: «Временное правительство хочет республики, решающий голос оно предоставляет народу, к которому оно не замедлит обратиться за этим в ближайшем будущем». Несколько сот экземпляров этой прокламации были тут же разбросаны в толпе, чтоб усыпить несколько ее подозрительность. Покончив с прокламацией, правительство без долгих дебатов приняло несколько резолюций: распустить палату депутатов, запретить собрание палаты пэров и призвать всех граждан к зачислению в национальную гвардию. К 11 часам вечера ратуша почти опустела. С Гревской площади также удалился успокоившийся народ. Тем не менее, как в предшествующие две ночи, так и в ночь с 24-го на 25-ое февраля только часть парижского населения отправилась спать. Борцы за народное дело были на страже, так как по городу циркулировали тревожные слухи. Было известно, что форты, окружающие Париж, находятся в руках королевских войск; опасались неожиданного ночного нападения под начальством герцога Немурского или Бюжо. Поэтому развели огни, за неразобранными еще баррикадами, у огня мелькали решительные фигуры народных борцов и по всему городу, от одной баррикады к другой, раздавалось: «Слушай!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Республика и социализм. Мнение К. Маркса. Гревская площадь утром 25-го февраля. Право на труд. Красное знамя. Национальные мастерские и социальные мастерские Луи Блана. Министерство прогресса и труда.

25-го февраля Франция проснулась республикой.

Это был такой резкий переход, который еще накануне казался прямо немислимым. Как же это случилось? Почему тот же народ, который в 1830 году был настолько индифферентен, что позволил шайке интриганов навязать себе королевскую власть, теперь не успокоился до тех пор, пока не убедился, что во Франции восторжествует «Марианна» ¹⁾.

Дело в том, что с 1830 г. парижское население сделало крупный шаг вперед. Революционная республиканская партия не ограничивалась просвещением масс: она организовала тайные военные организации, в которых она вела деятельную пропаганду республиканских идей. Она стремилась к республике, которая, по мысли Бабефа, должна была представлять собой новую форму общежития с свободными политическими учреждениями, основанными на *иных* общественных отношениях. Весь строй жизни должен быть пропитан новым, демократическим духом. Ее идеалом была *социальная* республика. Идею о социальном равенстве будили и распространяли как произведения Луи Блана и Прудона, так и общественные течения, тесно связанные со школами утопических социалистов (сен-симонистов, фурьеристов, кабетистов и т. д.).

Одержав победу над правительством Луи-Филиппа, наиболее сознательная часть французского народа считала себя в

праве рассчитывать не только на перемену в форме правления, но и на социальные улучшения. Это было тем более естественно, что до 1848 г. республиканская идея во Франции была тесно, почти неразрывно связана с мыслью о социальном перевороте. Даже буржуазно-монархические органы высказывали эту точку зрения. Они, конечно, при этом преследовали свои цели: для того, чтобы привязать буржуазию к королевской власти, они утверждали, что от республики до коммунизма только один шаг. Между тем, среди руководителей республиканской партии были элементы, насквозь пропитанные буржуазными тенденциями. Таковы редакторы „National“, часть редакции „Réforme“. Но эти люди не принадлежали к активной части партии и не оказывали большого влияния на общественное мнение. Их республиканизм был платонического свойства, открыто они его никогда не распространяли. Гарнье-Нажес был ярким представителем этой республиканской разноридности. 24-го февраля он пошел в ратушу с твердым намерением провозгласить регентство, но, когда он увидел, что дует республиканский ветер, он высказался за республику. Эти республиканцы только тогда стали сторонниками республики, когда последней избежать уже не было возможности; они так же быстро удовлетворились бы либеральной монархией, если бы ей удалось захватить в свои руки власть. Действительно, нужно иметь в душе высокий идеал для того, чтобы бороться и быть готовым пожертвовать собой за проведение в жизнь своих идей. Только крайние элементы республиканской партии питали такие возвышенные чувства. И только они одни протискивали свою кровь во все время господства июльской монархии, подготавливая торжество «Марианны». Мы уже знаем, что они были проникнуты коммунистическими стремлениями и было ясно, что они постараются осуществить свой идеал, социальную республику, после того, как трехдневный бой на улицах Парижа привел их к победе и была провозглашена республика.

Карл Маркс, со свойственной ему остротой понимания, в своей брошюре «18 брюмера Луи Бонапарта» дает ясное представление об историческом моменте, который тогда переживала Франция. Он пишет:

«В эти февральские дни сначала преследовали одну только

¹⁾ В царствование Луи-Филиппа слово *Марианна* служило популярным обозначением республики.

цель: добиться такой избирательной реформы, которая расширила бы круг политически привилегированных слоев имущих классов и сломала бы исключительное господство финансовой аристократии. Но когда конфликт произошел, народ взялся за постройку баррикад, национальная гвардия бездействовала, армия не оказала никакого серьезного сопротивления, и июльская монархия разлетелась, как дым, то само собой стало очевидным, что остается провозгласить республику. Каждая партия понимала ее по-своему. Пролетариат, с оружием в руках добившийся ее осуществления, наложил на нее свой отпечаток и объявил ее, как *социальную республику*. Таким образом, в новейшую революцию было вложено такое содержание, которое стояло в страшном противоречии со всем тем, чего можно было добиться при наличии накопившегося исторического материала, степени культурного развития массы и существующих общественных отношений».

Бесспорно, в то время социализм не отличался еще той ясностью, которая теперь составляет его силу. Социалистическое мирозерцание большей частью складывалось под влиянием чувства, не опираясь на серьезные доводы, на солидную аргументацию, и терялось в мистических мечтаниях. Вместо того, чтобы показать последовательный ход развития капиталистического общества и указать на те элементы разложения, которые оно несет в своих недрах и которые с большей или меньшей яркостью проявляются на различных этапах его исторического пути, социалисты этой эпохи носились с разными фантастическими системами, в непогрешимость которых они слепо верили, или же они делали беззаветными приверженцами теории Луи Блана, которая рассматривала организацию труда, как панацею от всех социальных зол¹⁾.

¹⁾ В статьях „Новой Рейнской газеты“, которые Фридрих Энгельс потом издал под названием „Классовая борьба во Франции в 1848—1850 г.г.“, Карл Маркс обстоятельнее указывает на те причины, которые не дали парижскому пролетариату в 1848 году воспользоваться плодами своей победы. Они не сводятся исключительно к недостаточной зрелости социалистической мысли.

„Как только поднимается класс,—говорит он,—в котором сконцентрированы революционные интересы всего общества, то он в своем

Между тем, республика была для рабочего класса и всех прогрессивных элементов страны благоприятной почвой, на которой свободно могли развиваться всевозможные идеи и планы социальных реформ. Поэтому, после провозглашения республики социально-республиканские круги почувствовали себя так, как будто у них гора свалилась с плеч. У них было такое ощущение, что они теперь свободны от всяких пут и их силы возрастают до бесконечности. Они полагали, что им нужно только пустить в ход свои агитаторские способности и они добьются всех тех преобразований, о которых они так долго мечтали. Разве «красная Марианна» не ангел-хранитель французского народа, который на основе всеобщего равенства доставит последнему и хлеб и свободу?!

Таково было преобладающее настроение народной массы ночью 24-го и утром 25-го февраля. Но все-таки ею овладе-

собственным положением находит содержание и материал для своей деятельности: он уничтожает своих врагов, преследуя тактику непосредственно вытекающую из потребностей самой борьбы, он доводит до логического конца те выводы, которые ему диктует его собственный образ действий. Он не впадает в теоретическую оценку своей собственной задачи. Но французский рабочий класс не стоял еще на такой точке зрения; он еще был неспособен провести свою пролетарскую революцию. Вообще развитие промышленного пролетариата обуславливается развитием промышленной буржуазии. Только в ее господство пролетариат начинает жить национальной жизнью, что позволяет ему сделать свою революцию общенациональным делом, он сам создает средства и усовершенствованные орудия производства, а это в значительной степени способствует его революционному освобождению. Господство индустриальной буржуазии подрывает материальные основы существования феодального общества и подготавливает ту почву, на которой только и может разыгаться пролетарская революция. Французская индустрия—самая развитая и французская буржуазия—самая революционная на всем континенте. Но февральская революция разве не была направлена непосредственно против финансовой аристократии? Это показывает, что промышленная буржуазия еще не господствовала во Франции. Промышленная буржуазия только тогда может выдвинуться на первый план, когда соответственно высоко развитой промышленности изменятся все отношения собственности; а такой силы промышленность может достигнуть, когда она завоеует мировой рынок, так как в национальные рамки не может укладываться ее развитие. Французская же промышленность большей частью удержала за собой свой национальный рынок, исключительно благодаря

гало некоторое беспокойство при мысли о лицах, которых случайность поставила во главе республики. Ведь эти господа не ставили на карту свою жизнь за республику. Поэтому решили и в этот день явиться на Гревскую площадь, чтобы контролировать подозрительные элементы нового правительства и не дать им сделать из республики женщину, которая по отношению к богатым является любящей матерью, а по отношению к бедным — злой мачехой. Нужно этих двуличных людей заставить дать какие-нибудь гарантии, чтобы показать парижанам и всему французскому народу, которые в данный момент представляли собой единственную силу в стране, что республика будет народной, социальной республикой.

Таким образом, Гревская площадь уже с самого раннего утра приняла свои вчерашний вид. Из предместий быстро стеклись большие толпы и вскоре вся площадь была покрыта огромной, густой массой народа, которая проникала во внутрен-

запретительной системе. Поэтому, если в момент революции в Париже французский пролетариат обладал такой фактической властью, которая толкнула его на борьбу, превышающую его внутренние силы, то в остальной Франции он жил рассеянный по отдельным, слабо связанным между собой промышленным центрам, утопая в общей массе крестьянства и мелкой буржуазии. Борьба против капитала в его современной, развитой, наиболее ярко выраженной форме, борьба промышленных наемных рабочих против промышленной буржуазии есть во Франции лишь частный факт. Последний тем менее мог после февральских дней вложить национальное содержание в революцию, что борьба против низших форм эксплуатации капитала, крестьян против земельных ростовщиков, мелкой буржуазии против крупных торговцев, банкиров и фабрикантов, одним словом, борьба с банкротством была скрыта под общим протестом против финансовой аристократии вообще. То обстоятельство, что парижский пролетариат опустил красное знамя перед *трехцветным*, ясно показывает, что он ставил свои интересы рядом с интересами буржуазии вместо того, чтобы заявить о них, как о революционных интересах всего общества. Французские рабочие не могли ни на один шаг двинуться вперед, не могли поколебать ни один из устоев буржуазного общества, прежде чем ход революции не поднял промежуточные между пролетариатом и буржуазией общественные слои, крестьянство и мелкую буржуазию, против этого общества, против господства капитала. не заставил их присоединиться к пролетариям, как к своим передовым борцам. Только ужасным поражением в июньские дни пролетариат купил эту победу.

ратуши, в коридоры и залы. Из уст многотысячной толпы раздавались воодушевляющие звуки марсельезы и, как бы в знак того, что со старым обществом покончены все счеты, над головами демонстрантов развевалось красное знамя.

В ратуше была такая же сумятица, как и накануне. Там шли разговоры о республике и о надеждах, которые возлагают на нее рабочие и вообще обездоленные современного общества. Так же, как и накануне, делегаты от народа требовали свободного доступа в маленькую комнату, где заседало временное правительство, чтобы заявить о социальных требованиях. проведение которых, по их мнению, составляет главную задачу республики. С этой целью один рабочий, по имени *Марш*, явился с некоторыми товарищами к новым министрам, которые как раз в это время обсуждали вопрос об организации мэрий тридцати парижских округов, и объяснил, что он уполномочен от собравшегося на площади народа и, ударив прикладом, передал им петицию с требованием права на труд, организации работы. Он им дал понять, что народ не доверяет временному правительству и что он не разойдется до тех пор, пока ему не будет гарантировано декретом право на труд. Ламартин подошел к нему с ласковыми речами, желая побудить его отказаться от этого требования. Рабочий взглянул на него с презрением и грубо возразил: «Вашим красноречием вы меня с толку не собьете. Я буду с вами говорить языком, который на вас подействует, я буду говорить не словами, а выстрелами», и при этом он указал на свое ружье. «Между вами и нами не может быть другого языка».

Хотя Ламартин, по его собственным словам, сильно возмущился этой угрозой, но все-таки он продолжал убаюкивать его своими сладкими речами. Он старался доказать, что невозможно в течение одного часа формулировать решение для такой серьезной социальной проблемы. Гарнье-Пажес и Араго поддерживали его, при чем они не упустили случая выразить рабочему свое полное сочувствие положению трудящихся масс и свою готовность идти навстречу их требованиям, лишь бы только им дали время все это выполнить. Марш и его товарищи начали колебаться. «Хорошо, народ будет ждать», — сказал Марш, — народ отдает три месяца страданий на службу респу-

блике». Три месяца, в течение которых представители буржуазии могли вполне подготовиться и, действительно, подготовились, чтобы ответить на требования народа... порохом и свинцом и утопить эти требования в крови парижского пролетариата!

Между тем, Луи Блан, удалившийся вместе с Ледрю-Ролленом и Флоконом к оконной нише, выработал декрет, в котором, хотя тщательно обходили слова «право на труд», «организация труда», но все-таки по существу было признано выставленное Маршем и его товарищами право на труд. Этот декрет гласил:

«Правительство французской республики обязывается обеспечить работой существование рабочих.

«Оно обязывается доставить работу всем французским гражданам.

«Оно признает, что рабочие должны организоваться в союзы, чтобы добиться надлежащей платы за труд».

Этот декрет подписали все члены временного правительства, в том числе и Ламартин. Это указывает на могущественное влияние, которое оказывала тогда армия труда на политические сферы, но отсюда ясно, как неудовлетворительно еще было политическое воспитание широкой массы. Она удовлетворилась этим декретом и была довольна тем, что право на труд было ей... гарантировано на бумаге. Из-за этого требования, в сущности невыполнимого при данных обстоятельствах, забыли потребовать таких организационных мероприятий, которые для начала перевели хотя бы небольшую часть социальных богатств в коллективную собственность. Они требовали социально-революционных действий, совершенно не понимая причин всех социальных неурядиц. Последнее было ясно только для некоторых вдумчивых людей. Только по горькому опыту рабочие узнали, насколько трудно улучшить свое классовое положение в рамках существующего общественного строя. Когда Марш и его товарищи вернулись из зала заседания временного правительства на Гревскую площадь, то внешний вид площади заметно изменился. Число красных знамен увеличилось до сотни. Даже на конной статуе Генриха IV водрузили красное знамя. Все дома вплоть до самых крыш были

покрыты красными флагами, и парижане сами тоже украсились своим любимым красным цветом.

До нового правительства стали доходить все более тревожные известия о настроении и намерениях широкой массы. Народ, дескать, собирается взять штурмом ратушу, чтобы заставить правительство признать красное знамя штандартом республики, в случае отказа выбросить новых правителей за борт.

Ламартин, который вообще очень часто любил давать волю своей поэтической фантазии в ущерб истине, рассказывает, что требования, неоднократно выставлявшиеся народом, стали принимать довольно опасный характер. Так, между прочим, некоторые лица, пробравшиеся до залы заседания временного правительства, громко заявляли: «Мы требуем, чтобы немедленно была объявлена война всем тронам и аристократии всех стран... Мы требуем, чтобы бывшие министры были арестованы, чтоб король был предан суду и его имущество обращено в национальную собственность... Войдите в соглашение с революционерами или уступите им свое место... Если вы этого не делаете, то берегитесь!».

Ламартин—единственный историк февральской революции, который приводит эти заявления, а он был заинтересован в том, чтобы разрисовать в самом страшном виде все сцены, связанные с поднятием красного знамени. Он мог, таким образом, выставить себя в самом выгодном свете, как укротителя диких народных страстей и спасителя буржуазной республики. Луи Блан в своих «Страницах из истории революции 1848 г.» более мягкими красками рисует эти события, ссылаясь на судебные показания депутата Корбона, который говорит, что красное знамя перед ратушей было поднято совершенно случайно. Из одного дивана в ратуше вырезали кусок красного бархата, какой-то врач выбросил эту материю через окно в толпу, и из нее были изготовлены первые красные знамена. Между тем, ни тогдашние газеты, ни один историк не сообщают об этом что-либо достоверное. И Луи Блан приводит утверждение Корбона, не придавая ему особого значения, и затем он продолжает: «Фактически народ требовал поднятия красного знамени с такой настойчивостью, которая особенно ярко рисует всю глубину народного духа... Красные знамена развева-

лись над окнами вплоть до самой крыши». А факт таков, что красное знамя было водружено еще во время боя; 24-го февраля на большинстве баррикад были красные знамена. Поэтому понятно, что народ хотел, чтоб его победа была увенчана знаменем, под которым он сражался.

Луи Блан энергично поддерживал требование, чтоб красное знамя стало национальным флагом. Он доказывал, что новые государственные учреждения должны иметь и новую эмблему; признание красного знамени покажет, что Франция покончила со старым, ненавистным режимом. Но Ламартин и даже Ледрю-Рошлен сильно воспротивились этому. Первый объяснял, что поднятие красного знамени будет понято в стране, как указание на вступление во власть правительства террора. Но в виду того, что возбуждение народа все росло, Ламартин и его единомышленники решили уступить и уже начали делать приготовления к тому, чтобы официально повесить из окна совещательной комнаты красное знамя. Об этом узнал назначенный министром финансов банкир Гудшо, живое воплощение буржуазной трусости. Он поспешил в ратушу и заявил, что все будет потеряно, если только террористическое знамя будет провозглашено штандартом республики. Протест этого влиятельного финансового туза заставил членов временного правительства отказаться от своего решения, даже Луи Блан перестал настаивать. Но, опасаясь народного возмущения, оно прибегло к успокоительному средству. Трехцветное знамя украсили красной розеткой в знак того, что новое правительство расположено к народу и помнит об его заслугах во время последней революции. Также должностные лица и члены временного правительства надели красные розетки.

Возбужденная толпа, окружавшая ратушу, этим не удовлетворилась. Ее состав постоянно менялся, одни группы уходили с площади, на их место являлись другие и волнение начинало принимать весьма серьезные размеры. Ламартин и Гарнье-Пажес выбились из сил, тщетно стараясь успокоить толпу. Ламартин решил сделать последнюю попытку и спустился вниз, чтобы с большого крыльца ратуши обратиться с речью к народу. Его встретили бранью и криками «изменник». Поведение народной массы принимало все более грозный

некоторые мероприятия в этом направлении. 28-го февраля перед ратушей собралась большая толпа рабочих. Над толпой развевались многочисленные знамена со следующими надписями: «Рабочее министерство! Организация труда! Уничтожение эксплуатации человека человеком!»

Рабочие явились, чтобы настоять на практическом осуществлении идеи Луи Блана. Они требовали учреждения министерства прогресса, которое специально занялось бы организацией труда и располагало бы для этой цели специальным фондом. Для руководства этим министерством самым подходящим лицом был Луи Блан, и последний с большой энергией взялся за осуществление этой идеи. Но на этот раз Ламартин не хотел сделать никаких уступок, остальные члены правительства, которые считали теперь свое положение более упроченным, за исключением, конечно, Альбера, присоединились к его мнению. Оба социалиста почувствовали себя совершенно одинокими в министерстве, но на площади за них стояла угрожающая, легко воспламеняющаяся толпа. При таком положении вещей Луи Блан решился на очень серьезный шаг: он и Альбер подали прошение об отставке.

Удаление этих двух лиц, являвшихся представителями радикальных элементов страны, означало возобновление восстания и немедленный штурм ратуши. Этого остальные члены правительства не могли допустить. Они стали сговорчивее и начали умолять отказавшихся товарищей взять обратно свою отставку. Араго даже ударился в пафос и обратился к Луи Блану со следующими словами: «Своей сединой я заклинаю вас отказаться от идеи организации труда и не расставаться с нами. Разве вы хотите нас убить?». Между тем, Гарнье-Пажес и Марра поговорили между собой и согласились на следующую уступку. Вместо министерства труда пусть будет учреждена большая комиссия, которая до созыва национального собрания изучает социальные вопросы и вносит практические предложения. Комиссия должна быть составлена из делегатов рабочего населения Парижа, президентский пост предложили Луи Блану; Альбер и Франсуа Араго должны фигурировать в качестве вице-президентов.

Луи Блан долго медлил. Он чувствовал, что ему дают тупое

оружье в руки; ему предлагают, как он сам выразился, руководство бурной аудиторией, в которой он голодающим будет читать лекции о голоде. Но он все-таки уступил. Благодаря своей природной робости и нерешительности, он боялся стать во главе революции. Он убаюкивал себя надеждой, что и мирным путем удастся заставить правительство провести социальные реформы. Поэтому он, с согласия товарищей, составил следующий декрет:

«Принимая во внимание, что революция, произведенная народом, должна быть обращена в пользу самого народа;

«что пора положить конец долгим, несправедливым страданиям рабочих;

«что рабочий вопрос есть вопрос первостепенной важности;

«что нет другого вопроса, который по своей важности заслуживал бы более внимательного отношения со стороны республиканского правительства;

«что честь Франции требует того, чтобы она изучила и разрешила проблему, пред которой стоят все промышленные страны Европы;

«что действительно нужно подумать о том, чтобы доставить народу законные плоды его труда,—

«временное правительство республики решило:

«назначить постоянную комиссию под названием: «Правительственная комиссия для рабочих», со специальной целью—заняться вопросом о положении рабочих.

«В доказательство того, какое важное значение правительство придает решению этой великой задачи, оно назначает президентом «Правительственной комиссии для рабочих» одного из своих членов—Луи Блана, а вице-президентом—другого члена, рабочего г-на Альбера.

«Рабочие приглашаются принять участие в этой комиссии.

«Заседания комиссии будут происходить в Люксембургском дворце».

Неуверенным, почти надломленным голосом Луи Блан прочел этот декрет собравшейся толпе рабочих. При этом он объяснил, что временное правительство не может без национального собрания разрешить затронутый вопрос об организа-

характер. «Декрета, декрета!—кричала толпа,—или мы вздернем на фонарь предательское правительство!» Ламартин вскочил на стул, чтобы все его могли видеть и слышать. Некоторые начали ему угрожать штыками и саблями. Какой-то раненый нищий подошел, обнял его, как бы желая защитить его своим телом, и случайно запачкал его своей кровью; таким образом получилось впечатление, как-будто он ранен. Это вызвало к нему некоторое сочувствие, и ему позволили говорить. В громких фразах он начал распространяться на счет трехцветного знамени, которое обошло весь мир, возвещая повсюду о славе и свободе Франции, красное знамя, напротив, всегда ему напоминает о пролитой в 1791-м году на Марсовом поле народной крови.

Это сравнение оказало свое действие.

Толпа стала мало-по-малу успокаиваться и, наконец, площадь опустела. Радикальные элементы несомненно были еще возбуждены, но они опасались, что если они начнут опять борьбу, то они могут потерять уже завоеванную республику.

Во всяком случае, в первые дни своей победы народ оказывал громадное влияние на буржуазное временное правительство. В армии вследствие этого дисциплина совершенно ослабела, и она должна была покинуть столицу. В городе не было никакой силы, которая могла оказать поддержку правительству против народа. Поэтому, одно из первых мероприятий было—организовать нечто в роде лейб-гвардии. Но, чтобы успокоить трепещущую буржуазию, решили показать, что республика 1848 года ничего общего не имеет с террористической республикой 1793 г. Поэтому был издан декрет, с оговоркой, что он должен быть санкционирован будущим национальным собранием, об отмене смертной казни за политические преступления¹⁾. Затем последовал декрет об образовании 25 батальонов «подвижной национальной гвардии» вместо распушенной муниципальной гвардии. В эту так называемую гвардию мобилией была впоследствии завербована молодежь из люмпен-пролетариата (босяки). Из этих подонков общества реакция выковала для себя оружие против народа.

¹⁾ На чем, между прочим, настаивали многие радикалы и социалисты, в том числе и Луи Блан

Результат этих предохранительных мер мог сказаться только позже; а пока господином положения в Париже был народ.

27-го февраля появился декрет, возвещавший об организации национальных мастерских.

Эти национальные мастерские, от которых некоторые мечтали ожидали очень многого, вовсе не были рычагом для каких бы то ни было социальных преобразований. Их назначение сводилось к тому, что они доставляли безработным всяких профессий занятия по обработке земли. Выдаваемая им заработная плата в лучшем случае могла только защитить от голодной смерти.

Отчасти со злым умыслом, отчасти по невежеству враги народа смешали в одну кучу эти «национальные мастерские» с «социальными мастерскими», которые проектировал Луи Блан еще в 1839 году в своей «Организации труда». Эти социальные мастерские должны были, по мысли Луи Блана, охватить главные отрасли промышленности, их членами должны были стать обученные рабочие, получающие известную долю из чистого дохода предприятия соответственно продуктивности своего труда. Этот тип организации резко отличается от основной идеи национальных мастерских.

Устройство национальных мастерских отнюдь не представляло собой социальную реформу, это был новый, вызванный обстоятельствами вид общественной благотворительности. Являясь чистейшим обманом, они были вредны в том отношении, что, ни на йоту не улучшая положения рабочих, они в то же время истощали материальные ресурсы республики.

Временное правительство было озабочено тем, чтобы отвлечь внимание народа от его непосредственных интересов, при этом оно не забыло об его пристрастии к публичным торжествам. 27-го февраля правительство устроило большой праздник. Громадная толпа торжественным шествием отправилась на площадь Бастилии и у подножия июльской статуи при громе пушек и пении марсельезы была санкционирована республика.

Между тем парижские рабочие, которые решили направить республику на путь социальных реформ, не переставали настаивать, чтобы новое правительство приняло пока хотя бы

ции труда. Это нужно предоставить собранию народных представителей. Толпа, повидимому, удовлетворилась этим заявлением и спокойно разошлась.

Таким образом, непосредственная опасность миновала, и положение временного правительства стало более прочным. Как и 27-го февраля, так и теперь, устраивали для народа всевозможные зрелища, чтобы отвлечь его внимание от его ближайших целей. На разных площадях и других пунктах были посажены и с большой помпой по церковному обряду освящены деревья свободы в память великих дней февральской революции.

Луи-Филипп с его присными был уже в это время по дороге в Англию. Большая часть генералитета, высших чинов судебного ведомства и бюрократии выразили свою преданность временному правительству. Луи Бонапарт, племянник великого Наполеона и глава Бонапартской фамилии, послал ему письмо, в котором он извещал о своем желании вернуться во Францию и выражал чувство преданности родине и республике. Даже некоторые члены Орлеанского дома заявили, что подчиняются новому образу правления.

Таким образом, по крайней мере на некоторое время, было обеспечено существование временного правительства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Бланки. Фракции временного правительства и их партии. Двусмысленное поведение правительства. Рабочие в Люксембурге. Закон о труде. Клубы. Пресса. Выборы. Буржуазия и народная республика. Финансовые затруднения временного правительства. Надбавка в 45% к прямым налогам. Манифестация буржуазии и манифестация рабочих 16-го и 17-го марта.

26-го февраля происходило собрание в большой зале, так назыв. Prado, расположенной в квартале Halles Centrales ¹⁾.

Толпа состояла из вооруженных инсургентов, с красными папками на голове и опоясанных красными кушаками. На их платье виднелись следы боя.

На стенах залы были наклеены прокламации следующего содержания:

«Временному правительству.

«Республиканские борцы с большим неудовольствием прочли прокламацию временного правительства, которое опять подняло трехцветное знамя во Франции.

«Народ водрузил над баррикадами красное знамя. Нельзя пытаться обесчестить это знамя.

«Пролитая народная кровь окрасила это знамя в красный цвет.

«Оно горит и ярко блещет, развеваясь над Парижем.

«Победоносный народ не снимает своего знамени».

На трибуну всходили один оратор за другим, высказывая свою ненависть против нового правительства. По их мнению, нужно было сейчас же опять отправиться в ратушу и изгнать

¹⁾ Описываемая сцена имеет несколько романтическую окраску, но многие современные историки, как Даниель Штерн, Ипполит Кастиль и Лука в его „Истории клубов“, указывают, что дело происходило именно так.

ситуа мнимых республиканцев, которые, захватив в свои руки власть, предали республику.

Это предложение было встречено бурным одобрением и длинным негодующим возгласом по адресу правительства. Здесь собрались все решительные, воинственно-настроенные люди.

На трибуне появился маленький, тщедушный человек с исхудалым, суровым лицом и умным, высоким лбом. Моментально водворилась тишина. Вся аудитория с нетерпением ждала, что он скажет. От его слов, пожалуй, зависела судьба временного правительства. «Учрежденное правительство,—сказал оратор,—не может быть представителем социальной республики. Силой обстоятельств оно было вынуждено против своей воли провозгласить республику, но Франция еще не прониклась республиканскими идеями. Если мы составим новое правительство из убежденных республиканцев, то это нагонит страх на провинции, так как мы скомпрометированы в глазах буржуазии, и толкнет их в объятия реакционеров. Неужели вы не понимаете, что свержение временного правительства, а это нельзя совершить без серьезного провозглашения, послужит сигналом к подъему реакции в стране? Не лучше ли предоставить этих правителей их политическому бессилию? В их руках находится скоропреходящая власть, мы же опираемся на народ и глубы, которым мы, как в былые времена, придадим революционный характер. Весь народ, восставшие предместья будут тогда делать то, что мы теперь хотим сделать и за нами останется революционизирующее влияние на страну».

Никто не возражал этому оратору, прокламации были сорваны, и собрание молча разошлось.

Оратор, сказавший такое сильное влияние на собрание в Prado, был Огюст Бланки, замечательный республиканец-коммунист. Он пользовался таким громадным авторитетом среди своих единомышленников, что его именем была названа социалистическая партия. И теперь еще встречаются во Франции социалисты, которые называют себя бланкистами.

Это был редкий, удивительный человек. Он был организатором, душой последних республиканско-коммунистических заговоров, возникавших при буржуазной монархии. Выбитый

неоднократно из строя, он с неослабеваемым пылом продолжал начатую борьбу. Он обладал такой несокрушимой энергией, что, находясь в заточении, он организовывал революционные заговоры, которые должны были вспыхнуть на воле.

«Случай поставил во главе демократии,—говорит Ипполит Кастиль о Бланки,—благородных даровитых организаторов,

рожденных для совершения великих дел, не чета обыкновенным болтунам-демагогам. Бланки был не только человек с благородной, кристаллически чистой душой, он представлял очень крупную умственную силу. Он был одарен большим литературным талантом и тонким, научным умом и мог бы сделать блестящую карьеру, но он с презрением отказался от этой

мысли. Бланки не был плодовитым писателем, но его немногочисленные произведения, которые он написал исключительно в защиту интересов пролетариата, имели для того времени большое значение. Это были большей частью полемические статьи («Капитал и труд» и др.). Они были впоследствии собраны и изданы в двух томах. Талантливый писатель, Габриэль Девиль, следующим образом характеризует его деятельность: «Для него коммунизм был конечной целью, борьба между двумя враждебными лагерями, буржуазией и пролетариатом — средством, которое должно вырвать власть из рук первой и передать второму. Если этот переворот будет совершен революционным путем, то учрежденная диктатура парижского пролетариата вызовет ряд таких изменений в экономических и политических отношениях, который сам приведет широкую массу к коммунизму. Последний не может быть навязан народу каким-нибудь декретом».

Для того, чтобы понять, каким образом Бланки, одаренный такой богатой логикой, мог носиться с такими фантастическими планами, необходимо припомнить, что в то время во Франции не было ни свободы печати, ни всеобщего избирательного права.

Когда вспыхнула февральская революция, Бланки находился в больнице Блуа. Освобожденный из-под стражи, он поспешил в Париж и сгруппировал вокруг себя все революционные элементы столицы. Он, повидимому, одно время думал ниспровергнуть временное правительство. «Двести решительных людей под предводительством Бланки представляли собой в данный момент более внушительную силу, чем целая толпа народу без ясно выраженной цели», говорит один историк февральской революции. «Рассказывают, что весть о прибытии в столицу неутомимого заговорщика нагнала смертельный страх на членов временного правительства. Но, если судить по речи Бланки на собрании в Prado, то он, по зрелом размышлении, изменил свое первоначальное намерение ¹⁾, и, таким образом, правительство избавилось от угрожавшей ему опасности».

¹⁾ Следует заметить, что до собрания в Prado Бланки виделся со своим единомышленником Коссиьером, который успел уже занять профектуру. Последний решительно высказался против ниспровержения временного правительства.

Радикально-республиканские и революционные элементы, которые принесли такие огромные жертвы, чтобы добиться республиканского образа правления, совершенно не были представлены в новом правительстве, что, естественно, должно было сильно вооружить эти элементы против новых правителей. Это враждебное настроение вскоре вылилось в форму открытой борьбы с временным правительством.

Впрочем, и сами члены временного правительства питали друг к другу взаимную ненависть и недоверие. Мы уже видели, при каких условиях оно было учреждено, как в его состав вошли самые разнообразные элементы парламентской оппозиции, какое упорное сопротивление было оказано вступлению Луи Блана и Альбера. Последнее было только уступкой настойчивому желанию народа. К политическим разногласиям примешивалась еще и чисто личная вражда. Например, отношения между Ледрю-Ролленом и Арманом Марра были таковы, что в начале революции они едва не повели к дуэли. При таких условиях, конечно, не могло быть и речи о солидарной и планомерной работе. Каждый стремился приобрести руководящее влияние и удовлетворить свое личное честолюбие, отсюда — непрерывные раздоры и интриги. Эти трения обострялись еще различными внешними влияниями.

В это время в стране проявилось довольно сильное реакционное течение, которое старалось найти своих поборников среди родственных ему элементов временного правительства. Таким образом, буржуазия, которая против своей воли ударилась в либерализм, возложила все свои надежды на Гарнье-Пажеса, Мари, Бетмона и Гудшо. Эти господа, вполне отвечавшие желаниям и видам буржуазии, только из страха терпели республиканскую форму правления. Требования пролетариата, получившего теперь некоторый простор для открытого проявления, народолюбивые декреты, которые правительство вынуждено было издать под давлением толпы, собравшейся на Гревской площади, заставили этих министров пожалеть о падении конституционной монархии, под сенью которой буржуазия могла спокойно и непринужденно эксплуатировать народ.

Ламартин, который накануне еще был роялистом числей,

шей воды, старался втереться во все партии, только от революционеров он держался подальше. Он имел в виду при случае воспользоваться поддержкой умеренных партий; последнее в свою очередь не прочь были вступить с ним в союз. Ледрю-Роллен, Флокен и полицейский префект Коссидьер, напротив, были представителями старых якобинских традиций. Если они и не были совершенно проникнуты идеями монтаньяров конвента, то во всяком случае они любили вспоминать об их деятельности. Но эта партия «Горы» 1848 г. напоминала собой, по меткому выражению Маркса, фарс, карикатуру на первую: «Коссидьер в роли Дантона, Луи Блан в качестве Робеспьера». Такую же историческую пародию представлял собой и Ледрю-Роллен с его пустой фразеологией. Он старался усвоить их внешние приемы, но у него не было ни их решительности, ни их мужества. Он пользовался популярностью среди мелкой буржуазии и некоторых слоев пролетариата, в которых еще живы были воспоминания о первой революции. Ледрю-Роллен мог при случае опереться на реорганизованную полицию, составленную его другом Коссидьером из революционных элементов Парижа. В состав этой новой полиции входило очень много коммунистов-республиканцев, приверженцев Бланки; она носила весьма оригинальный костюм: синюю блузу, красную шапку и красный пояс, за который был заткнут револьвер. Эти новые блюстители порядка нагоняли своим видом страх на парижскую буржуазию, назывались они «монтаньярами».

Значительная часть пролетариата убаюкивалась кажущимся практическим характером предложений Луи Блана и смотрела на него и Альбера, как на представителей своих интересов. Это они 28-го февраля настаивали на учреждении министерства труда и прогресса, и заменившая его «правительственная комиссия для рабочих» должна была, по мнению этих пролетариев, служить для Луи Блана тем, чем служила полицейская префектура для Ледрю-Роллена, т.е. опорой его деятельности.

Подавляющее большинство нового правительства составляли совершенно буржуазные элементы. Этим объясняется то, что оно не было ни революционно, ни прогрессивно. Оно, главным

образом, стремилось к тому, чтобы удержать за крупной буржуазией в неприкосновенности ее богатства и, таким образом, скомпрометировать революцию в глазах значительной части народа. Вынужденное принять несколько мероприятий, направленных отчасти к защите народных интересов, правительство постаралось придать им такой характер, чтоб они на будущее время потеряли всякое значение.

1-го марта состоялось в Люксембургском дворце первое заседание «правительственной комиссии для рабочих», в которой были представлены почти все отрасли труда столицы. Луи Блан открыл заседание восторженной речью и, между прочим, указал на важное значение того факта, что блузники теперь занимают те же самые кресла, в которых еще несколько дней тому назад восседали представители высшей аристократии страны. Затем обсуждался вопрос о наиболее целесообразной организации рабочего представительства, чтобы, как выразился Луи Блан, Люксембург сделался действительно рабочим парламентом. Было решено, что от каждой отрасли труда будет послано в Люксембург по три делегата. В заключение было выставлено еще два требования: сокращение рабочего времени и уничтожение „Marchandage“, т.е. мнимой передачи более крупных работ посредникам-предпринимателям. „Marchandage“ появилась при буржуазной монархии и вдвойне понижала заработную плату: в пользу капиталиста и посредника-предпринимателя.

Луи Блан, любивший всегда драпироваться в мантию высшей справедливости, потребовал, чтобы и мастера были привлечены к обсуждению вопроса о выполнимости этих двух требований. Это вызвало волнение в собрании, многие рабочие запротестовали и заявили, что не примутся за работу прежде, чем не будут удовлетворены эти требования. Но большинство оказалось на стороне Луи Блана, и мастера были допущены к участию в совещании. На ближайшем заседании комиссии эти требования были приняты. Мастера не возражали, сознавая, что это ни к чему не приведет. Подчиняясь решению комиссии, правительство выпустило следующий декрет:

«1. Рабочий день сокращается на один час. Вследствие это-

го он в Париже уменьшается с 11 на 10 часов, в провинции — с 12 на 11 ¹⁾.

«2. Запрещается „*Marchandage*“, как форма эксплуатации рабочих. Само собой понятно, что рабочие союзы, не имеющие в виду эксплуатацию чужого труда, не могут быть рассматриваемы, как „*Marchandage*“.

Этот факт показывает, что хотя «рабочий парламент», задача которого заключалась в выработке законопроектов и решении текущих социальных вопросов, и не пользовался большим влиянием, тем не менее он мог держать общественное мнение в курсе интересов и нужд французского пролетариата.

Февральская революция взволновала не только общественное мнение Парижа, но и всей Франции. Повсюду открыто высказывались идеи, еще так недавно преследуемые правительством Луи-Филиппа. Печать получила полную свободу, все чувствовали неотложную потребность высказаться, поделиться своими мыслями и чувствами, возникло бесчисленное множество союзов, так называемых клубов. В одном Париже насчитывалось несколько сот клубов, связанных между собой центральной организацией. Это центральное учреждение состояло из делегатов отдельных клубов и носило название клуба клубов. Его заседания происходили от 12 до 3 час. пополудни, а вечером делегаты расходились по различным клубам и там проводили точку зрения центра. Позже, во время избирательной кампании, этот клуб клубов разослал даже много эмиссаров по всей Франции. Министр внутренних дел Ледрю-Роллен, имевший в клубах очень много приверженцев, выдал им 200.000 франков для избирательной агитации. Клубы имели свой собственный орган „*Commune de Paris*“, очень распространенный в Париже, редактируемый молодым богатым энтузиастом Собрье. Бюро газеты находилось на улице Риволи № 16, где проживал сам редактор. Этот дом охранялся почетной стражей, поставленной Коссидьером.

¹⁾ Этот декрет остался мертвой буквой, так как он не намечал ни учреждений для проведения его в жизнь, ни наказаний, которые должны были последовать за его нарушение. Он имел только то значение, что положил начало фабричному законодательству, на которое впоследствии можно было сослаться.

Клуб клубов мог бы превратиться в крупную революционную силу, если бы его члены или, по крайней мере, большинство лучше поняли историческую роль пролетариата. Но клуб клубов, как заметил один писатель, жил воспоминаниями 1793 г., а одними воспоминаниями нельзя удовлетворить потребности исторического момента или, по меткому замечанию Маркса, «социальная революция XIX столетия может черпать свою поэзию не из прошлого, а только из будущего. Она тогда только может приступить к выполнению своей задачи, когда освободится от всех суеверий прошлого».

Наибольшим влиянием пользовался клуб, в котором председательствовал Бланки. Он состоял из его приверженцев и назывался центральным республиканским обществом. Значение этого клуба признают почти все историки революции 1848 г. В его распоряжении был театр на улице Бержер, куда массами стекались парижане. Охотно посещали этот театр и представители крупной буржуазии: так велико было их желание посмотреть на человека, имя которого было окружено таким грозным ореолом. Около Бланки группировались молодые идейные люди: художники, ученые и рабочие.

В Париже существовал еще один клуб, который по своему значению мог, пожалуй, сравниться с центральным республиканским обществом, это — революционный клуб, основанный Барбесом ¹⁾. Последний был соратником Бланки почти во всех республиканско-коммунистических заговорах при буржуазной монархии. Бланки был духовным вождем, Барбес — практическим руководителем. Но как резко отличались они друг от друга как по наружности, так и по духовному своему облику! Барбес обладал всеми качествами, способными привлечь к нему расположение широких масс. Он был смел и отважен, высок ростом, с гордой могучей головой. Как лев, он сражался всегда, когда приходилось ставить на карту жизнь во имя «Марианны». 12-го мая 1839 года он пал за баррикадах. За свой героизм он пользовался горячей любовью народа. К тому он был очень богат и, несмотря на это, боролся

¹⁾ К нему принадлежали, между прочим, Прудон, Пьер Леру, Мартен Бернар, Рибейроль и другие известные социалисты и революционеры

в первых рядах против привилегий собственности. Это была его сильная сторона, но имелись и слабые. Твердость характера, несокрушимый героизм не всегда совпадают с духовной мощью и глубиной мышления. Так оно случилось и с Барбесом. При его редком характере он не обладал острым и глубоким умом Бланки, он не мог сравниться с последним в понимании исторической роли пролетариата. Хотя Барбес верил в необходимость социальных преобразований, но его воззрения были так туманны и расплывчаты, что он легко мог сделаться игрушкой в руках различных партий. Если Барбес и пользовался в Париже большой популярностью, то, как замечает Ипполит Кастиль, народ питал гораздо больше доверия к Бланки, хотя последнего он меньше любил, чем первого. В глазах французов Барбес был Баярдом, а Бланки—Ришелье революции ¹⁾.

Эти два человека были как бы рождены для того, чтобы взаимно дополнять друг друга, и разделяющая их непримиримая вражда должна была самым пагубным образом отразиться на интересах народа. Временное правительство видело в Бланки действительно опасного противника, оно воспользовалось этим расколом, стараясь его еще более обострить. Оно прекрасно понимало, какое деморализующее влияние оказывает на революционные элементы страны вражда между Барбесом и Бланки. Мы вскоре увидим, как поведение Барбеса расстраивало планы Бланки, которого Маркс как-то назвал истинным вождем пролетариата.

Следует упомянуть о клубе друзей народа, во главе которого стоял старый республиканец и ученый Распайль; этот клуб, между прочим, один из первых подвергся ожесточенным нападкам со стороны временного правительства. Кабе имел отдельный клуб под названием братского центрального общества, насчитывавший больше 5.000 членов. Этот клуб, состоявший из одних икаррийцев, не преследовал никаких революционных целей, он исключительно стремился к тому, чтобы практически осуществить утопию своего учителя, в котором

¹⁾ Баярд считается величайшим героем французской народной поэзии, Ришелье—величайшим политиком Франции.

он видел панацею от всех социальных зол. Далее, существовало общество прав человека, основанное, главным образом, с целью противодействовать влиянию клуба бланкистов. Действовали еще демократическое центральное общество, клуб освобождения народа, многие международные—ирландские, итальянские, бельгийские, немецкие—клубы. Было отдельное женское общество, которое во время революции придерживалось очень решительной тактики.

Не меньшим значением, чем клубы, пользовалась демократическая и социалистическая печать, которая к этому времени обогатилась новыми изданиями. Но и над прессой господствовали воспоминания прошлого. Одни только названия новых газет указывают на их направление. Наряду с „*Réforme*“ и „*National*“, о которых мы раньше неоднократно говорили, появилась целая серия новых радикальных газет: „*L'ami du peuple*“, очень прогрессивный республиканский орган, не отступавший перед идеей о необходимости социальных преобразований; редактировал его Распайль. О „*Commune de Paris*“, редактируемой Собрье, мы уже упоминали. „*L'affaire du peuple*“ пользовался особым интересом благодаря участию очень популярной романистки Жорж Занд. Главным редактором „*Le représentant du peuple*“, основанной Виаром и Фовети, был Прудон, который обрушился своими яростными нападками на новое правительство. Во главе фурийского органа „*La démocratie pacifique*“ стоял Консидеран; к этому следует прибавить целый ряд других менее значительных газет. Все эти газеты старались по возможности дать ответы на наиболее социальные вопросы.

Вначале все умы занимал вопрос об избрании учредительного национального собрания.

Временное правительство, стремившееся к тому, чтобы как можно скорее свалить с себя ответственность, выпустило следующий декрет: 1) Национальное собрание, которое должно быть избрано, составит новую конституцию, 2) в избрании его примет участие весь народ, 3) число народных представителей исчисляется в 900 чел., 4) провозглашается всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, 5) всякий француз, имеющий 21 год от роду, обладает избирательным правом;

выбранным в парламент может быть только тот, кто достиг 25-летнего возраста. Выборы назначены были приблизительно на 9-е апреля.

Этот декрет, обнародованный 5-го марта, был во многих кругах встречен весьма недружелюбно. Прудон выступил вообще против всего этого проекта. Распайль в „L'ami du peuple“ доказывал, что декрет должен получить одобрение народа, прежде чем быть переданным к исполнению. Также и срок выборов вызвал большое неудовольствие. Одни полагали, что правительство, желая продержаться как можно дольше у власти, отдалило этот срок в надежде, что за это время уменьшится республиканский энтузиазм. Другие, напротив, находили, что этот срок слишком короток, что нужно дать народу время свыкнуться с республиканской идеей и воспользоваться этим временем, чтобы проведением серьезных реформ расположить народ в пользу республики и т. д.

Последнее мнение, повидимому, разделял и Бланки. Он находил, что правительство должно было прежде всего приступить к реформам, так как, только став на путь реформ, республика могла сделаться популярной в народе. Но Бланки прекрасно понимал, что буржуазное временное правительство неспособно на такие мероприятия, и этим объясняется его страстное желание свергнуть новых правителей и заменить их такими, которые очистили бы путь к прогрессивному развитию низших классов населения. Он полагал, что выборы могут сыграть роковую роль в жизни французского народа, если они состоятся раньше, чем удастся опрокинуть правительство. Поэтому он, как и Луи Блан и другие, хотел, чтобы выборы произошли по возможности позже. Он, вероятно, надеялся, что в это время подвернется удобный случай, чтобы избавиться от временного правительства. Он предвидел, что парижская революция будет иметь меньше шансов на удачное разрешение своих социальных задач, если уже будет функционировать законодательное собрание. Учрежденное благодаря революционному восстанию временное правительство, не опирающееся на организованную военную силу, легко ниспровергнуть тем же путем, каким оно было создано, но совсем другое дело, когда имеешь перед собой правильно созданное законодательное собрание.

По этим соображениям, вероятно, Бланки спустя несколько дней после опубликования избирательного декрета отправился во главе своего республиканского центрального общества в ратушу и потребовал удаления всех чиновников, находившихся на государственной службе до 24-го февраля, отмены всех законов, стеснявших свободу печати и собраний, и наконец, отсрочки выборов. Но правительство и на этот раз уклонилось от прямого ответа. Избирательный вопрос волновал не только народные массы, но и буржуазию. Последняя начала борьбу с министром Луи-Филиппа, королю же, напротив, она всегда выражала свою преданность, теперь же после февральских дней она вдруг очутилась лицом к лицу с враждебно настроенным пролетариатом. Она стремилась к либерально-конституционной монархии, а теперь во Франции господствовала республика и, по ее мнению, красная республика, которая собирается уничтожить все привилегии крупной буржуазии.

Высшие классы отчасти удивлялись, каким образом они уцелели после одержанной народом победы; они никак не могли себе представить, чтобы народ позволил им попрежнему спокойно владеть накопленными богатствами. Но это народное великодушие не мешало им питать к нему глубокую ненависть и тайную жажду мести, так как они смотрели на февральскую революцию, как на восстание рабов против своих господ.

Если новое правительство сначала и не пошло так далеко, как этого опасалась буржуазия, то оно все же было вынуждено силой обстоятельств сделать уступки торжествующей революции и устранить все препятствия, которые раньше мешали пролетариату сделаться господином положения. Правда, победа пролетариата пока не принесла ему никаких положительных результатов, но перепутанная буржуазия опасалась, как бы дальнейший ход вещей не внес какие-нибудь перемены. Хотя народ уже больше не подымал красного знамени на Гревской площади, все же он щеголял в революционных клубах с красными значками. Он заставил правительство издать декреты, которые казались буржуазии прямо-таки ужасными. Право на труд, национальные мастерские, «правительственная комиссия для рабочих» и, наконец, новый закон, провозгласивший всеобщее избирательное право—все это было достаточным осно-

ванием в глазах привилегированных классов, чтобы возненавидеть республику, которая служила им постоянной угрозой. Не мало опасений вызывала у них и новая революционная полиция. Буржуазия смотрела на нее, как на шайку бандитов, которая не преминет воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы перерезать глотку всем собственникам.

К тому же временное правительство приняло еще некоторые мероприятия, которые еще больше взволновали французскую буржуазию. По всем департаментам были разосланы комиссары республики, чтобы заместить королевских префектов и заняться пропагандой республиканских идей. Ледрю-Роллен в качестве министра внутренних дел писал 12-го марта в одном циркуляре своим комиссарам: «Ваша полномочия неограниченны. Как чиновники революционного правительства, вы должны быть также революционны». Министр народного просвещения Лазарь Ипполит Карно, сен-симонист, сын известного члена конвента также проявил свою революционность в одном циркуляре к директорам школ, рекомендуя им повлиять на выборы в интересах республики.

Все это вместе взятое вызвало дикую ненависть в рядах буржуазии против нового порядка вещей во Франции, и она вскоре воспользовалась случаем, чтобы по-своему дать почувствовать республике свое недовольство. Много фабрик, мастерских, торговых домов закрылось, рабочие были распущены. Очень много хозяев ремесленных заведений перевели свои мастерские в деревню, опасаясь грабежей. Купцы старались ликвидировать свои дела и реализованный капитал припрятать куда-нибудь в укромное место. Крупные капиталисты переводили свои деньги за границу. Французскому Банку ежедневно предъявляли массу банковых бумаг, желая их обменять на звонкую монету, так что он в конце концов был вынужден прекратить платежи. Банки и банкиры отказывались дисконтировать самые солидные векселя, в торговле наступил застой. Самые ходкие акции не могли найти покупателей на бирже, государственные бумаги пали в курсе. Пятипроцентные бумаги, которые в последние годы июльской монархии колебались между 115 и 120, опустились до 55, трехпроцентные понизились с 75—80 до 35.

Особенно пострадало в это время государственное казначейство. Буржуазная монархия оставила республике в наследство текущий долг в 900 миллионов, консолидированный долг в 5 миллиардов и государственный бюджет в 1.700 мил. Когда власть перешла к временному правительству, в государственной казне находилось всего 192 милл. звонкой монетой, в прежние годы состояние кассы было гораздо лучше. При этом уже можно было предвидеть, что государственные расходы значительно повысятся, а доходы, напротив, благодаря наступившему торговому застою и росту нищеты, должны понизиться. Министр финансов Гудшо решил отказаться от своей должности, считая положение государственных финансов совершенно безнадежным и банкротство неминуемым. Занявший его место Гарнье-Пажес старался всевозможными финансовыми ухищрениями избежать краха.

Временное правительство придало акциям Французского Банка принудительный курс и, таким образом, положило конец требованиям наличных денег из кассы Банка. Для компенсации оно получило от банка заем в 230 милл. под залог государственных лесов. Погашение долговых обязательств государственного казначейства, составлявших $\frac{2}{3}$ всего текущего долга, было отсрочено. Эти долговые обязательства находились в руках капиталистов, остальная $\frac{1}{3}$ долга в 350 миллионов, напротив, представляла собой сбережения маленьких людей. Чтобы удержать последних от требования своих вкладов, процент был повышен до пяти, но это не помогло—сберегательные кассы осаждались вкладчиками, которых к этому вынуждала крайняя нужда. Тогда Гарнье-Пажес издал декрет, согласно которому каждое предъявленное долговое обязательство погашалось следующим образом: выдавалось чистоганом в размере не больше 100 франков, остальная часть покрывалась на половину долговыми свидетельствами казначейства с отсрочкой уплаты на 4—6 месяцев, на половину пятипроцентной рентой по номинальной стоимости, хотя курс упал на 45 % ниже этой нормы.

От этой денежной операции пострадали, главным образом, семьи рабочих и мелких ремесленников; она вызвала сильное озлобление в стране, тем более, что все помнили торжествен-

ные обещания временного правительства аккуратно выполнить свои денежные обязательства. Правительство не ограничилось этим, оно увеличило прямые налоги на 45%, чем оно сильно вооружило против себя и мелко-буржуазные круги Франции. В данном случае республике пришлось расплачиваться за финансовые грехи буржуазной монархии. Правда, эта мера была вызвана крайней нуждой в деньгах, и хотя она обогатила казначейство на 160 милл., но в политическом отношении республика очень много потеряла. В принципе это мероприятие представляло собой налог на имущество в пользу представителей труда, но фактически это новое налоговое бремя падало на 11 миллионов земельных собственников, большую часть которых составляли мелкие виноделы, изнывающие под гнетом непосильных долгов. Легко себе представить, какую пламенную ненависть стали питать к республике эти мелко-буржуазные слои, не успевшие еще оправиться от голода 1847 года. Эта ненависть давала себя чувствовать вплоть до падения республики и дала возможность ничтожному авантюристу разыграть роль «спасителя общества»¹⁾.

Этот новый 45-процентный налог падал и на домовладельцев, и особенно в предместьях. Ввиду безработицы рабочие, жившие изо дня в день, не могли платить квартирную плату. Домовладельцы не решались выдворить их силой и, не получая никакой платы, вынуждены были еще платить налог на окна, двери и т. д. Естественно, что домовладельцы точно так же, как большая часть сельского населения, не были в состоянии уплачивать этот налог, что вынудило правительство прибегнуть к экстраординарным мерам.

Вызванное этим финансовым мероприятием недовольство охватывало все более широкие круги общества; наряду с этим была предпринята реорганизация национальной гвардии. Этим воспользовалась буржуазия, чтобы выразить свое недовольство новым порядком вещей. Преобразованная в 1831 г. Луи Филиппом национальная гвардия состояла исключительно из

¹⁾ „Революция 1789 г. началась освобождением крестьян от феодальных пут; революция 1848 г., напротив, ознаменовалась новым налогом на крестьянство, чтобы не причинить ущерба капиталистам и обеспечить правильную работу государственной машины (Маркс, „Класс. борьба“)

представителей буржуазии, что могло служить надежной опорой правительству для быстрого подавления народных волнений. Временное правительство, провозгласившее, хотя и против воли, принцип народовластия и равенства всех перед законом, вынуждено было уничтожить все привилегии в армии. Оно издало декрет, что все способные носить оружие, независимо от класса и звания, к которому они принадлежат, должны вступить в ряды национальной гвардии. Крупная буржуазия приняла за личное оскорбление этот декрет, предписывавший ей служить вместе и на равных правах с простыми рабочими. Классовые противоречия настолько резко уже обозначились при буржуазной монархии, что даже крупная и мелкая буржуазия не смешивались между собой в среде национальной гвардии. Из представителей крупной буржуазии были образованы отборные роты, известные под названием «медвежьих шапок». Ввиду все усиливающейся агитации в клубах и прогрессивной печати в пользу демократизации национальной гвардии, временное правительство сочло себя вынужденным 14-го марта объявить о распусчении отборных рот. Это переполнило чашу терпения буржуазии. Уже 15-го марта распущенные роты послали делегатов в ратушу, чтобы выразить протест против этого распоряжения, но делегаты не ограничились этим, а коснулись вообще демократической политики правительства, в особенности циркуляра Ледрю-Роллена.

Некоторые современники усматривали в этом протесте мелкое тщеславие крупной буржуазии, ее желание сохранить блестящую обмундировку, но это мнение опровергается содержанием их адреса, в котором роты выражают готовность пожертвовать своими значками и обмундировкой, лишь бы за ними было сохранено право на изолированное положение в национальной гвардии. В действительности, буржуазия опасалась, чтобы ее приверженцы не растворились в общей народной массе, и она, таким образом, лишится в будущем влиятельного положения, на которое она, по ее мнению, имела право рассчитывать.

На следующий день, 16-го марта, распущенные роты двинулись сомкнутыми колоннами на Гревскую площадь с целью добиться отмены последнего декрета. Вскоре возникла перепалка между ними и рабочими, которые явились сюда для за-

щиты правительства. Прибыл также генерал Куртэ, командир национальной гвардии, чтобы успокоить взволнованных гвардейцев и заставить их разойтись, но его слова были встречены градом насмешек и ругательств. Гвардейцы напали на него и хотели отнять у него саблю и сорвать эполеты, при чем бросили ему в лицо наиболее оскорбительное с их точки зрения слово — коммунист! Куртэ пришлось бы плохо, если бы на помощь ему не поспешила группа рабочих. С криками: «Да здравствует республика!» они бросились на медвежьи шапки и прогнали их с площади. Ледрю-Роллен, бывший в это время в ратуше, был также встречен бранью и угрозами.

Правительство не имело в своем распоряжении военной силы, на которую оно могло бы опереться, и было бы раздавлено народом, если бы оно уступило претензиям буржуазии. Оно это прекрасно понимало и поэтому держалось решительно и твердо. Араго объявил делегатам от имени правительства, что декрет был издан не по личному усмотрению Ледрю-Роллена, а с согласия всей коллегии и командира национальной гвардии. Он указал им на опасность их массовой демонстрации, упомянув, что буржуазия является партией порядка и должна своим поведением служить примером для рабочих.

Между тем, народ начал собираться большими толпами на Гревскую площадь. С быстротой молнии распространилась весть об оскорблениях, нанесенных Ледрю-Роллену. Раздались бурные возгласы: «Да здравствует Ледрю-Роллен!». Делегаты на обратном пути из ратуши были осыпаны насмешками, буржуазные роты с позором разошлись, преследуемые грозными криками народа: «Да здравствует республика!». Народная молва дала насмешливую кличку этой демонстрации: «манифестация медвежьих шапок».

Предсказание Араго сбылось. После демонстрации буржуазии последовала демонстрация народа. Соответствующее настроение уже некоторое время замечалось в парижском населении, «манифестация медвежьих шапок» послужила только последним толчком. Народ требовал отсрочки выборов офицеров национальной гвардии, отсрочки выборов в учредительное собрание и удаления из Парижа всех оставшихся регулярных войск. Последнее требование было, главным образом, выдвину-

то Бланки, надеявшимся, что это заставит колеблющиеся и реакционные элементы временного правительства уступить свое место более решительным и революционно настроенным деятелям. Руководители назначили народную демонстрацию на 17-ое марта: решено было, что все демонстранты должны собраться утром 17-го в аллее Елисейских полей. На этот призыв откликнулось около 200.000 человек. Рабочие шли сомкнутыми, правильными колоннами. Грандиозное шествие направлялось вдоль набережной Сены к ратуше. Гревская площадь наполнилась целым морем голов и вскоре раздались торжественные звуки марсельезы.

Луи Блан пишет, что сначала он боялся, как бы эта демонстрация не закончилась неудачей, но зрелище, которое представилось его глазам, наполнило его радостью. По его словам, в Париже никогда не происходило ничего более внушительного и грандиозного. Дальше он прибавляет: «Но набегавшая тучка рассеяла эту радость. Делегаты явились в ратушу и один из них, гражданин Жерар, прочел петицию от имени парижского населения, настаивающую на отсрочке выборов офицеров национальной гвардии до 5-го апреля, отсрочке выборов в национальное собрание до 31-го мая и удалении войск из столицы. Затем я заметил среди присутствующих какие-то незнакомые фигуры с угрожающим выражением лица. Я понял, что эти господа ничего общего с рабочими не имеют, а только втерлись в общее движение. Это навело меня на мысль, что те, которые назвались делегатами собравшегося народа, в действительности не были ими, по крайней мере, часть делегации. Желание рабочих было выражено в петиции, но между присутствующими находились люди, выжидавшие момента, чтобы в интересах направления, представляемого Ледрю-Ролленом, Флоконом и мною, низвергнуть членов временного правительства, придерживавшихся противоположных взглядов».

Люди, о которых здесь упоминает Луи Блан, были некто иные, как Бланки. Лакомб, Флотт и другие, словом, весь генеральный штаб республиканского центрального общества, который явился, чтобы не дать одурачить народ пустыми фразами, до которых Луи Блан был такой охотник. И руководители народных масс были правы, потому что Луи Блан сам признает,

что в виду серьезности положения он счел своей обязанностью выступить в защиту временного правительства.

Что заставило Луи Блана поступить таким образом, великодушные или слабость характера? Ясно, что такое поведение было по меньшей мере странно со стороны человека, который сознавал, что большинство правительства радо как можно скорее от него отделаться. И Луи Блан лучше всякого другого знал, что это правительство ничего не сделало, чтобы расположить французский народ в пользу республики. Он знал, что эти правители незадолго перед тем порешили увеличить прямые налоги на 45 %, что должно было губительным образом отразиться на материальном благосостоянии маленьких крестьянских хозяйств и превратить их в заклятых врагов республиканского режима. Позволять этим господам хозяйничать во Франции означало даже с точки зрения Луи Блана компрометировать республику. Прудон очень метко отмечает в своей «Исповеди революционера», как непоследовательно было в данном случае поведение Луи Блана. Последнему пришлось иметь дело с людьми, которые явились, чтобы практически осуществить его задушевные желания. «Когда же этот момент наступил», говорит Прудон, «он оттолкнул от себя тех, которые пришли, чтобы на деле доказать ему свою преданность... он отвернулся от их мрачных фигур».

По словам Луи Блана, Ледрю-Роллен и Ламартин старались провести делегатов уклончивыми ответами. Тогда возвысил свой строгий, повелительный голос Бланки. Он потребовал от правительства немедленного удовлетворения выставленных народом требований и истинно демократической политики. Барбес был также налицо. Достаточно было только одного знака с его стороны, чтобы революционеры одержали верх над буржуазным правительством, но личная ненависть к Бланки заглушила в нем все остальные чувства. К тому же он со времени приезда в Париж находился под влиянием Этьена и Эмануэля Араго, сына и брата члена правительства, и его пассивное поведение дало возможность временному правительству избежать грозившей ему опасности.

В то время, как с площади доносились грозные крики и пение марсельезы, Луи Блан опять обратился с речью к де-

легатам, стараясь смягчить их потоком громких фраз. Суровый голос возразил ему: «Вы можете быть уверены, что народ готов для вас работать и умереть, но, конечно, только тогда, когда вы будете защищать его права». Один делегат выразил от имени рабочих доверие временному правительству. Это встретило бурный протест со стороны бланкистов. Раздались крики: «не все!» Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы упомянутый делегат Сольвье, друг Барбеса, и последний не взяли под свою защиту правителей Франции. Среди революционеров не было солидарности, это обрекло их на политическое бессилие ¹⁾.

После того, как Ледрю-Роллен заявил, что правительство ждет сведений из провинции, чтобы окончательно установить время выборов, депутация удалась, не добившись ничего положительного.

Правительство сочло нужным показаться народу и спустилось по парадной лестнице на устроенную перед ратушей эстраду. В это время на плечо Луи Блана опустилась тяжелая рука, он обернулся и встретился лицом к лицу с рабочим Флоттом, который ему крикнул: «Итак, ты тоже сделался предателем, и ты!». Народ же, напротив, устроил Луи Блану шумные овации. Он и Ледрю-Роллен ушли из ратуши, с почетом провожаемые народом.

Сотни тысяч рабочих потянулись вдоль бульваров. Буржуазия с ужасом смотрела на это зрелище и затаила в душе глубокую ненависть против народа.

¹⁾ Кроме Барбеса, также Кабе высказывался против насильственного свержения временного правительства. Марке пишет: „17 марта обнаружилось раскол в рядах пролетариата, парализовавший возможность какого бы то ни было решительного акта... Он был вынужден против буржуазии принять сторону партии буржуазной республики, так как, казалось, что последней грозит опасность. Он укрепил позицию временного правительства вместо того, чтобы подчинить его себе“ („Классовая борьба“). Прудон называет в своей „Исповеди“ 17-е марта „реакцией Луи Блана“ и рассказывает, что он также был замечен бланкистами и др. в качестве будущего члена нового правительства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Революция и социальные реформы. Коеперативное движение. Проект рабочих жилищ. Люксембургская комиссия и стачки. Законопроект комиссии. Национальные мастерские и реакция; заговор в недрах самого правительства. Иноземные рабочие.

Демонстрация 17-го марта, во время которой парижский пролетариат мобилизовал все свои силы для поддержки прогрессивной части временного правительства, значительно укрепила положение этого меньшинства.

С другой стороны, для правительства в целом было чувствительным уроком поведение огромных народных масс, их страстное возбуждение и заметная склонность, в случае крайности, силой добиться удовлетворения своих справедливых требований. Правительство поняло, что народ, но крайней мере, часть его, не успокоится до тех пор, пока его желания не будут исполнены. Поэтому истинные поборники социальных реформ располагали двоякой силой: они опирались на воинственно настроенную пролетарскую массу и в их руках была моральная сила, вытекающая из подобного положения вещей, так что реакционное большинство временного правительства должно было понять невозможность бороться дольше с настоячивыми требованиями народа.

Дальше разговоров дело не шло, и общество выражало свои чувства в песнях, проникнутых удивлением и симпатиями к угнетенным классам, воспевалось их полное освобождение от сковывающих их пут. Особенной популярностью пользовалась песня Пьера Дюпона и Лашамбода. Члены клубов постоянно упражнялись в красноречии, само правительство превратилось в лабораторию блестящих речей и повсюду трубило о своих «глубоких симпатиях к обездоленным классам общества».

Так как никто не осмеливался отрицать, что организованная пролетариатом революция носит социальный характер и поэтому должна преследовать социальные цели, то нельзя было ограничиться одними только разговорами, а пришлось, хотя бы в виде эксперимента, принять некоторые меры к улучшению положения рабочих. Эти первые попытки и были сделаны Луи Бланом и Люксембургской комиссией. Мы уже упомина-

ли о состоявшемся решении призвать в ряды национальной гвардии всех граждан, способных носить оружие. Было постановлено выдавать готовую обмундировку тем, которые не были в состоянии сделать ее на свой счет. Этим воспользовался Луи Блан, чтобы осуществить некоторые свои идеи. Он решил выполнить этот правительственный заказ при помощи самих рабочих, без посредников. Он устроил огромную кооперацию портных, которая и приступила к работам в здании бывшей долговой тюрьмы в Клиши.

Товарищество было основано на следующих началах. От каждого участника требовалось прилежание, соблюдение порядка и знание своего дела. Во главе предприятия стояли свободно выбранные представители рабочих. В основу распределения чистого дохода и назначения платы был положен принцип равенства. Кроме того должен был быть выделен специальный фонд для поддержания вдов, сирот и больных. Чистый доход разделяется на две части. Одна часть распределяется между членами ассоциации, а другая часть идет на образование коллективного капитала, который должен быть использован в целях упрочения и расширения предприятия.

При таких условиях кооперация портных приняла весьма широкие размеры; она положила начало характерному движению 1848 года. Рабочие стали смотреть на принцип кооперации, как на панацею от всех социальных зол, они устремились в эти ассоциации с рвением, заслуживающим лучшей участи.

Вслед за товариществом портных Люксембургская комиссия основала вторую ассоциацию, седельщиков. Временное правительство запретило работу в тюрьмах и казармах, желая, таким образом, защищать рабочих от губительной конкуренции рабочего дома и военных мастерских. Этим распоряжением воспользовался Луи Блан, чтоб устроить товарищество седельщиков на таких же основаниях, как и ассоциацию портных. Затем возникла кооперация ткачей и многие другие.

Нам незначительно останавливаться на экономическом значении этих производительных товариществ. Установлено, что для успешной борьбы с крупной промышленностью недостаточны кооперации из одной только рабочей силы, а необходимо прежде всего владеть капиталом. Если кооперативные товарищества в отдельных случаях, преимущественно в области повседневного потребления, и облегчают положение трудящихся масс, то они никогда не могут привести к их экономическому освобождению.

Хотя Люксембургская комиссия, не располагавшая ни законодательной, ни исполнительной властью, не дала ничего положительного рабочим, тем не менее она старалась содействовать проведению серьезных реформ в пользу труда. Так, например, Луи Блан составил следующий проект. В каждом

квартале должен быть устроен образцовый дом довольно значительных размеров, в котором могли бы поместиться до 400 рабочих семей. Каждая семья имеет свое отдельное жилище. Предметы повседневного потребления, как пища, топливо и т. д., должны быть заготовлены в большом количестве. В этих же домах для квартирантов устраиваются читальни, школы, бани и пр. Каждый такой дом, по приблизительному расчету, должен обойтись в миллион, и для покрытия этих издержек временному правительству придется сделать специальный заем.

«Тогда», говорит Луи Блан, «я был вынужден внести это предложение, но события, быстро следовавшие друг за другом, устранили этот проект, как и многие другие».

Дальше Люксембургская комиссия открыла во всех мэриях Парижа посреднические бюро для подыскания работы безработным. По ее же инициативе были приняты еще некоторые меры в том же духе.

Некоторое время Люксембургская комиссия играла даже роль третейского суда между рабочими и мастерами. Дело в том, что после февральских дней настроение рабочих сильно поднялось и они предъявили хозяевам различные требования, что вызвало целый ряд стачек. В подобных случаях обращались к посредничеству Люксембургской комиссии.

Как уже было сказано выше, в 1848 г. много говорили о социальных преобразованиях. Такого рода дебаты имели место и в Люксембургской комиссии, там современный общественный строй был подвергнут жестокой критике. Считаем нелишним привести здесь одну из таких речей.

«Вы нас призываете к работе», воскликнул один член комиссии, «но ведь у нас нет ни полей для обработки, ни леса для постройки, ни железа, которое мы могли бы ковать... Разве нам не запрещено собирать плоды в садах и полях, черпать воду из колодцев, охотиться в лесах и отдыхать под тенью их листвы? У нас ничего нет для работы, для жизни, потому что все созданное трудом наших рук находится во власти собственников, потому что до нас и без нас изданы законы, бросающие нас на произвол судьбы, потому что, согласно этим законам,

все средства производства находятся в исключительном пользовании отдельных привилегированных лиц».

Одной из непосредственных задач Люксембургской комиссии было составлять законопроекты и вносить их на обсуждение в национальное собрание. Какими средствами комиссия надеялась устранить все существующие социальные неурядицы? Предоставим слово Луи Блану, творцу всех наиболее важных реформаторских проектов комиссии. Он пишет:

«Внесенные Люксембургской комиссией предложения сводятся к следующему:

«1. Должно быть учреждено министерство труда, специальная задача которого заключается в том, чтобы расширить социальную революцию и постепенно, мирно, без потрясений содействовать подъему пролетариата.

«2. Министерству труда должно быть поручено: 1) скупить все железнодорожные и горнопромышленные предприятия по средствам выпуска государственных облигаций; 2) превратить Французский Банк в государственный банк; 3) установить государственное страхование, 4) устроить под наблюдением ответственных чиновников большие склады товаров, куда фабриканты и производители будут складывать свои товары, получая взамен квитанции, которые будут играть роль бумажных денег, так как гарантией будут служить сданные товары, и 5) открыть базары, которые должны для мелкой торговли играть такую же роль, как товарные склады для крупной.

«3. Чистый доход со всех этих предприятий железнодорожных, горнопромышленных, банковых и товарных складов пойдет на образование рабочего бюджета при министерстве труда.

«4. Проценты и погашение долгов должны покрываться из рабочего бюджета, излишек должен быть употреблен: 1) на затраты по организации рабочих ассоциаций; 2) на устройство сельско-хозяйственных колоний.

«5. В основу ассоциаций должен быть положен принцип братской солидарности. Они должны быть организованы так, чтобы мог быть составлен неотчуждаемый и непрерывно возрастающий коллективный капитал, что является единственным способом освободиться от мелкого и крупного ростовщичества. Таким образом капитал не будет больше служить ору-

дием тирании, собственность на орудия производства не будет привилегией, кредит—товаром, благосостояние—исключением, праздность—правом.

«При таких условиях ассоциации будут иметь право рассчитывать на материальную поддержку государства.

«6. Для достижения этой цели ассоциации должны распределить свои доходы следующим образом:

«За вычетом издержек на заработную плату, проценты, транспортировку и сырье, чистый доход распределяется: 1) четверть на погашение капитала, отчужденного государством у частных собственников; 2) четверть на поддержку старых и больных рабочих; 3) четверть на премии рабочим и 4) четверть на образование запасного фонда.

«На таких началах будут организованы отдельные мастерские, все мастерские разных отраслей промышленности составят общий союз на принципе взаимной солидарности».

Вот что подразумевалось Луи Бланом под министерством труда; этого требовали собравшиеся 28-го февраля перед рагупей рабочие, и это было отвергнуто временным правительством.

Временное правительство опасалось, как бы это не послужило средством в руках Луи Блана для проведения своего заветного плана организации труда, поэтому оно медленно и с большой неохотой ассигновывало средства некоторым рабочим ассоциациям на обработку сырья, другими словами, на выполнение полученных ими заказов.

Известный английский экономист Джон Стюарт Милль высказал следующее мнение о Люксембургской комиссии и ее деятельности:

«Внесенные в Люксембургскую комиссию проекты совершенно не оправдывают панического ужаса, вызванного во всей Европе словом «социализм». Вполне естественно ожидать от правительства, чтобы оно в известных пределах облегчало материальной поддержкой организацию промышленных товариществ, основанных на социалистических принципах».

Интересно мнение Маркса о значении Люксембургской комиссии: «За Люксембургской комиссией, этим детищем парижских рабочих,—пишет он в «Классовой борьбе»,—нельзя не

признать заслугу в том, что она раскрыла с европейской трибуны тайну февральской революции: *эмансипацию пролетариата*. „Moniteur“ бесновался, будучи вынужден официально проповедывать «дикие фантазии», которые до тех пор скрывались в апокрифических сочинениях социалистов и только от поры до времени доходили до ушей буржуазии не то в виде смешных, не то в виде ужасных сказок. Ошеломленная Европа проснулась от своего буржуазного сна».

В действительности Луи Блану не удалось в 1848 г. провести ни одну из своих социальных идей в более или менее полном виде. Это объясняется, главным образом, недоверием, с которым были встречены «национальные мастерские», основанные одновременно с начавшейся агитацией в пользу «социальных мастерских» Луи Блана. Многие писатели отчасти по невежеству, отчасти из злого умысла смешивали эти национальные мастерские с социальными мастерскими Луи Блана. Первые были основаны помимо Луи Блана и для борьбы с ним и Люксембургской комиссией. Они представляли собой новую форму буржуазной филантропии, и Кентэн Бушар совершенно верно назвал их «организацией милостыни»¹⁾.

Социалистический писатель Виктор Марук, составивший брошюру о июньских днях, говорит о национальных мастерских:

«Прежде всего они должны были вызвать деморализацию в рабочей среде. Но относительно парижского пролетариата нечего было опасаться, он с самого их возникновения горько жаловался на унижительное положение, в которое последние его поставили. Только муки голода гнали его в национальные мастерские».

Действительно, только голод, вызванный острым промышленным кризисом, начавшимся еще до революции и осложнившимся благодаря последним событиям, мог заставить парижских рабочих поступиться своим человеческим достоинством и обратиться к национальным мастерским. Крупная буржуазия желала, чтобы кризис осложнился, во всяком случае она

¹⁾ Маркс называет их в „Классовой борьбе“ „английскими рабочими домами на воле“.

всеми силами ему способствовала. Она поспешила изъять из промышленности свои капиталы, припрятать свои богатства и, таким образом, объявить войну новому режиму. Естественно, что параллельно с тем, как возрастала нужда трудящихся масс, усиливался наплыв в национальные мастерские. Число занятых в мастерских рабочих 11-го марта равнялось 5.100, 31-го марта—23.250, в конце апреля—34.520, а в июне достигло 117.310.

Эта громадная армия труда была с самого начала организована на военный лад. Рабочие получали квитанцию на порцию хлеба и постоянную ежедневную плату в 2 франка, праздничный день оплачивался 1½ фр. Каждые 11 чел. составляли капральство, во главе которого стоял выбранный рабочими начальник, получавший 3 франка в день. Пять капральств составляли бригаду, которой командовал также выбранный начальник с платой в 3 франка. Каждые 4 бригады составляли лейтенантство, 4 лейтенантства—роту под начальством поручика и мастера; последний назначался властями.

Найти работу для всей этой массы оказалось чрезвычайно трудно. Согласно желанию временного правительства, необходимо было строго придерживаться определенных рамок; пришлось поэтому ограничиться непроизводительным трудом, преимущественно земляными работами. Государственные инженеры не дали себе труда составить план крупных, полезных предприятий. Бюрократия, незадолго перед тем служившая Луи Филиппу, хотела показать республике, как сильно она презирала новую форму правления. Поэтому в национальных мастерских порой не знали, что делать с рабочими. Под предлогом транспортных работ их иногда посылали целыми ротами на прогулку. Рабочие фланировали с песнями и криками по улицам столицы, нагоняя страх на парижан. Рабочим ставили в вину то, что составляло позор и преступления буржуазии. Последняя все более проникалась дикой ненавистью к рабочим, что и вылилось в кровавую расправу июньских дней.

Между рабочими национальных мастерских было много сильных, энергичных людей, у которых эта работа вызывала краску стыда. Но что же им было делать? От получаемых ими

нищенских 2 франков часто зависела участь дорогих и близких людей. С другой стороны, правительство не всегда могло принять всех рабочих, которых горькая нужда гнала в национальные мастерские.

Посвященные люди спокойно смотрели на развертывающиеся перед ними события. Они были уверены, что национальные мастерские не долго продержатся, а с их уничтожением легко будет взвалить всю вину за неудачную систему на их мнимых творцов, Луи Блана и других, и, таким образом, вооружить крестьянство против социалистов. Эти соображения составляли истинную подкладку широковещательных обещаний Ламартина и других краснобаев, которых ослепленный Луи Блан так часто поддерживал.

Наиболее реакционным членом временного правительства был министр общественных работ Мари. Он поставил во главе национальных мастерских молодого инженера Эмиля Тома, казавшегося ему пригодным для достижения своих тайных замыслов. Этот инженер назывался чрезвычайным комиссаром.

Главная цель Мари заключалась в том, чтобы держать рабочих в полной зависимости от правительства. Усердие и преданность отдельных лиц можно было купить отличиями и теплыми местечками. Поэтому очень скоро приступили к тайной агитации в пользу реакционного большинства временного правительства против социалистических тенденций Люксембургской комиссии и клубов. Эмиль Тома сам замечает в своей «Истории национальных мастерских», что был организован специальный клуб из ставленников национальных мастерских, как противовес Люксембургской комиссии.

Виктор Марук характеризует положение вещей следующими меткими словами: «Рабочие были организованы на военную ногу с целью поддержать антиреволюционные планы части временного правительства. Составив, таким образом, своего рода преторианскую гвардию, готовую идти туда, куда ей прикажут, реакционеры одновременно нанесли удар социализму и внесли раскол в среду пролетариата».

Эмиль Тома пишет об этом заговоре следующее: «г. Мари пригласил меня в ратушу... Тут он отвел меня в сторону и спросил, могу ли я рассчитывать на своих рабочих. Я думаю,

что да, возразил я; но их число возрастает со дня на день, так что мне уже трудно непосредственно влиять на них, как бы я этого желал. Об этом не беспокойтесь, сказал министр, если рабочие будут держаться хорошо, то их число никогда не будет слишком велико. Найдите только средство привязать их к себе; денег не жалеете, в крайнем случае, мы вам откроем секретный фонд... Но можете ли вы во всех отношениях надеяться на своих людей? Возможно, что скоро наступит день, когда нужно будет их повести на улицу».

Так далеко зашел уже заговор реакционных элементов правительства. Реакционеры уже не довольствовались антисоциалистической агитацией в клубе национальных мастерских, где наемные агенты всеми силами старались в области социальных наук привить рабочим чисто буржуазные идеи, они пустили в ход все средства, чтобы разжечь в массе ненависть против таких людей, как Бланки, Распайль, Луи Блан и др.

Эта агитация шла довольно успешно. И в 1848 г. рабочие могли быть так же одурачены, как это часто случалось и раньше. Социалистическое воспитание французского пролетариата, которое и теперь находится далеко еще не на высоте тогда только что началось. Социалистическая мысль была тогда еще робка и бессознательна. Рабочие не могли так скоро отделаться от старых, усвоенных с детства предрассудков. Рабочие бились в тисках давившего их экономического гнета и порой сами не знали, на ком и на чем излить всю накипевшую в них злобу, и при таких условиях легко попадали в ловушки какого-нибудь ловкого политического интригана.

Многие рабочие, потеряв способность к труду и не имея никаких средств к жизни, с безумной яростью набрасывались на то, что им казалось причиной всех их несчастий: они начали разрушать машины. Этим дело не ограничилось. В апреле 1848 г. огромная толпа французских рабочих напала на иностранных рабочих обвиняя их в том, что они отнимали у них последний кусок хлеба. В Марсели, где находилось много итальянских торговых рабочих, также разыгрались серьезные беспорядки. В Гавре английские рабочие после неоднократных стычек вынуждены были покинуть город.

Подобные сцены происходили и в некоторых углепромыш-

ленных районах. Париж также был охвачен этим движением. Увлеченный господствующим настроением, революционный полицейский префект Коссидьер издал приказ, в котором он, между прочим, предупреждает иностранных рабочих, что они больше не могут быть приняты в национальные мастерские и что, возможно, ему придется уволить из мастерских уже работающих иностранцев.

Но из среды самих французских рабочих и их руководителей раздался энергичный протест против этих диких выходов. Орган бюшесистов «*Atelier*» обратился с настойчивым предупреждением к ослепленным французским рабочим. Также Люксембургская комиссия выступила с энергичной защитой иностранных рабочих. От ее имени Луи Блан сообщил временному правительству следующее разъяснение, которое и было напечатано 9-го апреля в «*Moniteur*».

«Принимая во внимание, что республика достигла полной победы, исходя из принципов братства; что мы боролись и победили во имя и в интересах всего человечества; что человеческая личность является по природе своей священной, независимо от того, к какой бы национальности она не принадлежала; что долг и природное благородство французов заключается в том, чтобы своими победами, а в случае крайности и своими страданиями приобретать симпатии народов; принимая во внимание, что, если Франция теперь и доставляет средства к жизни многим иностранцам, то гораздо большее число наших соотечественников добывают себе пропитание в Англии, Германии и других странах; что изгнание из пределов Франции наших иностранных братьев навлекло бы на нашу родину позор и неисчислимые бедствия, вызвав такие же репрессии со стороны других государств,—временное правительство отдает всех находящихся во Франции иностранных рабочих под защиту французских рабочих, оно доверяет благородству французского народа честь нашей гостеприимной республики».

На этом закончилось враждебное отношение к иностранным рабочим, но это движение лишь раз показало, что среди парижского пролетариата находится еще много стихийных, бессознательных элементов, которые легко склонить в пользу реакции, чем при случае реакционное правительство и может

воспользоваться, чтобы разбить наголову социалистически мыслящую часть пролетариата.

Эти волнения облегчили реакционным правительствам Франции выполнить свой задуманный план.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Революция в Европе. Восстание в Вене и Берлине. Волнение в Германии. Италия: Милан, Венеция. Роль Карла Альберта. Политика временного правительства и европейская революция. Французский народ и иностранные демократы. Попытка к восстанию вольных дружин. Жалкая тактика правительства.

Мы уже упоминали о том, что перед февральской революцией Европа была охвачена сильным брожением. Не совсем верно мнение многих писателей, утверждающих, что февральская революция подняла восстание во всей Европе. Везде накопилось очень много народного недовольства, революционная буря во Франции, прекратившись громким эхом по всей Европе, послужила только последним толчком, поднявшим европейские народы против своих угнетателей.

13-го марта вспыхнуло восстание в Вене. Народ требовал отставки Меттерниха, народной милиции и конституционного образа правления. Два дня длился бой, и 14-го марта император Фердинанд счел себя вынужденным удовлетворить эти требования, Меттерних бежал в Лондон, где тогда находили себе убежище все государственные деятели и монархи, спасаясь от революционных бурь на континенте. 15-го марта в Вену явилась венгерская депутация с Людовиком Кошутом во главе, также добившаяся удовлетворения своих требований: установления национально-венгерского правительства с отдельным самостоятельным министерством.

На той же неделе, когда это происходило в Вене, в Берлине тоже началось народное брожение. Здесь тоже вначале народные требования были очень скромные, они заключали в себе только отмену цензуры и провозглашение конституции.

Король Фридрих-Вильгельм IV уступил, и 18-го марта подписал два приказа: один отменял цензуру и вводил залоговую систему, другой созывал соединенный прусский ландтаг на 2-ое апреля. Либеральная буржуазия вполне удовлетворилась этим, и громадные толпы направились к дворцу, чтобы выразить свою благодарность королю, как вдруг в два часа пополудни произошла катастрофа вследствие высокомерия берлинских военачальников. На дворцовую площадь прискакали драгуны и гренадеры, чтобы очистить площадь и оттеснить собравшихся граждан в соседние улицы. Солдаты дали два выстрела, толпа разбежалась, испуская крики мести и ярости, и с замечательной быстротой улицы покрылись баррикадами. Рабочие покинули мастерские и приняли участие в уличной борьбе, которая тянулась до утра 19-го и закончилась полным поражением придворной военной партии и отозванием войск из столицы.

Одновременно с Берлином поднялся Кельн и другие города на Рейне. Прирейнские провинции тогда еще не были так подчинены влиянию Пруссии, как впоследствии, и начали раздаваться голоса, требовавшие отделения от прусского государства и присоединения к французской республике. Наряду с этим политическим движением, исходившим, главным образом, из среды уже высоко развитой рейнской буржуазии, началось брожение среди рейнского пролетариата с заметной социалистической окраской. Рабочие требовали уничтожения постоянной армии, установления народной милиции, защиты труда и воспитания детей на государственный счет.

К концу марта уже вся Германия, от Одера до Боденского озера, от русской до бельгийско-французской границы, была охвачена могучим народным движением. Вследствие еще мало развитых производственных отношений и вытекающей отсюда туманности и расплывчатости социальных идей, движение только местами носило социалистический характер, переходя постепенно в борьбу за конституцию.

Более живой отклик февральская революция нашла в Италии. Мы знаем, какое прозное направление приняло там народное движение, начиная с 1846 г. Либеральные заигрывания папы Пия IX придали новую силу этому движению.

В Неаполе происходила ожесточенная борьба за конституционную реформу, город задыхался под гнетом фанатически абсолютного монарха Фердинанда II. Не лучше обстояли дела в обеих северных провинциях Италии, Ломбардии и Венеции, согласно Венскому договору присоединенных к Габсбургскому дому и изнемогавших под тяжестью австрийского ига. Для борьбы с крамолой австрийское правительство ввело в этих провинциях исключительные законы, что позволяло ему при помощи военного суда казнить всякого, заподозренного в участии в заговоре против австрийского господства. Порабощенные провинции долго не знали, как избавиться от накинута на них мертвой петли и в отчаянии порой прибегали к мелочным и пассивным средствам борьбы, которые однако показывали, сколько злобы и ненависти против Австрии накопилось в народных массах. Так, например, народ отказался от куренья с тех пор, как Австрия ввела в Ломбардии и Венеции государственную табачную монополию.

Февральская революция подняла дух итальянцев. Патриоты были готовы пролить свою кровь за независимость родины, надеясь на своевременную поддержку со стороны Франции. Произошло несколько стычек, но до общего восстания дело не дошло.

Слишком грозными казались военные силы Австрии, которая, конечно, не остановилась бы ни перед какими средствами, чтобы удержать за собой эти провинции. Благодаря суровым полицейским мерам «общественный порядок не был нарушен в городах». На площадях были поставлены пушки, на перекрестках улиц — патрули и был отдан приказ при малейшей революционной вспышке открыть огонь. Эти города напоминали собой теперь кладбище: повсюду господствовала мертвая тишина, магазины были закрыты, ночью город утопал во мраке.

Венские события встряхнули миланцев. Ударили в набат, и брожение охватило все окрестности. В самом Милане вспыхнуло настоящее народное восстание. По улицам ходили густые толпы народа с трехцветными итальянскими национальными знаменами.

Первое столкновение между народом и войсками произошло утром 18-го марта, загорелась уличная борьба, которая велась

с обеих сторон с большим ожесточением. Народ вооружался всем, что попадало ему под руку. Женщины держали наготове кипящее масло, чтобы обливать из окон проходящие войска. Уже на второй день борьбы австрийская армия под начальством фельдмаршала Радецкого имела в своих руках только цитадель. 22-го марта Радецкий покинул Милан, узнав, что на поддержку миланцам двинулись ломбардские и альпийские крестьяне и что сардинский король Карл Альберт собирается со своим войском перейти пьемонтскую границу, чтобы стать во главе движения.

Карл Альберт, бывший в молодости членом союза карбонариев, решивший стать во главе итальянского освободительного движения, отнюдь не руководствовался любовью к свободе итальянского народа. Он был религиозным фанатиком и долгое время служил орудием в руках иезуитов. Сделавшись ренегатом, он с деспотической жестокостью преследовал в Сардинии либералов, но, почувствовав, что Италия скоро свергнет чужеземное иго, он вдруг в 1847 году завязал дружеские сношения с радикальными кругами, чтобы получить возможность использовать плоды их усилий. При такой тактике он очень мало рисковал, выиграть же он мог очень многое: если бы ему удалось приобрести известную популярность, он мог бы рассчитывать после изгнания австрийцев получить приглашение от патриотов занять их место. Перспектива овладеть Ломбардией и другими провинциями показалась деспоту Карлу Альберту настолько соблазнительной, что он решил пойти на уступки либеральному духу времени.

Побуждаемый, главным образом, этими соображениями, Карл Альберт составил 11-го октября 1847 г. либеральное министерство с графом Цезарем Балбо во главе и одобрил много назревших реформ. Это сделало его в Италии не менее популярным, чем папу. Кроме того, он располагал внушительными военными силами и поэтому должен был казаться патриотам весьма выгодным союзником. Как бывший карбонарий, он прекрасно был осведомлен о республиканских целях союза, и из боязни, как бы власть не перешла в руки наиболее радикальных элементов революции, он, узнав о восстании в Милане, сейчас же двинулся со своей армией в Ломбардию, что-

бы сделать попытку основать конституционное королевство Верхней Италии.

Также и в Венеции народная ненависть против австрийского господства вылилась в форму революционного восстания. Венецианцы решили освободить своих народных героев Даниэля Манина и Николо Томазо, арестованных 18-го января. Это восстание носило такой бурный характер, что гарнизон был обезоружен прежде, чем он успел приготовиться к сопротивлению. Уже 22-го марта Манин воскликнул на площади Сан-Марко: «Недостаточно уничтожить старый политический режим, необходимо на его место учредить новый, именно республику!». Действительно, сейчас же в этом старом аристократическом городе был установлен республиканский образ правления, потому что здесь полагались на собственные силы и не нуждались в помощи сардинского короля. Равным образом, почти одновременно была провозглашена республика в Парме и Модене.

Февральская революция со всеми последовавшими событиями нагнала ужас на европейских монархов и они начали тайно готовиться к борьбе. Прусский король приказал привести в боевую готовность пограничную крепость Saarlouis. Император Николай, получивший известие о февральской революции на придворном балу, обратился к своим офицерам со словами: «Господа, во Франции провозглашена республика. Будьте готовы к походу!». Какие ужасные воспоминания должно было вызвать слово «республика» у абсолютных монархов! По их мнению, новая республика должна была служить повторением первой французской республики, которая, конечно, не ограничится внутренней революцией, а сейчас же двинет свои войска, чтобы ниспровергнуть монархические троны старой Европы.

Но на этот раз страх европейских монархов был совершенно напрасный. Министр иностранных дел Ламартин, наиболее влиятельный член временного правительства, ничего общего не имел с Сен-Жюстом, другом Робеспьера, который в свое время, достигнув берега Рейна, дал парламентам союзников следующий смелый ответ: «Французская республика ничего не берет от своих врагов, она посылает им только свинец».

Ламартин с согласия своих коллег поспешил успокоить европейские дворы. Послы Луи-Филиппа были отозваны и на их место временно назначены агенты республики. Данные им инструкции указывали, что республика не желает ни изменить положение Франции в Европе, ни стать в другие отношения к остальным державам. Напротив, Франция желает поддерживать хорошие отношения с теми государствами, которые так же, как и она, стремятся к всеобщему миру и сохранению независимости отдельных народов.

Тогда в Европе было немного правительств, которые, действительно, признавали принцип независимости народов. Для Ламартина эта фраза служила дипломатической выходкой, преследовавшей двоякую цель—убедить европейские державы в невмешательстве Франции в их внутренние дела и охладить пыл французских революционеров, требовавших поддержки европейских революционных течений со стороны правительства республики. Он облек эту мысль в пышные громкие фразы, опасаясь потерять свою популярность в народе.

Лавируя между желанием успокоить европейских монархов и боязнью вызвать народное недовольство внутри страны, сладкозвучный поэт составил длинный манифест, который должен был разъяснить всему миру внешнюю политику республики. Манифест, прежде всего, провел параллель между первой и второй республикой. Если, дескать, первой республике нужно было воевать, то вторая республика заинтересована преимущественно в сохранении мира. Это объяснение ясно указывало на желание французского правительства сохранить мир во что бы то ни стало, политика, которую республиканцы так часто ставили в вину июльской монархии, так как она способствовала развитию европейского абсолютизма. Далее Ламартин принимает более гордый вид, желая подкупить национальное самолюбие французов. Он пишет: «Излагая свою точку зрения, временное правительство далеко от мысли извиняться перед державами за то, что оно имело смелость провозгласить республику, еще меньше оно расположено просить их о признании Франции республикой». Затем манифест указывает, что договоры 1815 г. для республики необязательны, и тем не менее она считает территориальные отношения, выте-

кающие из этих договоров, фактом, который должен служить для Франции основой и исходным пунктом ее сношений с другими нациями. Если в этой области окажутся желательными некоторые перемены, то их следует добиваться мирным, легальным путем.

Одно место манифеста прямо касается революционных течений в некоторых странах Европы. Ламартин посвящает им несколько красивых фраз, желая, таким образом, удовлетворить общественное мнение Франции. Он говорит: «Если по воле провидения наступит час возрождения некоторых подавленных национальностей Европы или других частей света, если демократическому движению Швейцарии, нашей верной союзницы со времени Франца I, будут угрожать или ставить препятствия, если нападут на независимые области Италии, чтобы положить предел или помешать их внутренним преобразованиям, если вооруженной рукой будут оспаривать их право на взаимный союз с целью объединения Италии, то французская республика будет считать себя в праве взяться за оружие, чтобы поддержать эти движения... Республика объявляет себя духовным союзником всякого прогресса, всякого права, всякого закономерного развития наций, желающих жить по ее (республики) принципам. Она не будет вести никакой революционной пропаганды в соседних странах. Она знает, что устойчивой бывает только та свобода, которая имеет свои собственные корни в жизни данной страны».

Повторяем, по существу этот манифест заключает в себе гарантию мира для держав и пустые фразы для прогрессивных стремлений французов и других народов. Все эти слова о желании мирных преобразований, устойчивости самобытной свободы и т. д. звучали очень красиво, но связывать себя обещанием по возможности держаться мирной тактики в такой момент, когда народы Европы проливали свою кровь за свободу, напрягая последние силы, чтобы сбросить с себя оковы абсолютизма, было равносильно заявлению, что Франция ничего для них не хочет делать.

Европейские монархи прекрасно уразумели мещанский дух временного правительства, скрывающийся в этих фразах и успокоились. Они поняли, что могут продолжать свою реак-

ционную политику, купаясь в крови своих народов: Франция и палец о палец не ударит для последних.

Однако было бы несправедливо взыскивать вину за эту комедию на парижское население и вообще на население больших городов Франции. Оно, напротив, горело желанием снять оковы с остальных народов и, как мы увидим дальше, считало их освобождение своим собственным делом. Кроме того, в Париже было огромное количество иностранцев и в том числе много политических эмигрантов, после февральских дней мечтавших вернуться на родину во главе вольных дружин, снаряженных молодой республикой, чтобы установить в своем отечестве принцип народовластия. В числе эмигрантов было много немцев, сражавшихся на парижских баррикадах во время революции. Они приняли 6-го марта составленный Гервегом восторженный адрес к французскому народу и два дня спустя в полдень отправились с Карусельской площади в количестве 6.000 чел. торжественным шествием с французскими и немецкими знаменами к ратуше, где Гервег, сопровождаемый тридцатью товарищами, передал этот адрес временному правительству. Кремье от имени последнего благодарил за выраженные чувства и приветствовал союз обеих наций, немецкой и французской. Эта манифестация была встречена парижанами с большим энтузиазмом. Когда стало известно о происшествиях в Берлине и Вене, о готовящемся республиканском восстании в Бадене, многие из наиболее горячих немцев не могли больше оставаться в Париже. Они быстро составили колонну, выбрали военных руководителей и 24-го марта направились в Страсбург, чтобы содействовать учреждению республики в Германии.

Как уже было упомянуто, проживающие в Париже иностранцы, как и парижане, образовали очень много клубов. Существовал всеобщий бельгийский союз; поляки, составившие даже военные легионы, располагали многими клубами. Далее, функционировали клубы итальянцев, ирландцев и пр. Важнейшими из всех этих клубов были немецкие. Немецкое демократическое общество с *Гервегом* и *Вернштедом* во главе, из которого, между прочим, исходил упомянутый адрес, насчитывало много тысяч членов. Это общество имело только поли-

тически-демократический характер; вполне определенную социальную окраску носил немецко-парижский союз, в котором особенно выделялись *Мориц Гесс*, *Шабелиц*, *Эвербек*. К нему примыкали также *Карл Маркс* и *Фридрих Энгельс*. Этот союз был против возникшей в демократическом обществе мысли вооруженного нападения на Германию и советовал своим членам, желавшим покинуть Париж, вернуться по одиночке на родину.

Приходивших в ратушу депутатов иностранных республиканцев почти всегда принимал Ламартин. Опасаясь, как бы не возникли осложнения в иностранной политике, он систематически отказывался выдать им оружие, отделиваясь громкими фразами. Объяснения подчас принимали очень резкий характер, особенно бурны были переговоры с поляками и немцами, возмущенными двусмысленным поведением временного правительства. Военный руководитель немцев Бернштет был прав, когда на заседании «Общества прав человека» воскликнул: «Франция не должна допустить, чтобы народы, обращающиеся к ней за помощью, были изрублены». Один французский член этого, хотя и антибланкистского, но все же революционно настроенного клуба, в ответ ему сказал, что на всех истинных республиканцах лежит обязанность заставить правительство поддерживать иностранных патриотов.

Однако, временное правительство не осмелилось совершенно отказаться от поддержки иностранных демократов. На заседании 24-го марта оно пришло к заключению, что, пожалуй, даже выгоднее помочь немецким эмигрантам вернуться на родину, чем оставлять эти революционные элементы в Париже, и ассигновало им 60.000 франков на путевые расходы.

Три дня спустя оно субсидировало 150.000 фр. полякам, гарантируя, кроме того, от имени французского народа защиту и поддержку всем оставшимся во Франции женам и детям. От доставки оружия правительство решительно отказалось, желая остаться в стороне от вооруженного нападения.

30-го марта покинула Париж вторая колонна, провожаемая до Венсенского предместья сочувственной толпой, состоявшей из французов и представителей других национальностей. За первыми двумя колоннами последовали другие. Общее количе-

ство составляло 800 человек, они шли с черно-красно-золотым знаменем объединенной Германии. Но момент для восстания был выбран неудачно. Немецкие правительства, вынужденные идти на уступки, кое-как успокоили поднявшееся волнение и, хотя в немецком народе еще долго господствовало недовольство, но он ублаживал себя надеждой на лучшее будущее и не был расположен к импровизированному восстанию. В неудачном исходе этого предприятия повинно и временное правительство. Последнее пустило в ход все средства, главным образом, тайные разъяснения соответствующим державам, и содействовало поражению восстания.

Такого рода вольные дружины составлялись и в других городах Франции.

Лион, второй город королевства, был сильно увлечен революционным движением. Когда лионцы узнали о февральских событиях в Париже, они выбрали в ратуше временный комитет и начали среди местного пролетариата деятельную агитацию в пользу крупных социальных реформ. Поднялось также сильное брожение среди иностранных демократических элементов Лиона. 30-го марта на площади Беллекур собралось около 1.500 савойцев, сопровождаемых восторженно настроенной толпой. Они собирались вернуться на родину, чтобы учредить там республику. На их просьбу выдать им оружие последовал категорический отказ со стороны комиссара республики Эмануила Араго (сын члена временного правительства). Последний старался изо всех сил обескуражить савойцев и отклонить их от предполагаемого предприятия. Он им доказывал, что в то время, когда Карл Альберт сражается за независимость Италии, неудобно произвести неожиданное нападение в его савойских владениях. Его старания ни к чему не привели: в тот же день 30-го марта колонна двинулась в путь. Она благополучно достигла Шамбери, столицы Савойи, и заняла ее без боя. Пьемонтские чиновники разбежались, была провозглашена республика и выбрано временное правительство. Но реакционеры скоро заметили, что революционером всего-на-всего тысяча человек с чем-то и что они плохо вооружены. Это им придало мужество, они пустили слух по деревням, что Шамбери захвачен шайкой разбойников, поднялось крестьянство и после жесто-

ченной битвы республиканцы были частью прогнаны, частью перебиты.

Бельгийцы также составили две колонны, чтобы вернуться на родину и провозгласить там республику. Ледрю-Роллен, отдавая дань своим старым наклонностям к якобинству, высказался в пользу этой экспедиции, полицейский префект Косидьер также ее одобрил.

В ее распоряжение были отданы два железнодорожные поезда, при чем правящие сферы делали вид, что дело идет только о возвращении бельгийских граждан на родину. Первый поезд двинулся в путь, но вместо того, чтобы задержать его на границе, французские власти распорядились прицепить эти вагоны в Валенсене к бельгийскому поезду и пустить на бельгийскую территорию, где поджидавший республиканцев батальон солдат взял их в плен, как только они вышли из вагонов. Входящие в состав отряда французы были возвращены на французскую границу, а бельгийцы арестованы. Была ли это только грубая оплошность или предательская хитрость со стороны временного правительства,—остается невыясненным. Со вторым отрядом дело также обстояло не лучше. Поезд остановился на французской территории и республиканцы направились в Секлин, город, расположенный у бельгийской границы. В соседнем городе Лиле находился комиссар республики Делеклюз. Он очень сочувственно отнесся к экспедиции; по его мнению, она должна была успешно выполнить свою задачу, если ей будет оказана серьезная поддержка. Он снабдил колонну оружием и амуницией, которые были собственно предназначены для лильской национальной гвардии. Но колонна, обескураженная неудачей первого отряда, оставалась пока в Секлине. Делеклюз, не решаясь взять на себя ответственность, не убеждал ее перейти границу. Он телеграфировал Ледрю-Роллену, прося ясного ответа, уговаривать ли ему бельгийцев перейти границу или нет. Говорят, Ледрю-Роллен дал отрицательный ответ, но произошло какое-то недоразумение, и Делеклюз получил положительный ответ. Как бы там ни было, в ночь с 27-го на 28-е марта колонна перешла границу. Давно поджидавшие ее бельгийские войска, хорошо осведомленные

о каждом ее движении, встретили ее убийственным огнем. Колонна была рассеяна, а ее остатки бежали за границу.

Все эти неудачи действовали самым угнетающим образом на европейскую демократию. На эти предприятия смотрели, как на дело республики, и их плачевный исход должен был естественно бросить тень на последнюю.

Недаром передовая социалистическая демократия Франции обрушилась на временное правительство за его внешнюю политику. Бланки открыто обвинял его в том, что оно выдавало бельгийцев их правительству.

Трудно решить, укрепила ли бы наступательно-революционная внешняя политика положение революционных элементов внутри страны. Конечно, такая политика соответствовала бы традициям 1793 г., жившим в республиканско-революционных кругах Франции, но ведь теперь о 1793 г. уже не могло быть и речи. Буржуазия пережила свой героический период, вся социальная структура Франции и соотношение политических сил Европы были другие, и те же самые люди, которые при Луи-Филиппе так высоко ставили традиции империи, испуганно отшатнулись от новых идей, которые легли в основу правительственной политики.